

Заключение комиссии специалистов № ДВ-317/20

г. Санкт-Петербург

«30» мая 2021 г.

Начато 20 апреля 2021 г. в 17 часов 45 минут.
Окончено 30 мая 2021 г. в 21 час 30 минут.

Основание производства комплексного исследования: запрос адвоката К. С. Кузнецовой, являющейся защитником подсудимого Т. по уголовному делу № XXX, находящемуся в производстве ... суда.

Сведения о специалистах, выполнивших комплексное исследование:

- 1. председатель комиссии специалистов, специалист-лингвист** Жарков Игорь Вениаминович — начальник научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС), образование высшее филологическое (лингвист — специалист по структурной и прикладной лингвистике, со знанием английского языка, диплом с отличием РВ № 579491), кандидат филологических наук (специальность: «10.02.21 — Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г.), стаж научной деятельности и работы по специальности — 30 лет, стаж судебно-экспертной деятельности с 2002 г.; действительный член ГЛЭДИС, член правления ГЛЭДИС, свидетельство эксперта № 021-20/36-сэ от 10.01.2020 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 10 января 2020 г., протокол № 11; является одним из авторов методических рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы: Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов.* — М.: ИПК «Информкнига», 2010 (**издание подготовлено по заказу Роскомнадзора**); имеет благодарность Председателя Суда по интеллектуальным правам;
- 2. специалист-психолог** Константинова Вероника Валерьевна, член научно-методического совета в субъектах РФ и за рубежом ГЛЭДИС, эксперт сообщества «Amicus Curiae» (Гуманитарная экспертиза для справедливого правосудия), имеет высшее юридическое образование (специальность «правоведение», диплом ТВ № 420553, выданный в 1990 г. Ленинградским ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственным университетом им. А. А. Жданова) и высшее психологическое образование (психология, преподаватель психологии, диплом СА № 04807, выданный в 2011 г. Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет"), стаж судебно-экспертной деятельности с 2018 г.

Для производства настоящего исследования в распоряжение комиссии специалистов предоставлены **материалы уголовного дела № XXX**, находящегося в производстве ... суда, **в электронных копиях на оптическом диске** (носитель и его содержимое описаны в разделе 2 настоящего заключения; предоставленный в распоряжение специалистов оптический диск является приложением к настоящему заключению), включая:

- т. 1, л. д. 1-245;
- т. 2, л. д. 1-240;
- т. 3, л. д. 1-72;

1	Специалист	И. В. Жарков
	Специалист	В. В. Константинова

- видеофонограммы «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi», «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi», «MVI_1263.MP4», «MVI_1264.MP4»;
- находящиеся в подпапках, размещенных в папке «Материалы для заключения отдельно», дополнительные копии части материалов уголовного дела (вероятно, созданные для удобства доступа специалистов к тем материалам дела, в отношении которых защита ставит вопросы перед специалистами, и иным материалам, которые защита полагает наиболее существенными для разрешения поставленных перед специалистами вопросов).

02/V-2021 по устному запросу специалистов **дополнительно** предоставлены:

- текст **обвинительного заключения** по данному уголовному делу, составленного старшим следователем Ж. (с. 1–33), с приложением списка лиц, подлежащих вызову в суд (с. 34–35), и справки (с. 36–38);
- светокопия постановления заместителя ... прокурора... об удовлетворении жалобы адвоката С. П. Каньшина, вынесенного 08/II-20201, с сопроводительным письмом от 08/II-2021 № 658ж-2020, всего на 4 л.

Обстоятельства дела известны специалистам из представленных материалов в объеме представленного.

Перед специалистами поставлены следующие **вопросы**.

1. Соответствует ли содержание протоколов допросов несовершеннолетних потерпевших содержанию видеофонограмм, фиксирующих речевые и иные действия участников допросов; если нет, то в чем состоит несоответствие?

2. Имеются ли в речевом содержании видеофонограмм наводящие вопросы со стороны участников допросов, а также ответы потерпевших, содержание которых определялось влиянием иных участников? Если да, то какие именно вопросы являются наводящими, содержание каких именно ответов полностью или частично определялось указанным влиянием и в каких речевых и иных действиях участников допроса указанное влияние реализовано?

3. Имеются ли в показаниях потерпевших признаки подготовленности, заученности речи, естественного или неестественного припоминания?

4. Имеются ли в поведении потерпевших, зафиксированном видеофонограммами допросов, признаки оказания на них психологического или иного воздействия, которые могли снизить их способность добровольно и самостоятельно давать показания?

5. Каково эмоциональное состояние потерпевших в момент осуществления видеозаписей допросов?

ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Методические положения

Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, смыслового содержания высказываний и текста, разработанные в лингвистической семантике и лингвостилистике, в том числе трансформационные. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). В основу методики исследования положены методические рекомендации и понятийный аппарат, изложенные в работах по теории и практике судебной экспертизы [3, 4, 5, 8 и др.] и в работах по лингвистической экспертизе (род экспертизы, соответствующий экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», согласно классификации родов и видов экспертиз и экспертных специальностей,

отраженной в перечнях, утвержденных приказом Минюста России № 237 от 27.12.2012 г.) [1, 2, 7, 16, 17, 21, 22, 43].

Методическую основу получения суждений, сформулированных в психологической части настоящего заключения, составляют понятийный аппарат, методология и основные положения, применяемые в психологии личности, социальной психологии, клинической психологии, возрастной психологии, на базе которых проводились: психологический анализ представленных для изучения материалов, интерпретационный анализ, мотивационно-целевой анализ представленных материалов, интерпретационный и феноменологический анализ зафиксированных в видеофонограммах эпизодов речевой деятельности, также применялись общенаучные методы, включая методы анализа и синтеза.

В ходе исследования производились просмотр и аудирование (прослушивание) представленных видеофонограмм. Применялись общенаучные методы, включая методы анализа и синтеза. Проводился осмотр представленных материалов и объектов. Использовалась ПЭВМ следующей конфигурации: ... под управлением ОС... При прослушивании фонограмм, просмотре и прослушивании видеофонограммы применялась программа...

Поставленные перед специалистами вопросы частично взаимосвязаны и разрешались совместно.

1.1. Нормативная база исследования

Нормативной базой исследования послужили следующие законы и нормативные документы.

1. Конституция Российской Федерации.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
4. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
5. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».
6. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации».
7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».
8. ГОСТ 13699-91 «Запись и воспроизведение информации, термины и определения».

1.2. Литература

При проведении исследования использовалась научная и методическая литература, а также ряд словарей русского языка. В том числе:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов /

- Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
 4. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
 5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
 6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
 7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
 8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
 9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
 10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
 11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. — Москва, 2006.
 12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Престиж, 2005 г.;
 13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004;
 14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. — М.: Галерея, 2002-2003;
 15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002.
 16. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
 17. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
 18. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
 19. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.24-40.
 20. Леонарди Д. Анализ диффамационного законодательства: разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.40-65.
 21. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004.
 22. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.

23. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.
24. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006.
25. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.
26. С. А. Кузнецов. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.
27. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
28. Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.
29. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова — СПб.: НОРИНТ, 2004.
30. А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
31. Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
32. Современный /словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
33. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989.
34. Л. П. Крысин. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008.
35. Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Русские словари, 1999.
36. Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М., Московская международная школа переводчиков, 1994.
37. Новый словарь сокращений русского языка / Под ред. Е. Г. Коваленко. — М.: Издательство «ЭТС», 1995.
38. Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., «Наука», 1988.
39. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, 2002.
40. В. И. Казарина. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. — Елец, 2007.
41. Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
42. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
43. Басков В.И. Процессуальные акты уголовного судопроизводства. — М., 1996.
44. Губаева Т.В. Официально-деловая речь: стилистические исследования последних десятилетий. / Stylistyka. T. VI. — Opole; 1997
45. Губаева Т.В. Стилистико-смысловые свойства протокола допроса (К проблеме диалогичности официальной письменной речи) / Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. — Пермь, 1990.
46. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. — Казань, 1996.
47. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1991.
48. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи. — Улан-Уде, 1974.

49. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. — М., 2003.
50. Федоровская О.А. О жанровой классификации научно-технических документов и их лингвистических особенностях / Разновидности и жанры научной прозы. — М., 1989.
51. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб., Питер, 2001.
52. Акрушенко А.В. Психология развития и возрастная психология : учебное пособие / Акрушенко А.В., Ларина О.А., Катарьян Т.В.. — Саратов : Научная книга, 2019. — 127 с.
53. Васильев В.Л. Юридическая психология. Санкт-Петербург, 1997.
54. Васильев В.Л. Психологические основы организации труда следователя. Волгоград, 1976.
55. Васильев В.Л. Психологическая культура прокурорско-следственной деятельности: Учебное пособие. СПб., 1998.
56. Васько Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Том 2. № 2.
57. Воробьева Е.А., Профессионально-психологические особенности контактности следователей в условиях допроса. (Специальность 19.00.03. - Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки), Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук, Москва, 2003, 266 стр.
58. Выготский Л.С., Мышление и речь. Изд. 5, испр. — Издательство
59. "Лабиринт", М., 1999. — 352 с.
60. Глазырин Ф.В. Психология следственных действий. Волгоград, 1983.
61. Горелов И.Н. Невербальные коммуникации. М., 1980.
62. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. — М.: Проспект, 2010. 216 с.
63. Еникеев М.И., Черных Э.А. Психология следователя. М., 1988.
64. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. М., Юрист, 1996.
65. Еникеев М.И. Практикум по юридической психологии. М., 2001.
66. Иванов А.В., Психологические особенности работы с потерпевшими при расследовании уголовных дел об изнасиловании малолетних // Вестник экономики, права и социологии, 2019, № 2 Право
67. Ильин Е. П. Психология воли. - СПб.: Питер, 2000.
68. Ильин Е. П. Психология доверия. — М.: Питер, 2013.
69. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2006.
70. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2009.
71. Ковалев А. Г. Психология личности. Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1970
72. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н., «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму». — М. : ЭКОМ-Паблицер, 2011. 326 с.
73. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. К91 Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

74. Леонтьев А.А., Носенко Э.Л., Некоторые психолингвистические характеристики спонтанной речи в состоянии эмоционального напряжения // Общая и прикладная психолингвистика. - М., 1973.
75. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М., 1983, т.2.
76. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. - М., 1971.
77. Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание //Вопросы философии. - 1972. - № 12. -С.
78. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В., «Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл»: Смысл; Москва; 2008
79. Методики и технологии социальной реабилитации несовершеннолетних, склонных к самовольным уходам: социально-психологическая реабилитация : методическое пособие / авт.-сост. : Е. С. Титаренко, Н. А. Разнадежина, Л. А. Бездольная, Е. А. Романова, Г. Х. Батынова, Ю. А. Якушева. – Сургут : Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Методический центр развития социального обслуживания», 2014. – 128 с.
80. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь– СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007, - 672 с.
81. Муздыбаев К. Переживание вины и стыда. - СПб.: СПб филиал института социологии РАН, 1995.
82. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология : учебник для бакалавров / Л. Ф. Обухова. — Москва : Издательство Юрайт, 2013. — 460 с
83. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. - СПб.: Питер, 2006. - 1096 с.
84. Пиков И.Е. Профессиональная психолого-юридическая подготовка следователей и оперативных работников как участников уголовного процесса // Сборник докладов научной сессии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. (С.-Петерб., 6-10 апр. 2009 г.). - СПб.: Ред.-изд. центр ГУАП, 2009. - С. 444-447. (0,3 п.л.).
85. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. - М., 1984.
86. Платонов К. К. Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986
87. Политическая психология: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
88. Почебут Л.Г. Социальная психология / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис. – СПб.: Питер, 2010.
89. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история (2-е изд., доп. и испр.): Наука; Москва; 1979
90. Психология менеджмента / Под ред. проф. Г.С. Никифорова/ – 3-е изд. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007.
91. Психологический словарь / Под общей редакцией Петровского А.В., Ярошевского М.Г., М., 1990. 157. Психологический словарь / Под ред. Зинченко В.П., Мещерякова Б.Г., М.: Педагогика - Пресс, 2001.
92. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. - М., 1946 (переиздание - СПб.: Питер, 1999).
93. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. - М., 1957.
94. Сажаев М.А., Тактика допроса малолетних потерпевших по половым преступлениям, Вестник НГУ, Серия: Право, Том 10, выпуск 1, 2014
95. Ситковская О.Д., Психология свидетельских показаний. // М., 2002
96. Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология. М., 2001.

97. Столяренко А.М. Психологические приёмы в работе юриста. М., 2001.
98. Столяренко Л. Д. Психология делового общения и управления. Учебник / Л. Д. Столяренко. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — 416 с
99. Халиуллина А.Ф., Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уфа 2018.
100. Холевчук А.Г. Новейшие допросные технологии, оптимизирующие нейтрализацию ложных показаний (зарубежный опыт)// Вестник Академии знаний, 12 (1), 2015. С. 66-73.
101. Царева Е.С., Обида как форма реагирования на проявления агрессивности в общении, Вестник Брянского госуниверситета. 2015(2)
102. Чикер В.А. Методология и методы социально-психологических исследований. Учебное пособие, изд. СПбГУ, 2010. – 136 с.
103. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. М.: Юрист, 2008.
104. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002.

1.3. Понятийный аппарат лингвистического исследования

Подлинное содержание и свойства текста как продукта речевой деятельности выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как *информация*, *высказывание*, *контекст*, которые употребляются в лингвистической экспертизе в специальных значениях.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактологической** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие;
- **концептуально-аналитической** — о природных или социальных закономерностях, причинно-следственных и иных связях между явлениями реальной действительности;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требования, информирования об обязанностях. Частный случай высказывания, содержащего директивную информацию, — вопрос, выражающий запрос тех или иных сведений (за исключением так называемых риторических вопросов, характеризующихся иными коммуникативными намерениями). **Адресат** директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Источник информации (сведений) — тот, кто предоставляет информацию. Источники информации могут быть определенными: поименованными в тексте (*Как сообщил пресс-секретарь, Как сообщил В. В. Иванов, Как сообщает РИА "Новости"*) или анонимными, неназванными (*Как сообщил представитель Администрации Президента, не*

пожелавший себя назвать), — а также неопределенными (*По слухам, Как говорят все, По некоторым сведениям, Как нам стало известно*).

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте. Влияющие на смысловое восприятие слова, выражения или высказывания фрагменты текста, предшествующие этому слову, выражению или высказыванию, называются его предыдущим, или левым контекстом; фрагменты текста, находящиеся в тексте после слова, выражения или высказывания, формируют их последующий, или правый контекст. Наибольшее влияние на смысловое восприятие компонентов текста оказывает их предыдущий контекст. Необходимость рассмотрения последующего контекста, как правило, возникает в ситуациях, когда левый контекст не является достаточным для осмысленного непротиворечивого толкования компонента текста или в его правом контексте имеются высказывания, уточняющие или раскрывающие его смысл и тем самым влияющие на его интерпретацию.

Восприятие речи — процесс извлечения адресатом речевого сообщения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний.

Текст — максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Конситуация текста, высказывания — обстоятельства и факты реальной действительности, существующие на момент создания текста, влияющие на коммуникативные установки говорящего (автора текста). Анализ конситуации позволяет установить подлинный смысл высказываний, составляющих текст, а для ситуации диалогической речи — установить также, как именно было понято то или иное высказывание собеседником.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения выявляется на основе формальных признаков — распознается по наличию специальных маркеров, предусмотренных системой языка, то есть определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что* и др.). Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит, выявляется на основе семантических (смысловых) свойств суждения. Для распознавания мнения, выраженного в утвердительной форме, имеет значение прежде всего характер информации, содержащейся в высказывании (оценочная, аналитическая, обобщающая).

Утверждение — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности).

В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м 80 см*), оценочным суждением — субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван — дылда*), обобщающим утверждением — выводом (*столбы обычно высоки*) и т. д.

Утверждение о фактах всегда основано на **знаниях**, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. Соответствие действительности не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Оценочные утверждения (содержащие оценку мнения или предположения, выраженные в форме утверждений), как правило, нельзя верифицировать — проверить на соответствие действительности. Например, нельзя верифицировать утверждение *Елкин — ленивец*, так как у каждого свое представление о лени. Но ср.: *Елкин плохо работает* — утверждение, содержащее оценку (*плохо*), которое подлежит проверке на соответствие действительности, так как есть критерии нормальной работы (например, должностные инструкции, нормы трудового законодательства). Бесспорным критерием соответствия действительности той или иной оценки могут служить также вступившие в законную силу судебные решения и приговоры, содержащие оценку соответствующего факта.

Предположение, в отличие от утверждения, содержит специальные **маркеры предположительности** — слова, обороты и грамматические средства, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается*). Предположение является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности.

Свойство быть утверждением о фактах, оценочным суждением (оценочным утверждением), предположением и т. п. — это свойство самого высказывания, **форма выражения** информации, объективно ему присущая. Большинство высказываний отражают чье-то личное мнение, но это мнение может быть выражено в различных формах: предположения, утверждения о фактах и т. п.

В высказываниях-мнениях часто содержатся **скрытые** утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров — лежебока, потому он и опоздал* — в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров — лежебока*) и ссылка на якобы имевший место факт "Сидоров опоздал", истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности. Скрытая форма высказываний противопоставлена **форме явной**. Если информация, выраженная в явной форме, оформляется отдельным предикатом, то скрытая форма выражения сведений такого оформления не имеет. Сведения в скрытой форме выражаются в различных формах, таких как именные словосочетания, адъективные словосочетания, причастные и деепричастные обороты и т. п. Информация, выражаемая в скрытой форме, может быть как фактической, так и оценочной, аналитической или обобщающей, такая информация может сопровождаться различными маркерами предположительности сообщаемых сведений и иными маркерами выражения мнения, как, например, в высказывании *Характерная для многих мусульман практика применения хи-*

дждаба в процессе обучения в светских образовательных учреждениях была названа докладчиком социально опасным явлением, противоречащим, по его убеждению, основам конституционного строя Российской Федерации. При отсутствии таких маркеров скрытая форма выражения информации рассматривается как утвердительная. В приведенном примере наряду с выраженной в явной форме фактической информацией (докладчик назвал практику ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях социально опасным явлением) присутствует множество сведений, выражаемых в скрытой форме: практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является социально опасным явлением (аналитическая информация с элементами оценки в утвердительной форме, со ссылкой на докладчика как источник сведений, отражает мнение докладчика); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является характерной для многих мусульман (обобщающие сведения в утвердительной форме, отражают мнение говорящего); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях противоречит основам конституционного строя РФ (аналитическая информация в форме убеждения докладчика).

Существует также **пресуппозитивная (затекстовая) форма**, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена, но подразумевается. Пресуппозитивная форма является объективной, так как соответствующая информация извлекается из текста любым носителем языка на основе элементарной логики и здравого смысла. Однако не любой вывод, который можно сделать на основе логического анализа текста, может быть отнесен к пресуппозитивной информации. Информация, выраженная в пресуппозитивной форме, объективно присутствует в тексте лишь в том случае, если без этой информации полное понимание текста невозможно. Например, в высказывании *Иван работает на заводе уже двадцать лет* присутствует пресуппозитивная информация «Иван — взрослый человек, находящийся в трудоспособном возрасте». Поскольку пресуппозитивная информация воспринимается слушающим как **заведомо истинная**, пресуппозитивная информация фактического типа в большинстве случаев приравнивается к **утверждениям о фактах**.

Содержание, или смысл высказывания — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Анафорические связи в тексте — отношения между частями текста (между словами, словосочетаниями, высказываниями), при которых в смысл одного слова (словосочетания, высказывания) входит отсылка к другому слову (словосочетанию, высказыванию). Чаще всего в спорных текстах эксперты сталкиваются с анафорическим употреблением местоимений. Например: *Петров брал взятки, но ему всегда было мало денег* - во второй части предложения местоимением ему поименован Петров, названный в первой части предложения. Но в языке существуют и иные анафорические средства. Например: *Можно выбрать тот проект, за который в конверте принесут откат, и это было на всех этажах прежнего министерства. И это же продолжается в теперешнем Агентстве* — информация о действиях министерства, изложенная в первом предложении, полностью относится к действиям Агентства. То есть: в Агентстве, как и в министерстве, выбирают проекты, за которые приносят откаты.

Коммуникативное намерение определяет роль говорящего как участника общения и обозначает конкретную цель его высказывания, т. е. спрашивает ли он, или утверждает, или призывает, осуждает или одобряет, советует или требует и т. д. Коммуникативные намерения являются регулятором вербального поведения партнеров. Значения слов языка, обозначающих конкретные коммуникативные намерения, таких как *просьба*,

предложение, намек, угроза, носят **металингвистический** характер, так как эти слова используются в тождественных значениях и как обычные лексические средства (слова языка), и в качестве лингвистических терминов, служащих для описания языковых явлений.

Вопрос — высказывание, имеющее своей целью побудить адресата сообщить говорящему некоторую информацию, которой последний не обладает, или выразить мнение по поводу какого-либо события, факта и т. п. Как и любое высказывание, побуждающее адресата к совершению определенных действий, вопрос содержит директивную информацию.

Уточняющий вопрос — вопрос, относящийся к ранее сообщенной собеседником информации. Обычно имеет своей целью получение более подробных сведений, проверку предположений о смысле сказанного собеседником и т. п.

Наводящий вопрос (применительно к жанру допроса) — вопросительное по форме высказывание, которое характеризуется коммуникативным намерением, отличным от запроса информации, которая не является известной говорящему. Речевая цель наводящего вопроса состоит в побуждении адресата к сообщению информации, которая полностью или частично говорящему известна. Наводящий вопрос, формально задавая тему и называя предмет, информация о котором вызывает интерес у говорящего, вместе с тем содержит (полные или частичные) сведения об этом предмете, к сообщению которых он побуждает собеседника либо от сообщения которых он побуждает собеседника воздержаться. В содержание наводящего вопроса включается информация о содержании ответа, который говорящий желает и ожидает получить (частный случай — информация о том, какой ответ является «неправильным», нежелательным). Тем самым наводящий вопрос реализует побуждение к сообщению информации, которая определяется не только ее темой (предметом), но и содержанием (полностью или частично).

В коммуникативной ситуации допроса в качестве разновидностей наводящих вопросов могут рассматриваться, в частности:

- вопросы, содержащие скрытую и (или) пресуппозитивную информацию, которую допрашиваемое лицо ранее не сообщало в ходе допроса или иного процессуального действия, но которая имеет значение для разрешения уголовного дела, являясь существенной для установления его решающих обстоятельств;
- вопросы, пресуппозитивное содержание которых вступает в противоречие со сведениями, ранее сообщенными допрашиваемым лицом;
- вопросы, включающие в себя варианты ответов, предлагаемые следователем допрашиваемому лицу, которые интонационно и динамически выделяются в речи допрашивающего;
- закрытые вопросы, которые предполагают однозначный ответ и могут являться готовыми предположениями, которые нужно лишь подтвердить или опровергнуть;
- повторно задаваемые вопросы, на которые ранее был дан исчерпывающий ответ. Повтор вопроса свидетельствует о том, что содержание ранее данного ответа допрашивающего не устроило, что является косвенным побуждением к изменению ранее данных допрашиваемым лицом показаний.

Намек — в тексте: слова, предполагающие понимание по догадке. В отдельных случаях в диалогической речи по реакции слушающего, а также через анализ информации о дальнейших его действиях можно установить, был ли намек понят, то есть была ли догадка.

Фатическое высказывание — высказывание, в котором реализуется так называемая фатическая, или контактоустанавливающая функция языка, которая рассматривается

как производная от коммуникативной. К фатическим высказываниям относятся, в частности, разнообразные формулы вежливости (в том числе приветствия, прощания, извинения и т. п.) и высказывания, непосредственно не связанные с достижением в процессе коммуникации определенной цели, направленные на поддержание разговора, демонстрацию внимания к словам собеседника, проявление интереса к теме, которую говорящий полагает интересной для собеседника, но с которой не связаны какие-либо цели, которые ставит перед собой говорящий в процессе коммуникации, и т. п.

Тексты протоколов допроса, а также объяснений относятся к следственно-судебному подстилю официально-делового стиля русского языка. Следственно-судебный подстиль отличается большим разнообразием жанров, объясняющимся многоэтапностью самого следственного процесса. Различия между жанрами объяснения и протокола допроса носят преимущественно формальный характер, сводятся к наличию/отсутствию в тексте ряда клишированных конструкций. Фактически протоколы допроса и протоколы очных ставок можно считать текстами одного жанра, назначение которых состоит в закреплении показаний или объяснений допрашиваемого (свидетеля, обвиняемого, потерпевшего, эксперта и др.). Основная функция протокола допроса — коммуникативно-информационная. Протокол фиксирует информацию и устанавливает связь между фактами и обстоятельствами дела и участниками процесса.

В структуре текстов протокола допроса выделяются две части:

1) вступительная (формулярная) часть, в которой имеет место последовательность клишированных конструкций. Следователь заполняет пропуски (дату составления протокола, сведения о лице, производящем допрос, сведения о допрашиваемом и иных присутствующих лицах);

2) основная часть, представляющая собой связный текст. Доминирующим типом высказываний в тексте протокола допроса являются высказывания повествовательные. В ходе допроса допрашиваемый, как правило, говорит, поясняя обстоятельства дела, а следователь записывает; нормы УПК требуют, чтобы сказанное было записано по возможности дословно, от первого лица.

Обобщая, можно констатировать, что протокол допроса — это главным образом рассказ от первого лица о каких-либо обстоятельствах и фактах.

В целом для протокола допроса характерны представляющие типы речи: характеристика, описание, повествование. Именно эти типы речи наиболее часто употребляются в разговорно-бытовом стиле, под значительным влиянием которого находятся протоколы допроса. Это проявилось в своеобразии лексико-грамматического оформления протоколов.

В протоколах допроса доминируют профессиональные термины, клише следственно-судебной сферы в соединении с лексикой разговорно-бытового стиля. Текст протокола допроса — результат двусторонней речевой деятельности, своеобразного диалога участников допроса. Основная установка автора-составителя (исполнителя) текста — дословное воспроизведение показаний допрашиваемого, что необходимо для более точного понимания обстоятельств дела. Однако при недостаточном владении автором-составителем протокола допроса нормами литературного языка тексты демонстрируют смешение несовместимой по своей стилистической окраске лексики, например, могут использоваться просторечные слова и обороты.

Большую часть лексики текстов протоколов допроса составляют стилистически нейтральные слова. К ним относится большинство имен существительных, обозначающих конкретные предметы (*дом, подъезд, автобус, деньги*). При этом процентное содержание имен существительных достаточно высоко (до 40% от общего количества словоупотреб-

лений). Среди имен прилагательных (их число в целом невелико — 3–4 % от общего количества словоупотреблений) в основном используются качественные.

В целом тексты протоколов допроса представляют собой контаминированный тип речи, здесь, по существу, пересекаются особенности двух стилей — официально-делового и разговорно-бытового, так как коммуникантами (допрашиваемыми) являются лица не-официальные. В протоколах допроса представлены преимущественно повествование, описание, констатация.

Классификация информации (сведений) по ее характеру, содержанию подлежит учету при исследовании текстов протоколов допроса. Действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет показания свидетеля как сведения, сообщенные им на допросе и зафиксированные в установленном законом порядке. Предметное содержание показаний свидетеля по уголовному делу составляют сведения об обстоятельствах совершения преступления, его подготовки или сокрытия, о фактических последствиях совершенного деяния, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение доказательственных фактов.

В общем случае свидетель может давать показания о фактических обстоятельствах, которые он воспринимал непосредственно (такие показания трактуются как первоначальные доказательства), и об обстоятельствах, которые известны ему из посторонних источников: со слов других лиц, из документов, с которыми он ознакомился, и т. п.

В последнем случае следует различать характер передачи сведений: дословный либо описательный. При дословной передаче информация передается свидетелем без дальнейших искажений, посредством точного цитирования. В случае описательной словесной передачи свидетель неизбежно вносит элемент личной интерпретации передаваемых им сведений. Следует учитывать, что в акте коммуникации (как устной, так и письменной) смысл, вкладываемый в сообщение отправителем сообщения (адресантом), не является тождественным тому смыслу, в котором сообщение было воспринято слушающим (адресатом). На кодирование и декодирование информации средствами естественного языка влияют социальные и индивидуальные особенности языковой системы соответственно говорящего и слушающего.

Каждый носитель языка обладает уникальной индивидуальной языковой системой (идиолектом). Одни и те же слова в общем случае могут вызывать у двух разных людей, говорящих на одном языке, различные представления. Это связано с детскими впечатлениями, с кругом общения и еще с множеством других факторов, действие которых приводит к тому, что все люди разные. И у них разные идиолекты. Один и тот же сине-зеленый цвет для одного человека будет оттенком синего, а для другого — оттенком зеленого. Легко представить ситуацию, когда для одного носителя языка предмет А — со всей определенностью стул, и его никак нельзя назвать стульчиком, а для другого носителя А — прежде всего стульчик, и только в особо официальной ситуации его можно называть стулом. Можно ли назвать словом *куча* совокупность десяти предметов? А девяти? А восьми?

Подрастая и взрослея, ребенок, затем подросток и молодой человек постоянно развивается. На его развитие не в последнюю очередь влияет среда. Среда является сходной для тех, кто находится рядом (в географическом и (или) социальном плане), и может очень сильно отличаться для тех, кто далеко друг от друга. Разные среды влияют на развитие языковой личности по-разному. Сходство идиолектов и, соответственно, уровень понимания между членами одного коллектива будет в общем случае, несомненно, выше, чем между людьми из разных коллективов.

Еще большее влияние на развитие идиолекта оказывает среда культурная. Люди, объединяемые общими интересами, общими источниками информации, общими ценност-

ными ориентирами и сходным отношением к тем или иным явлениям окружающего мира, имеют возможность лучше, глубже понимать друг друга, чем представители разных социальных страт. Возникает представление о культурном коде, который частично является общим для всех носителей языка, но который в то же время в существенной своей части будет различаться для представителей разных культурных и субкультурных групп.

Наряду с буквальным смыслом, общим для всех носителей языка, текст способен нести такие смысловые элементы, которые могут быть обнаружены и поддаются пониманию только на основе таких элементов культурного кода, которые, объединяя одних людей, отграничивают их в то же время от других.

С учетом изложенного, свидетельские показания о фактических обстоятельствах, которые допрашиваемое лицо воспринимало опосредованно и которые известны ему из посторонних источников: со слов других лиц, из документов, с которыми оно ознакомилось, и т. п., — в случаях, когда они не являются дословными, неизбежно включают в себя субъективную интерпретацию свидетелем передаваемых им сведений, в том числе о содержании устной речи третьих лиц или прочитанного им письменного текста. Сказанное касается как собственно смысла тех или иных словесных конструкций (продуктов письменной или устной речевой деятельности), так и, например, выбора тех элементов содержания протяженного текста (письменного или устного), которые свидетель полагает наиболее существенными и заслуживающими их включения в составляемое им описание этого текста.

В случаях, когда источник сведений, на который эксплицитно или имплицитно ссылается свидетель, доступен среди материалов уголовного дела для его непосредственного изучения, объективно присущее этому источнику содержание может и должно устанавливаться в результате исследования (в том числе специального) самого этого источника, но никак не на основе заведомо искаженных и неизбежно субъективных, как показано выше, его описаний, которые можно наблюдать в показаниях свидетеля, рассказывающего не столько об объективном смысловом содержании того, что он услышал или прочитал, сколько о своем субъективном восприятии этого содержания, единственно доступном данному свидетелю.

Сказанное полностью согласуется с административной практикой, существующей в судебно-экспертной сфере, и нормативно-правовыми актами, ее регулирующими. Так, в **Информационном письме ЭКЦ МВД России «О производстве лингвистических исследований по материалам экстремистской направленности» № 37/8-7816 от 29.11.2011** отмечено: «Текст, подлежащий исследованию, не может быть заменен другим текстом (текстами), опосредованно представляющими ситуацию или содержание текста. Так, не принимаются в качестве объектов исследования материалы уголовного дела, показания свидетелей, в которых пересказывается устный или письменный текст, являющийся предметом разбирательства. Например, если необходимо провести лингвистическое исследование по публичному выступлению, то **протоколы допросов свидетелей и потерпевших не могут собой заменить непосредственный текст речевого преступления** по причине того, что по данным текстам невозможно установить значимые лингвистические характеристики высказываний. На исследование в данном случае необходимо представлять фонограмму или видеофонограмму, непосредственно фиксирующую выступление».

Возможны также искажения описываемых свидетелем сведений, почерпнутых из третьих источников, возникающие не только на стадии их восприятия свидетелем, но и на стадиях запоминания, хранения в памяти и воспроизведения. Последние могут быть обусловлены как психологическими особенностями его личности или состояния, так и особенностями присущего свидетелю идиолекта.

В текстах, относящихся к жанру протокола допроса свидетеля, с учетом требований ч. 2 ст. 190 УПК РФ («Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно»), практически неизбежным является наличие информации, не относящейся к фактическому типу и представляющей собой оценочные и обобщающие суждения, рассуждения, умозаключения, логические и обобщающие выводы.

При этом значение для разрешения дела могут иметь только сведения о воспринятых и запомненных свидетелем фактах, но не оценки и логические выводы свидетеля, отражающие присущие ему особенности мышления, опирающиеся на субъективный отбор исходных посылок и субъективный же выбор критериев оценки.

Обобщающие суждения вида «Обычно лицо X поступает таким-то образом» и аналогичные им могут быть признаны релевантными лишь в том случае, если свидетель сообщает информацию о тех конкретных фактах, которые лежат в основе предпринятого им обобщения.

В качестве релевантных могут рассматриваться относящиеся к той или иной специальной области оценочные и логические суждения, выводы, умозаключения допрашиваемых лиц, чьи специальные знания соответствуют их процессуальному статусу специалистов и (или) экспертов. При этом речь идет не о любых оценках и умозаключениях, а лишь о тех суждениях, которые относятся к соответствующей специальной области. При этом обязательным является указание фактов, которые привели допрашиваемое лицо к соответствующим выводам.

Значения слов, устойчивых словосочетаний, грамматических средств языка фиксируются в словарях и грамматиках. **Словарные значения** охватывают подавляющее большинство случаев употребления слов в реальных текстах.

В речи слова вступают между собой в синтаксические связи, образуя словосочетания, предложения и иные единицы речи, которых нет в системе языка в готовом виде. Возможные значения словосочетания определяются так называемым «сложением» значений входящих в него слов по соответствующим синтаксическим правилам.

Вступление слов в синтаксическую связь и образование словосочетания возможно лишь при условии соблюдения принципа **синсемичности** — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих **сем** (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению.

Так, словосочетание *синий шарф* вполне возможно и осмысленно в современном русском языке, в то время как словосочетание **синий лепет* бессмысленно и невозможно с точки зрения системы языка, поскольку нарушает принцип синсемичности (если прилагательное *синий* и существительное *лепет* использованы в общепринятых, словарных значениях).

Принцип синсемичности (семантического согласования, итеративности сем) основан на объективно существующих свойствах предметов. Не вызывает сомнения, что предметы не существуют в виде чистой субстанции, отдельно от своих свойств и их отношений к другим предметам. Как не существует предмет вне своих свойств, так и свойства не существуют независимо от предметов, вне связи этого предмета с другими предметами. Смысловая соотносительность, сохраняющаяся в пределах класса лексем, позволяет обладателям идентичных сем объединяться в межчастеречные лексико-семантические поля, компоненты которых принимают участие в репрезентации означаемого синтаксической конструкции. Замена одной лексемы на другую в структурных схемах возможна только в пределах одного семантического поля. Например, репрезентация синтаксического концепта «воздействие» осуществляется структурной схемой «кто делает что», где в позиции именительного падежа представлен личный субъект, а в позиции винительного падежа —

артефакт со значением создаваемого или разрушаемого объекта: *Воины разрушили город (крепость, укрепление, заграждение): разрушить* – «уничтожить, руша». Если же в позиции субъекта оказывается имя неодушевленного предмета (*гранатомет разрушил город*), означаемое синтаксической схемы будет иным: «кто-то гранатометом разрушил город»: неодушевленный предмет не может быть производителем действия и выступает лишь в функции орудия действия. Если же в позиции объекта разрушения оказывается личное имя, то выражение оказывается некорректным. Ср.: **Воины разрушили пленных*. Хотя синонимичный глагол *уничтожить* («прекратить существование кого-либо, чего-либо; истребить, упразднить, ликвидировать») вполне допускает в позиции объекта как личное, так и предметное имя. Ср.: *Воины уничтожили пленных* «истребили, ликвидировали» – *Воины уничтожили город* «ликвидировали, разрушили, сожгли».

Формальные нарушения принципа синсемичности часто наблюдаются в образной речи, прежде всего в художественной литературе, когда вступающие в синтаксическую связь слова используются в **переносных** значениях — тропах, отсутствующих у этих слов в системе языка.

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Учет словарных значений, то есть буквальное истолкование высказываний, является достаточным для адекватной интерпретации текста как основной задачи лингвистической экспертизы при выполнении следующих условий:

- объединение словарных значений слов, составляющих высказывание, не нарушает правил сочетаемости слов русского языка;
- выводимый на основе словарных значений смысл высказывания не вступает в противоречие с его контекстом или конституацией (известными эксперту обстоятельствами дела).

В некоторых случаях сформулированные условия могут оказаться нарушенными. Это означает, что какое-то слово или выражение употребляются в тексте в несловарных значениях. Речь может идти:

- о разовом, так называемом **окказиональном** словоупотреблении. Значение окказионального словоупотребления, как правило, ясно из контекста;
- об использовании слова в **новом значении**, которое еще не зафиксировано словарями. Для адекватного определения такого значения необходимо исследовать **употребление** слова в современном русском языке. Совокупность контекстов употребления позволяет установить подлинное значение слова.

Необходимость исследования употребления слов в современном русском языке возникает лишь при невозможности буквального истолкования того или иного выражения на основе словарных значений.

Отдельным значениям многозначных слов могут соответствовать свои грамматические особенности. Так, существительное *медь* в значениях «изделия из меди — химического элемента (Cu), ковкого металла желтого цвета с красноватым отливом» и «монеты из такого металла» является собирательным, в отличие от того же существительного в других значениях; глагол *подбиться* в значении «войти в доверие, снискать расположение кого-либо» требует дополнения в форме *к + дат.* (*к кому*), а в значении «напоровшись, наскочив на что-либо, повредиться» такого дополнения не требует и не принимает.

1.4. Понятийный аппарат психологического исследования

Психологическое исследование — исследование психологических механизмов поведения человека в тех или иных определенных условиях. Выбор специалистом-психологом методов исследования конституируется прежде всего общими задачами, поставленными перед ним, как правило, вытекающими из существа поставленных перед психологом вопросов. Научный уровень и качество судебно-психологической экспертизы во многом зависят от методов исследования. Использование экспертом-психологом, а равно специалистом-психологом разнообразных методических приемов позволяет ему достаточно полно выявить основные особенности и индивидуальное своеобразие психической реальности, в частности, особенности исследуемой ситуации, что создает основу для выводов по тем конкретным вопросам, которые поставлены перед ним.

Психологическое изучение предоставленных материалов дела необходимо для конкретизации задач экспертного исследования, его границ и в некоторых случаях для определения подлежащих решению экспертных задач, включая уточнение вопросов, имеющих значение для составления плана и выбора методов дальнейшего исследования. Эти же аспекты необходимо учитывать при исследовании продуктов речевой деятельности, особенностей контекста коммуникативной ситуации, особенностей коммуникативных намерений участников исследуемого межличностного взаимодействия. Изучение материалов уголовного дела (фактов, имеющих непосредственное отношение к основным целям экспертизы) дает возможность для ретроспективного психологического анализа, суть которого заключается в оценке выраженных в юридических или житейских понятиях фактов с позиций научной психологии. Например, зафиксированные в протоколах допросов свидетельские показания о поведении обвиняемого в момент совершения преступления могут быть с психологической точки зрения истолкованы как указание на то, что он находился в состоянии физиологического аффекта, на провокативный контекст рассматриваемой ситуации, на иные обстоятельства, имеющие значение для дела и интерпретации рассматриваемых событий.

Традиционно в психологическом исследовании используются общие и специальные методы. К общим методам психологического исследования относятся психологическая диагностика, прогнозирование, проектирование, методы воздействия. При отборе методов судебно-психологического исследования используется *классификация психологических методов исследования*, разработанная Б. Г. Ананьевым, которая включает в себя:

- организационные (сравнительный, лонгитюдный, комплексный) метод,
- эмпирические (наблюдение, вербально-коммуникативные, экспериментальные, психодиагностические, биографические, праксиметрические) методы,
- интерпретационные (генетический и структурный) методы,
- методы обработки данных (количественные, качественные).

Необходимо выделить два основных блока методов судебно-психологической экспертизы — экстенсивные и интенсивные методы.

Экстенсивные методы включают в себя биографический метод, метод направленного наблюдения в период экспертизы и других следственных действий, а также анализ видеозаписей, беседа и глубинное интервью с подэкспертным, его родственниками, сослуживцами, друзьями.

Интенсивные методы предполагают использование валидных экспериментально-психологических методов, включающих в себя функциональные пробы, опросники, психометрические и проективные методы.

Анализ и обобщение полученного эмпирического материала целесообразно проводить с использованием метода экспертных независимых оценок, разработанного К. К. Платоновым. Обобщение включает в себя следующее:

1. Обобщение сведений о личности с использованием результатов социально-психологического и клинико-психологического анамнеза, а также характеристик, представленных в материалах дела, экспериментально-психологического исследования (в случае, если они проводились в соответствии с поставленными перед специалистом задачами).
2. Обобщение полученных экспериментально-психологических либо интерпретационных данных и сопоставление их с данными, изложенными в материалах уголовного или гражданского дела.
3. Психологический анализ конкретной ситуации.
4. Сопоставление выявленных личностных характеристик с особенностями поведения субъекта преступления в конкретной ситуации.

При систематизации наиболее информативных свойств личности субъекта преступления, предрасполагающих к совершению конкретного деяния, целесообразно опираться на концепцию К. К. Платонова о динамической и функциональной структуре личности. Для анализа необходимо выделить наиболее существенные взаимодействия иерархии личностных свойств либо иерархии признаков рассматриваемой ситуации, продукта речевой деятельности и т.д. Инвариантные (постоянные) свойства личности обуславливают однородность поведения людей, а индивидуальные свойства свидетельствуют о его разнородности. Важной стороной продуктивного исследования личности является комбинирование данных экстенсивных и интенсивных методов исследования.

Специалист-психолог акцентирует внимание на особенностях реагирования личности на жизненные обстоятельства. У каждого человека имеются свои индивидуальные комбинации приемов выхода из затруднительной ситуации, что характеризует уровень его адаптации. На данном этапе анализа психолог изучает особенности индивидуального реагирования человека на фрустрацию, стресс, конфликтные ситуации. В целях выявления характера коммуникативной ситуации и интерпретации рассматриваемых высказываний требуется применять интерпретационный подход. Известны следующие интерпретационные методы (подходы): генетический, структурный, функциональный, комплексный, системный. Эти методы являются в первую очередь объяснительными принципами, определяющими направление интерпретации результатов исследования. Использование того или иного метода не означает отсекация других, в психологии естественным и обычным является сочетание подходов.

Генетический метод — это способ исследования и объяснения явлений (в том числе психических), основанный на анализе их развития как в онтогенетическом, так и филогенетическом планах. При этом требуется установление:

- начальных условий возникновения явления;
- главных этапов и
- основных тенденций его развития.

Цель метода — выявление связи изучаемых явлений во времени, прослеживание перехода от низших форм к высшим. Так что везде, где требуется выявление временной динамики психических явлений, генетический метод является неотъемлемым исследовательским инструментом психолога. Генетический подход может также рассматриваться как реализация одного из основных принципов психологии, а именно *принципа развития*.

Структурный метод — это направление, ориентированное на выявление и описание структуры объектов (явлений). Для него характерно:

- углубленное внимание к описанию актуального состояния объектов;

- выяснение внутренне присущих им вневременных свойств;
- интерес не к изолированным фактам, а к отношению между ними.

В итоге строится система взаимосвязей между элементами объекта на различных уровнях его организации.

Обычно при структурном подходе не акцентируются соотношение в объекте частей и целого и динамика выявленных структур. Важным достоинством структурного метода является возможность наглядного представления результатов в виде различных моделей. Эти модели могут даваться в форме описаний, перечня элементов, графической схемы, классификации и др.

Функциональный метод — ориентирован на выявление и изучение функций объектов (явлений). Функциональный подход интересуется главным образом связями изучаемого объекта со средой. Он исходит из принципа саморегулирования и поддержания равновесия объектов действительности (в том числе психики и ее носителей). В современной психологии функциональный подход обогащен компонентами структурного и генетического анализа.

Комплексный метод — это направление, рассматривающее объект исследования как совокупность компонентов, подлежащих изучению с помощью соответствующей совокупности методов. Компоненты могут быть как относительно однородными частями целого, так и его разнородными сторонами, характеризующими изучаемый объект в разных аспектах. Часто комплексный подход предполагает изучение сложного объекта методами комплекса наук, т.е. организацию междисциплинарного исследования. Очевидно, что комплексный подход предполагает применение в той или иной мере и всех предыдущих интерпретационных методов.

Яркий пример реализации комплексного подхода в науке — *концепция человекознания*, согласно которой человек как наисложнейший объект изучения подлежит согласованному исследованию большого комплекса наук. В психологии эта идея комплексности изучения человека была четко сформулирована Б. Г. Ананьевым. Человек рассматривается одновременно как:

- представитель биологического вида *Homo sapiens* (индивид);
- носитель сознания и активный элемент познавательной и преобразующей действительности деятельности (субъект);
- субъект социальных отношений (личность);
- уникальное единство социально значимых биологических, социальных и психологических особенностей (индивидуальность).

Подобное всеобъемлющее и сбалансированное изучение человека и его психики по сути соединяется с системным подходом.

Системный метод — это методологическое направление в изучении реальности, рассматривающее любой ее фрагмент как систему. *Система* есть некоторая целостность, взаимодействующая с окружающей средой и состоящая из множества элементов, находящихся между собой в некоторых отношениях и связях. Организация этих связей между элементами называется *структурой*. *Элемент* — мельчайшая часть системы, сохраняющая ее свойства в пределах данной системы. Система как целое синтезирует (объединяет и обобщает) свойства частей и элементов, в результате чего она обладает свойствами более высокого уровня организации, которые во взаимодействии с другими системами могут представлять как ее *функции*. Любая система может рассматриваться, с одной стороны, как *объединение более простых (мелких) подсистем* со своими свойствами и функциями, а с другой — как *подсистема более сложных (крупных систем)*. Например, любой живой организм является системой органов, тканей, клеток. Он же является элементов соответ-

ствующей популяции, которая, в свою очередь, является подсистемой животного или растительного мира и т.д.

Системные исследования осуществляются с помощью системного анализа и синтеза. Описание объектов как систем, т.е. *системные описания*, выполняют те же функции, что и любые другие научные описания: объяснительную и прогнозирующую. *Системный подход в психологии* позволяет вскрыть общность психических явлений с другими явлениями действительности. Он позволяет интегрировать и систематизировать психологические знания, устранять избыточность полученной информации, сокращать объем и повышать наглядность описаний, уменьшать субъективизм в интерпретации психологических явлений. Системный подход также позволяет увидеть пробелы в знаниях о конкретных объектах, обнаружить их неполноту, определить задачи дальнейших исследований, а иногда и предсказать свойства объектов, информация о которых отсутствует, путем экстраполяции и интерполяции имеющихся сведений. Вышеуказанные подходы являются фактически органичными компонентами системного подхода, иногда их даже рассматривают как его разновидности. В настоящее время большинство научных исследований проводится в русле системного подхода.

При проведении настоящего исследования системный подход необходим для выявления структуры изучаемого коммуникативного акта и прояснения свойств коммуникативной ситуации, её контекста, её структуры. Объектом психологического исследования системным методом выступают коммуникативная ситуация, в которой осуществлялся коммуникативный акт, фрагментами которого являются спорные высказывания, а предметом исследования — характер этой коммуникативной ситуации и характер представленных спорных высказываний в рассматриваемом контексте.

В психологическом исследовании спорных высказываний *интерпретационный анализ и дискурс-анализ* применялись для установления психологической составляющей межличностного взаимодействия, интерпретации с позиции психологической науки смыслового содержания высказываний в части, необходимой для понимания хода коммуникации между участниками разговора, определения интенциональной направленности реплик, статусных и ситуационных ролей собеседников.

Дискурс-анализ — комплексный психолингвистический подход, целью которого является исследование дискурса. Дискурс-анализ исследует предметно-содержательную сторону языковой коммуникации, уделяя больше внимания ее социальной организации, чем формально-лингвистической. Этим он качественно отличается от лингвистики текста или анализа диалога, как правило, ориентированных на выработку схем (к примеру, описывающих формальную связность текста или диалога), слабо учитывающих их содержание. Дискурс-анализ базируется на трех важнейших категориях: действие, (по)строение (construction) и вариативность. Когда люди что-нибудь говорят или пишут, они тем самым совершают социальные действия. Конкретные свойства этих социальных действий определяются тем, как устный дискурс или письменный текст построены. С одной стороны, весьма интересен сам процесс построения дискурса. С другой стороны, поскольку устный дискурс или письменный текст вплетены в живую ткань социальной деятельности и межличностного взаимодействия, их вариативность воплощает особенности различных социально-деятельностных контекстов и намерений авторов. Одной из центральных характеристик дискурс-анализа является внимание к риторическим, аргументативным структурам в любых типах текста и жанрах речи — от политических дебатов до бытовых разговоров. Главной целью риторического анализа в данной парадигме становится стремление понять, как для того, чтобы раскрыть природу и коммуникативное предназначение какой-либо одной дискурсивной версии событий или положения дел, нам приходится иметь дело с реальными и/или гипотетическими конкурирующими положениями дел и версиями соци-

альных миров, эксплицитно или имплицитно доказывать несостоятельность альтернативных вариантов и правомочность своего собственного.

Психологическое содержание и свойства коммуникативных актов, отраженных в исследованных видеофонограммах допросов малолетних потерпевших У. и В. выявляются с использованием особых терминов и общенаучных понятий.

Разговор (разговоры) между следователем, ведущим допрос (допросы) малолетних потерпевших У. и В. и девочками, а также психологами, законным представителем потерпевших Ю., являются результатом взаимодействия между людьми, событием речевой межличностной коммуникации, и его необходимо рассмотреть с учетом выработанных современной психологией теоретических и практических подходов к изучению межличностного взаимодействия. Взаимодействие между людьми может быть охарактеризовано как межличностное, если оно удовлетворяет следующим критериям:

- в нем участвует небольшое число людей (чаще всего — группа из 2–3 человек);
- это непосредственное взаимодействие: его участники находятся в пространственной близости,
- имеют возможность видеть, слышать, касаться друг друга, легко осуществляют обратную связь;
- в процессе коммуникации имеет место так называемое личностно-ориентированное общение.

К предметной области межличностного общения можно отнести:

- а) психические процессы и состояния, обеспечивающие транзакцию (межличностное восприятие, потребности и мотивации, эмоции и чувства, самооценки, психологические защиты и т. д.);
- б) коммуникативные практики, опосредующие взаимодействие между людьми (речь, невербальные сообщения);
- в) нормы и правила, делающие возможной совместную деятельность, часто неосознаваемые, вырабатываемые в рамках определенной социокультурной группы.

Реальный процесс общения представляет собой функциональное единство всех перечисленных элементов.

В соответствии с аналитической моделью общения, структура любого акта общения направлена на конкретизацию предметной области межличностного общения в соответствии с функциональным разнообразием протекающих в его рамках процессов и включает в себя перцептивную, коммуникативную и интерактивную стороны.

- Перцептивная сторона — процесс восприятия партнерами друг друга, их взаимного познания как основа для взаимопонимания. Перцептивные навыки проявляются в умениях определять контекст встречи, понимать настроение партнера по его вербальному и невербальному поведению, учитывать «психологические эффекты» восприятия при анализе коммуникативной ситуации.
- Коммуникативная сторона — использование средств общения, подразделяемых на вербальные и невербальные. Хороший коммуникатор — это человек, обладающий богатым репертуаром коммуникативных техник, используемых на разных уровнях общения.
- Интерактивная сторона — взаимодействие людей, предполагающее определенную форму организации совместной деятельности (согласие и приспособление либо конкуренция и конфликт). Среди возможных позиций, которые занимают партнеры при организации и осуществлении общения, можно отме-

тить «пристройку» к партнеру «свысока», «на равных», «снизу», а также отстраненную позицию.

Для успешного и выгодного как минимум для одной стороны процесса переговоров или допроса (реализуемого в акте межличностного общения) инициатору переговорного взаимодействия требуется войти в доверие к своему собеседнику, то есть явно или скрыто склонить на свою сторону, расположить. Часто успешность переговоров, эффективность получения необходимой информации, склонение собеседника к большей откровенности осуществляется с помощью «пристройки» или «подстройки» к нему, с учётом его личностных особенностей.

В монографии «Психология доверия» Е.П.Ильин указывает, что каждому человеку свойственен собственный индивидуальный стиль поведения и сложившаяся система репрезентации, и каждый человек имеет определенную систему мировоззрения, в процессе его развития у него сложилась система восприятия внешней реальности, а в процессе социализации сформировался образ жизни, система ценностей и стиль поведения. Зная (или предполагая с высокой вероятностью) эти особенности собеседника, легче войти к нему в доверие во время общения с ним, в том числе и с помощью техники скрытой манипуляции собеседником, в частности используя метод «подстройки».

По мнению Е.П. Ильина «Подстройка» (направлена на достижение подсознательного доверия у собеседника (раппорта)).

Технология построения подсознательного доверия включает в себя следующие основные компоненты:

- подстройка к позе;
- подстройка по жестам;
- подстройка к дыханию;
- подстройка под речь;
- психологическая подстройка.

При проведении манипулятивной технологии «подстройка» результативным и действенным технологическим приемом является одобрение, иногда в форме сдержанной демонстрации безусловного принятия человека и его системы ценностей, иногда чередуемое с неодобрением отдельных фрагментов или деталей предмета обсуждения или отдельных эпизодов репрезентации партнёра. Человек в процессе межличностной коммуникации всегда на подсознательном уровне ожидает оценки своих действий, что является проявлением действия глубинных механизмов, связанных с автоматически включающейся потребностью в аффилиации, то есть в положительной оценке со стороны социума (иное положение создает на подсознательном уровне состояние угрозы собственной безопасности человека, совершающего некий поступок). Коммуникатор, используя одобрение, может неявно «подталкивать» подсознание собеседника в сторону формирования его доверия.

Ролевая детерминанта прямо связана с мотивом как каузальная атрибуция. В содержании понятия входит то, каким образом люди интерпретируют причины поведения других в условиях недостаточности информации об этих причинах. Хотя процесс атрибуции имеет место при анализе человеком самых разных социальных явлений, особое значение в теории межличностного общения придается атрибуции относительно поведения партнера по взаимодействию.

Позиция в межличностном общении проявляется в коммуникативной роли участников коммуникации. Предметом изучения поведения человека в социальной среде является смысловой, знаковый аспект межличностного общения. Через модель ролевой детерминированности изучаются отношения между людьми, происходит определение правил и устанавливается распределение ролей в социальном поведении людей. Ключевая детер-

минанта поведения — роль, которая либо предписана человеку социальными обстоятельствами и его социальным положением, либо обретена им в процессе формирования его идентичности

Ролевая детерминированность непосредственно связана с мотивацией осуществляемой деятельности — с точки зрения задач настоящего заключения актуальной является деятельность, осуществляемая в сфере межличностного общения.

Мотив — это понятие, которое используется для объяснения индивидуальных различий в деятельности, осуществляемой в идентичных, тождественных условиях. Мотивация — побуждение к деятельности определенным мотивом, процесс выбора оснований для определенной направленности действий.

Понятием «мотив» в психологии обозначаются намерение, желание, стремление, замысел, охота, жажда, боязнь и др. В этих психологических явлениях отражается наличие в человеческой психике некоей готовности (либо предготовности), направляющей к определенной цели. Деятельность направляется множеством мотивов: их совокупность и сам внутренний процесс побуждения называется мотивацией. Мотивация тесно связана с потребностями человека, так как появляется при возникновении нужды, недостатка в чем-либо. Это — начальный этап психической и физической активности. Процессы мотивации могут иметь различную направленность: на то, чтобы достичь или избежать поставленной цели, осуществить деятельность или воздержаться от нее. Эти процессы сопровождаются переживаниями, положительными или отрицательными эмоциями (радость, удовлетворение, облегчение, страх, страдание). Мотивации сопутствует определенное психофизиологическое напряжение — состояние возбуждения, прилива или упадка сил.

Межличностную коммуникацию можно определить по совокупности следующих наблюдаемых свойств:

- процесс передачи и переработки информации между партнерами по общению;
- ситуация, в которой один человек делает что-то для другого, а этот другой делает что-либо в ответ;
- взаимодействие, опосредованное символами;
- процесс намеренного или случайного обмена сообщениями между двумя или несколькими партнерами;
- взаимодействие, происходящее между небольшим числом коммуникаторов, которые имеют возможность видеть, слышать, касаться друг друга, легко осуществлять обратную связь.

Анализ межличностной коммуникации — это анализ того, каким образом и с помощью каких средств происходит перемещение представлений, идей, знаний, настроений, то есть субъективного опыта, от одного субъекта к другому.

Структура коммуникативного взаимодействия развивается в соответствии с прохождением информации по коммуникативной цепи следующего вида: адресант (отправитель) — кодирование сообщения — движение кодированной информации по каналам коммуникации — расшифровка (декодирование) сообщения — адресат (получатель). Речь приобретает определенный смысл и может быть понята только в структуре неречевого контекста. Контекст (ситуация) — это обстоятельства, в которых происходит конкретное событие.

К психологическим структурным компонентам акта речевой коммуникации следует в первую очередь отнести коммуникативное намерение, замысел и цель, формирующие мотивационную составляющую акта, которая определяет, что, зачем и почему хочет сказать автор высказывания, а также понимание сообщения — когнитивную составляющую акта речевой коммуникации.

Коммуникативное намерение (коммуникативная интенция) — это желание вступить в общение с другим лицом. Так, намерение поужинать и намерение предложить кому-то поужинать вместе различаются отсутствием или наличием коммуникативной интенции.

В речевом общении обычно различают два вида целей, которые может преследовать говорящий: ближайшую цель, непосредственно выражаемую говорящим, и более отдаленную, долговременную цель.

Основными разновидностями ближайшей цели общения являются:

- интеллектуальная цель: получение информации, в том числе оценочной; выяснение позиций; поддержка мнения; развитие темы; разъяснение; критика и т. п.;
- цель, связанная с установлением характера отношений: развитие или прекращение коммуникации, поддержка или отвержение партнера; побуждение к действию и т.п.

За ближайшими целями часто стоит целевой подтекст, углубляющий и усложняющий общение. К социально-ролевым структурным компонентам речевой коммуникации следует отнести статусные и ситуативные роли участников общения, а также используемые ими стиливые приемы. Понятие «статусная роль» указывает на поведение, предписанное человеку его социальным (возрастным, половым, должностным и т. д.) положением, или статусом. В начале конкретного коммуникативного акта от его участников требуется понимание, осознание коммуницирующим лицом собственной социальной роли и роли партнера. Это необходимо для того, чтобы сориентироваться в ситуации и выбрать соответствующую манеру речевого поведения. Могут быть выделены и ситуативные роли говорящих, возникающие в процессе общения. Ситуативные роли существенно влияют на характер общения и непосредственно проявляются в его фактической стороне. Определение ситуативной роли на основе наблюдаемых речевых и (или) иных коммуникативных фактов является задачей, близкой к сфере непосредственного наблюдения. Стиливые характеристики участников общения проявляются в особенностях речевого стиля коммуникантов, в используемых ими коммуникативных стратегиях и тактиках. Помимо индивидуальных особенностей говорящих и слушающих, выбор стиля речевого поведения зависит от социального контекста.

Организация и развитие речевой коммуникации также имеет особенности и закономерности. Для того чтобы передать другому сообщение, человек должен предварительно позаботиться о наличии или формировании общего с этим другим социального опыта. Общность коммуникантов может быть самого разного свойства:

- общность языка, на котором они говорят;
- общность социального жаргона или профессионального языка, при помощи которого лучше достигается взаимопонимание;
- общность пола, семейного положения и т. д.

На начальном этапе организации речевой коммуникации необходимо ввести предмет сообщения (тему) и удерживать его в сознании слушающего путем периодического напоминания, уточнения.

Во время продолжительного разговора говорящие, как правило, более или менее обоснованно переходят от одной темы к другой. При этом наращивание объема информации (продуктивность сообщения) будет зависеть от подготовленности собеседника или аудитории.

К собственно коммуникативным аспектам разговора можно отнести приемы привлечения и удержания внимания, а также выбранный тон общения – дружеский, официальный, авторитарный или снисходительный.

Имеется ряд конкретных правил, выполнение которых позволяет людям осуществлять совместные действия. Исходными условиями являются:

- наличие у участников взаимодействия хотя бы кратковременной ближайшей общей цели. Даже если их конечные цели отличаются или противоречат друг другу, в период взаимодействия всегда должна присутствовать та или иная общая цель;
- ожидание, что взаимодействие будет продолжаться до тех пор, пока оба участника не решат его прекратить (мы не отходим от собеседника, не говоря ни слова, и не начинаем ни с того ни с сего заниматься чем-то другим).

Описанные условия получили название «принцип кооперации».

Под стратегией речевого общения понимают процесс построения коммуникации, направленный на достижение долговременных результатов. Стратегия включает в себя планирование речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникаторов, а также реализацию этого плана, то есть линию беседы. Целью стратегии может являться завоевание авторитета, воздействие на мировоззрение, призыв к поступку, сотрудничеству или воздержанию от какого-либо действия.

Тактика речевого общения понимается как совокупность приемов ведения беседы и линии поведения на определенном этапе в рамках отдельного разговора. Она включает в себя конкретные приемы привлечения внимания, установления и поддержания контакта с партнером и воздействия на него, убеждение или переубеждение адресата, приведение его в определенное эмоциональное состояние и т. д.

Тактика может меняться в зависимости от условий общения, полученных сведений, чувств и эмоций.

Речь не просто обслуживает человеческую деятельность, она конституирует виды деятельности и межличностные отношения. С учетом изложенного, можно сказать, что речь в межличностном общении — использование языка в коммуникативных целях, поскольку человеческая речь возникает в ответ на необходимость вступить в общение с кем-либо или сообщить что-либо. Структура речевой коммуникации предполагает выделение как элементов прохождения информации по коммуникативной цепи (отправитель — кодирование сообщения — движение кодированной информации по каналам коммуникации — расшифровка (декодирование) сообщения — получатель), так и психологических характеристик (намерение, замысел, цель, понимание сообщения), а также социально-ролевых характеристик (статусные и ситуативные роли участников общения, используемые ими стилевые приемы). Для речевого поведения в социальном взаимодействии основное значение имеют оформление социально-ролевого статуса участников коммуникации, достаточно жесткий контроль за содержанием и формой посылаемых речевых сообщений, снижение личностного начала. Речь в межличностном общении — это устная разговорная речь, для которой характерны:

- а) персональность адресации;
- б) неподготовленность и непринужденность речевого акта, что проявляется в меньшей лексической точности, в свободе словоупотребления, в использовании коротких и простых словосочетаний и предложений, в отсутствии причастных и деепричастных оборотов, в наличии речевых ошибок, заполнителей пауз;
- в) ситуативность;
- г) эмоциональная окраска речи.

Персональность и непосредственность общения выдвигают на первый план функции речи, связанные с формированием между собеседниками определенного характера взаимоотношений:

- легкое, ни к чему не обязывающее общение,
- серьезный разговор, проясняющий ценностные установки собеседников,
- получение информации
- манипулирование.

В одном акте коммуникации могут сочетаться несколько функций.

Речь — основной, присущий только человеку способ коммуникации, вместе с тем мы передаем информацию друг другу, используя не только слова, но и множество иных способов.

Невербальные сообщения могут быть закодированы посредством:

- выразительных движений тела (экспрессивное поведение личности, в частности, мимика, жесты, позы и т. д.);
- звуковое оформление речи (высота, громкость, скорость, ритмичность и т. д.)

Люди в процессе невербальной коммуникации получают информацию, во-первых, о личности коммуникатора. Она включает сведения о:

- 1) темпераменте человека;
- 2) его эмоциональном состоянии в данной ситуации;
- 3) его «Я»-образе и самооценке;
- 4) его личностных свойствах и качествах;
- 5) его коммуникативной компетентности (то, как он вступает в межличностный контакт, поддерживает его и выходит из него);
- 6) его социальном статусе;
- 7) его принадлежности к определенной группе или субкультуре.

Во-вторых, передается информация об отношении участников коммуникации друг к другу. Она включает сведения о:

- желаемом уровне общения (социальная и эмоциональная близость или отдаленность);
- характере, или типе, отношений (доминирование–зависимость, расположение–нерасположение);
- динамике взаимоотношений (стремление поддерживать общение, прекратить его, «выяснить отношения» и т. д.).

В-третьих, в процессе общения происходит обмен информацией об отношении участников коммуникации к самой ситуации — эта информация позволяет им регулировать взаимодействие. В частности, она включает в себя сведения о включенности в данную ситуацию (комфортность, спокойствие, интерес) или, напротив, о стремлении выйти из нее (нервозность, нетерпение и т. д.).

Невербальная и вербальная коммуникация, сопутствуя друг другу, находятся в сложном взаимодействии. В межличностном общении, в беседе выделяется процесс «активного» слушания. Основанная на соответствующей сенсорной системе (на слухе) физиологическая способность слушать является естественной, ее реализация не требует сознательных усилий от человека.

При этом для применения тактики «активного слушания» требуются навыки концентрации внимания, эмоционального самоконтроля, умение работать с информацией, умение выделять важное в общем потоке информации и т. д.

Способность слышать (а при применении тактики «активного слушания» — осознанно и вдумчиво слушать и воспринимать информацию) создает возможность обратной связи в межличностной коммуникации, в том числе и для управления процессом коммуникации. Благодаря обратной связи (оценочной или безоценочной) человек может под-

держивать или корректировать впечатления других о себе и своих установках, а также достигать иных целей конкретного коммуникативного акта.

Выделяют нерелексивный, релексивный (активный) и эмпатический стили слушания, в основе которых лежит использование определенных речевых приемов. Эффективное применение различных стилей слушания способствует сохранению и развитию межличностных отношений, а также позволяет достигать иных целей конкретного коммуникативного акта.

Структура любой социальной ситуации включает в себя следующие необходимых элементы:

- роли участников взаимодействия, то есть набор предписаний, касающийся того, как человек должен вести себя, если он занял фиксированную позицию среди людей, относительно которой уже сложились нормативные представления;
- набор и порядок действий (или сценарные последовательности);
- правила и нормы, регулирующие взаимодействие и характер отношений участников социальной ситуации. Характеристики конкретной ситуации, в которой протекает общение данных людей, накладывают значительные ограничения на их поведение, чувства и даже желания.

Межличностное взаимодействие может быть рассмотрено как процесс конструирования, формирования межличностного пространства. Оно предполагает:

- выбор позиции в отношении к другому, пристройку к позициям друг друга;
- четкое определение пространственных и временных границ ситуации взаимодействия;
- оформление занятой позиции посредством использования вербальных и невербальных средств коммуникации.

К основным механизмам, обеспечивающим формирование межличностного пространства, относятся взаимопонимание, координация и согласование намерений и интересов сторон. Для каждого уровня общения стратегически наиболее значимым является определенный уровень взаимопонимания, координации и согласования, оценки ситуации и правил поведения каждого участника.

В реальной человеческой жизни имеют место три основные стратегии: императивная, манипулятивная и развивающая, где отношение к партнеру по общению как к объекту меняется на отношение к нему как к субъекту.

Манипулятивное воздействие, несмотря на его скрытый и тайный характер, распознаваемо по основным его признакам: стремлению овладеть волей партнера, обману и проявлениям лицемерия в поведении.

Асимметричность отношений взаимодействующих людей – это критерий, который сближает понятия «власть», «давление», «манипуляция» и одновременно позволяет выделить личное влияние как отдельный феномен, где главным критерием является симметричность отношений партнеров по общению.

Процесс предпочтения одних людей другими, взаимного притяжения между людьми, взаимной симпатии получил название «межличностная аттракция». Особенность аттракции в сравнении с другими чувствами и эмоциями состоит в том, что ее предметом является другой индивидуум (а не социальная группа или социальный институт), поэтому она всегда включена в межличностный контекст и, таким образом, выступает одним из ключевых факторов формирования и реализации межличностных отношений. Среди причин, оказывающих наибольшее влияние на процесс межличностной аттракции, можно выделить внешние, непосредственно не связанные с процессом межличностного взаимодей-

ствия, и внутренние, которые возникают в процессе взаимодействия, — собственно межличностные детерминанты аттракции.

К внешним факторам аттракции можно отнести:

- 1) степень выраженности у человека потребности в аффилиации;
- 2) эмоциональное состояние партнеров по общению;
- 3) пространственную близость.

К внутренним факторам, или собственно межличностным детерминантам аттракции можно отнести:

- 1) физическую привлекательность партнера по общению;
- 2) демонстрируемый стиль общения;
- 3) фактор сходства между партнерами по общению;
- 4) выражение личного отношения к партнеру в процессе общения (поддержка или отказ в поддержке).

Эмоции и чувства выполняют регулирующую функцию во взаимодействии между людьми благодаря тому, что предстают перед нами как сложная форма поведения, как готовность действовать определенным образом по отношению к тем или иным людям. Именно по наблюдаемым действиям и реакциям можно определять, какие чувства переживает человек. Способы контроля над проявлением чувств и эмоций в межгрупповом и ролевом взаимодействии (пространственное отделение сторон, формализация поведения, стереотипизация и обезличенность) приводят к нейтрализации, подавлению, вытеснению эмоций из отношений или формированию исключительно отрицательных эмоций и чувств, лишая эти отношения собственно межличностной окраски.

Обращение к человеку в ходе взаимодействия является формой выражения отношений и установления либо подтверждения уже существующей дистанции.

Формальное и неформальное общение различается по степени включенности межличностных отношений, учета индивидуальных особенностей партнера, использования способов психологического воздействия (установления контакта).

Контактное неформальное межличностное общение имеет свои специфические черты, оно имеет активную обратную связь, обогащенную контекстом и подтекстом, ситуацией общения, и обслуживается широким спектром вербальных и невербальных средств общения, включает механизмы рефлексии.

Межличностное доверительное общение имеет своей тактической целью установление психологического контакта, оптимальной психологической дистанции, своей стратегической целью — формирование дружеских доверительных отношений. Оно может рассматриваться как процесс, который имеет свои стадии и закономерности оптимального психологического контакта. Доверительное общение приносит психологическое облегчение, улучшает обратную связь в процессе самопознания и обеспечивает психологическое сближение, углубление взаимоотношений. Истинное доверие требует взаимных и точных оценок субъектов общения, касающихся их возможностей, намерений, компетентности. Оно в корне отличается от доверчивости и псевдодоверия. Доверительность в общении, понимание мотивов собеседника, субъективная легкость общения служат установлению психологической близости между людьми.

Существуют два уровня психологической близости:

- один — первичный по времени возникновения, неосознаваемый — не требует длительного знакомства, взаимопроверки, характеризуется высокой спонтанностью;
- другой — рациональный, управляемый посредством субъектов общения. Он основан на осознании сходства установок, ценностей, норм, жизненного опыта (либо на искусственной имитации этого сходства).

Нарушения межличностного неформального общения представляют собой наиболее тяжелые по своим психологическим последствиям межличностные осложнения в сфере общения. Трудности межличностного неформального общения сопровождаются нервно-психическим напряжением.

К деструктивному общению следует отнести те формы и особенности контактов, которые либо пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения, либо вынуждают его действовать вопреки своим интересам. Примерами такого рода контактов являются манипулятивное общение, авторитарный стиль, ложь, лицемерие, обман и другие формы воздействия, направляемые корыстными или иными противоречащими интересам партнера по общению мотивами.

Обман — более широкая категория, чем неправда и ложь. В отличие от лжи, обман — это сознательное стремление создать у партнера ложное представление о предмете обсуждения.

Стиль общения в совместной деятельности является выражением в профессиональном преломлении, с учетом профессиональных навыков и умений, индивидуального стиля деятельности данного человека.

Партнерский стиль общения означает высокую степень сотрудничества в выработке общей позиции по обсуждаемому вопросу. Партнера выслушивают, не прерывая, не оценивают преждевременно и поспешно его суждений и поступков, не навязывают ему советов, стремятся донести до него свою точку зрения. Партнерский стиль может быть равноправным и уступчивым. Непартнерский стиль общения, напротив, создает напряжения. Используя его человек принижает собеседника, игнорирует его потребности, перебивает его, говорит свысока, оценивает негативно и бесцеремонно личностные качества собеседника, не раскрывает себя. Непартнерский стиль общения проявляется также и в том, что человек, в отношении которого допускается такая асимметричность общения:

- позволяет разговаривать с собой свысока, не возмущается тем, что его не слушают, прерывают;
- без возражений переносит то, что собеседник игнорирует его точку зрения, искажает его отношение к теме беседы
- покорно переносит то, что собеседник не дает себе труда сформулировать свои мысли таким образом, чтобы быть понятным.

Принимая такой непартнерский стиль общения, собеседник занимает, таким образом, более низкое в иерархии коммуникативного акта положение, признает подлинную или иллюзорную власть собеседника над собой. Одной из форм непартнерского, асимметричного и иерархизированного коммуникативного акта является *допрос*. При этом психологические приемы, направленные на установление психологического контакта между сторонами, существенно схожи. В своей профессиональной деятельности в процессе проведения допроса следователь использует многообразные профессионально-психологические техники воздействия в отношении допрашиваемого, которые помогают установлению профессионально-психологического контакта между сторонами. Психологический контакт, возникающий в процессе этой асимметричной коммуникации, служит фоном, который способствует успешному применению техник профессионально-психологического воздействия в отношении собеседника. Если профессионально-психологический контакт установлен, лицо, осуществляющее сбор интересующей информации, получает доступ к более широкому спектру возможностей оказания профессионально-психологического воздействия. Если же психологический контакт отсутствует, то возможностей применения техник профессионально-психологического воздействия гораздо меньше.

Успешный сбор информации при допросе всегда носит ярко выраженный коммуникативный характер. При этом специфика межличностного общения проявляется в инициативе, исходящей от лица, заинтересованного в получении информации (в том числе в аудиофиксации и видеофиксации ведущегося разговора). Общение коммуникантов в этой ситуации не должно быть чрезмерно формализованным.

При этом инициатор коммуникации (допрашивающий) должен, в частности:

- проявлять искренний интерес к собеседнику;
- демонстрировать свои положительные эмоции;
- обсуждать интересы, актуальные для собеседника;

Достижение психологического контакта с допрашиваемым является сложной задачей. Объективно в ситуации скрытого получения и фиксации информации у коммуникантов имеются несовпадающие, зачастую существенно разные, противоречащие друг другу цели, интересы и мотивация. Специфика установления психологического контакта исследователя с собеседником базируется на применяемой в социальной психологии модели (упоминаемой выше), состоящей из трёх составляющих:

- перцептивной;
- коммуникативной;
- интерактивной.

Процесс допроса имеет сложную психологическую структуру:

- установление контакта;
- поддержание контакта;
- выход из профессионально-психологического контакта с допрашиваемым собеседником. Только после установления психологического контакта можно переходить к выяснению интересующих обстоятельств в целом, темой беседы на начальной стадии обычно являются незначительные для существа дела моменты (нейтральный материал).

Феномен техники общения в описываемом процессе представлен двумя основными направлениями коммуникации: умением говорить и умением слушать. Умение говорить определяется средствами общения лица, ведущего допрос, которые в соответствии с концепцией Г. М. Андреевой подразделяются на две группы: словесные (вербальные — речь) и несловесные (невербальные). А.М.Столяренко помимо этого выделяет обстановочно-поведенческие средства речи, а также отмечает, что невербальный компонент коммуникации со стороны заинтересованного в получении информации лица, настойчиво иницирующего разговор с целью расспросить собеседника, усиливает и дополняет вербальные средства общения.

Несловесные (невербальные) средства включают в себя, как при любом коммуникативном акте:

- мимику;
- пантомимику (позы, жесты);
- контакт глаз;
- тон, темп, интонацию речи.

Из интерпретации невербального компонента коммуникации заинтересованное лицо может получить информацию об эмоциональном состоянии собеседника и даже о его процессе мышления. В несинхронности вербальных и невербальных средств коммуникации проявляется внутреннее состояние говорящего. Анализируя невербальные средства коммуникации собеседника и соотнося их с его высказываниями, можно, например, прийти к выводу о том, что он неискренен, скрытен, лжет или же, напротив, открыт и расположен к откровенности. Внешнее проявление состояния собеседника через невербаль-

ные средства коммуникации также может свидетельствовать об установлении или отсутствии психологического контакта.

Рассматриваемая коммуникативная модель — ситуация сверхнапряжения. От умения лица, инициировавшего фиксируемый техническими средствами разговор, не только говорить, но и слушать во многом зависит эффективность коммуникации, необходимо применение техники слушания, с помощью которой собеседник, чувствуя себя в безопасности, чувствуя себя одобряемым и ободряемым, максимально раскрывается, становится словоохотливым и т.д. Понятие техники слушания в теории юридической психологии основано на широком использовании феноменов фундаментальной, в частности, социальной психологии.

Техника слушания включает в себя поддержку (кивки, покачивания головы, взгляды, поддакивания) и комментирование (оценочные суждения, интерпретация). Слушание — это активный процесс, он требует постоянного физического и умственного внимания от следователя, сосредоточенности на предмете беседы, заинтересованной позиции в общении. В терминах феноменов социальной психологии для разговора такого формата наиболее типичны следующие виды рефлексивного слушания (или ответов собеседнику):

- выяснение (слушающий обращается к говорящему за уточнением);
- перефразирование (формулирование сообщения своими словами для проверки точности услышанного);
- резюмирование (обобщение основных мыслей и чувств собеседника).

Как правило, приёмы активного слушания используются в различных сочетаниях.

Описываемый процесс — это процесс так называемого затруднённого общения. Все стороны (перцептивная, коммуникативная, интерактивная) профессионально-психологического контакта взаимосвязаны и взаимозависимы. Структуры подобного делового общения являются основой для контактного взаимодействия и предполагают наличие контакта между сторонами, однако контакт не существует изначально, он устанавливается в процессе общения.

Психологическое воздействие и влияние — составная часть профессиональной деятельности следователя. При применении тактических приёмов часто психологическое воздействие производится на основе интуитивного психологического знания, при допросе несовершеннолетних и/или малолетних — с обязательным привлечением к участию в допросе психолога. Интенция (намерение) воздействия с использованием профессиональных технологий может быть вполне осознанной как цель оказать влияние на поведение, состояние, чувства собеседника, разговор с которым записывается для получения требующихся заинтересованному лицу сведений. Эффективность вербального воздействия в значительной степени зависит от сопутствующего невербального компонента коммуникации, к которому относятся паралингвистические характеристики речи (тембр и динамические характеристики) и выразительные движения (особенности мимики и пантомимы). Невербальные компоненты коммуникации выступают отражением эмоционального состояния допрашиваемого, его психической напряженности, переживаний. Физические характеристики звуковых стимулов: высота, тембр, сила звука — также активно используются в процессе проведения допросов. Изменение тембра, силы и высоты голоса помогают вызвать у собеседника нужный психологический эффект. Особое значение при оказании психологического воздействия имеют темп и ритм проведения беседы. Как указывалось выше, психологический контакт — это фон, на основе которого возможно эффективно применять тактические приёмы психологического воздействия, влияния и манипуляции. При наличии данного фона в процессе проведения коммуникации инициатор разговора имеет более широкий спектр возможностей оказания психологического воздействия на собеседника,

чем не осведомленный обо всех гранях ситуации собеседник — на инициатора. При отсутствии фона возможность эффективно применять тактические приёмы — уменьшается.

Существуют различные психологические механизмы установления профессионально-психологического контакта: аттракция, эмпатия, каузальная атрибуция и др. Чаще всего встречается использование механизма аттракции.

В юридической психологии считается важным (рекомендовано) обеспечить соблюдение допрашивающим лицом (а также лицом, проводящим ОРМ) следующих условий:

- умения гибко использовать манипулятивный и гуманистический стили общения в различных ситуациях допроса, осознания следователем манипулятивной направленности своих действий (активное отношение к этому аспекту эффективно меняет стиль общения на допросе и позволяет использовать широкий репертуар тактических приёмов в отношении допрашиваемого);
- выстраивания контакта на основе диалога, в котором следователь и допрашиваемый высказываются поочередно (при этом следователь в беседе должен отдавать преимущество высказаться допрашиваемому);
- тщательного контроля своего поведения со стороны следователя (рекомендуется избегать категорических высказываний, поучительного тона, снисходительных интонаций, демонстрации собственного превосходства);
- проверки установления контакта через невербальные проявления допрашиваемого (тон и темп речи, взгляд, позу сидящего, мимическое выражение лица), а также через вербальные компоненты коммуникации (даваемую допрашиваемым обратную связь в межличностном общении);
- при затрудненном контакте — поиска общности социально-психологических отношений с допрашиваемым, стремления к возникновению чувства «мы».

Эти необходимые условия проведения успешной коммуникации, осуществляемой с целью сбора и фиксации требующейся информации, допустимо экстраполировать на ситуацию скрытого сбора и фиксации информации частным лицом, если оно имеет такую основную или дополнительную цель в рассматриваемом акте межличностного общения. Также считается, что в целях установления психологического контакта следует использовать проявление эмпатии к собеседнику. Эмпатия — способность коммуниканта проникать с помощью чувств в душевные переживания допрашиваемого лица, сочувствовать ему, разделять его переживания.

Психологический контакт в условиях скрытого сбора и фиксации требующейся информации должен быть определен как целенаправленная, планируемая деятельность по созданию условий, обеспечивающих развитие общения в нужном направлении и достижение его целей. Психологический контакт в рассматриваемом случае — это деятельность рациональная.

Выделяются три группы приемов, направленных на достижение гуманистического психологического контакта:

- приемы, направленные на создание позитивного первого впечатления о личности инициатора беседы в сознании другого участника;
- приемы, демонстрирующие отсутствие агрессии и манипулирования со стороны инициатора беседы;
- приемы, демонстрирующие психологическую идентичность того, с кем иницирована беседа, и самого инициатора беседы (приемы отзеркаливания).

Установление психологического контакта обеспечивает устранение эмоционального и смыслового барьера, установление отношений доверия между коммуникантами. Это с высокой вероятностью должно обеспечить достижение цели по скрытому сбору и фикса-

ции требующейся заинтересованному лицу информации. Благодаря психологическим приемам, в частности, приемам «подстройки», успешно решается задача получения необходимой информации от неосведомленного об обстоятельствах неявной цели беседы другого участника разговора.

В классической психологии, если рассматривать её как науку о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности, основанной на явленности в самонаблюдении особых переживаний, не относимых к внешнему миру, существуют собственные, отражающие фундаментальный научный подход определения.

При проведении психологического исследования следует уделять больше внимания субъективной стороне изучаемого явления. Употребляемые в настоящем исследовании термины отражают именно эту тенденцию и направленность, призваны обеспечить терминологическую непротиворечивость и единообразие понимания подготовленных выводов и ответов на поставленные вопросы. В психологической интерпретации любого социального явления рассматриваются как субъективные намерения, так и объективные действия каждой из сторон социальной (социально-психологической) коммуникации. Вместе с тем специфические психологические явления, подлежащие описанию в настоящем документе, требуют включения в него определений и терминов, отражающих особенности их применения в психологических дисциплинах, таких как социальная психология, психология отношений, психология эмоций.

Целесообразно также дать определение обозначениям явлений, неприятных и/или травматичным для психики, в частности для психоэмоционального состояния, самоуважения и самооценки человека или людей, составляющих некую социальную общность или социальную группу (понимаемую в данной части исследования с позиций именно психологических научных подходов).

В настоящем заключении используются следующие основные психологические **термины и понятия**.

Воздействие — в психологии — целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому. Выделяются: *воздействия непосредственные* — контактные, когда движение и заключенная в нем информация передаются в форме импульса движения, — например, прикосновения или удара; *воздействия опосредованные* — дистантные, когда информация и закодированный в ней импульс движения передаются в форме комплекса сигналов, несущих сообщение о чем-либо и ориентирующих восприимчивого воздействия относительно смысла и значения этих сигналов. По степени изменения в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях субъекта — адресата воздействия можно судить о степени влияния на него воздействующего субъекта или объекта.

Воля — сторона сознания, его деятельное и регулирующее начало, призванное создать усилие и удерживать его так долго, как это надобно. Способность человека достигать поставленных целей в условиях преодоления препятствий, проявляемая в самодетерминации и саморегуляции своей деятельности и различных психических процессов. Благодаря ей человек может по собственной инициативе, исходя из осознанной необходимости, выполнять действия в заранее спланированном направлении и с заранее предусмотренной силой. Более того, он может соответственно организовать свою психическую деятельность и её направлять. Усилием воли можно сдерживать внешнее проявление эмоций и даже показать совершенно противоположные эмоции.

Воля направляет или сдерживает действия человека, а также организует психическую деятельность, исходя из наличных задач и требований. Первоначально понятие воли

было введено для объяснения побуждений к действиям, выполняемым по собственным решениям человека, но не отвечающим его желаниям. Затем оно стало использоваться для объяснения возможности свободного выбора при конфликте желаний человека, связанном с постановкой проблем свободы воли.

Возраст — конкретная, относительно ограниченная во времени ступень психологического развития индивида и его развития как вида, характеризующая совокупностью закономерных физиологических и психологических особенностей.

Абсолютный возраст — возраст, выражающийся количеством временных единиц (минут, дней, лет и т.п.), отделяющих момент возникновения объекта до момента его измерения.

Условный возраст (возраст развития) — определяется путем местонахождения объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, на основании количественно-качественных признаков.

Хронологический возраст — возраст отдельного человека, начиная с момента зачатия и до конца жизни.

Биологический возраст — определяется состоянием определенных свойств и функций организма по сравнению со среднестатистическим уровнем развития, характерным для данного хронологического возраста.

Психологический возраст — определяется путем соотнесения уровня психического развития индивида с соответствующим нормативным среднестатистическим симптомокомплексом.

Социальный возраст — определяется путем соотнесения уровня социального развития человека со среднестатистической нормой для его сверстников. Социальный возраст связан с социальными изменениями, которые происходят в психике и зависят от возраста. К ним относятся важнейшие жизненные события человека, так называемые социальные часы (время вступления в брак, начало и завершение обучения и т.д.), а также возрастные изменения, определяющие мировоззрение человека, его отношение к жизни.

Субъективный психологический возраст — переживаемый возраст личности, в основе которого лежит самоощущение человека; субъективный возраст определяется возрастным самосознанием, зависящим от напряженности, событийной наполненности жизни и субъективно воспринимаемой степени самореализации личности.

Восприятие — в психологии — отражение в сознании человека предметов или явлений при их непосредственном воздействии на органы чувств. Наиболее важные особенности восприятия — предметность, целостность, структурность, константность и осмысленность.

Восприятие межличностное — восприятие, понимание и оценка человека человеком. Специфика по сравнению с восприятием неодушевленных предметов — в большей пристрастности, что проявляется в слитности когнитивных и эмоциональных компонент, в ярче выраженной оценочной и ценностной окраске, в более прямой зависимости представления о другом человеке от мотивационно-смысловой структуры деятельности воспринимающего субъекта.

Давление — отличается от потребности своей направленностью. Потребность — динамическая сила, исходящая от организма (субъекта). Давление — сила, действующая на организм (субъект, личность, группу).

Индивидуальное развитие человека — онтогенез заложенной в нем филогенетической программой, его периодизация основана на выделении ряда универсальных возрастных процессов (рост, созревание, развитие, старение), в результате которых формируются соответствующие индивидуальные возрастные свойства (различия). Возрастные свойства показывают, чем среднестатистический индивид одного возраста отличается от

среднестатистического индивида другого возраста. Возрастные процессы, возрастные свойства, а также чередование периодов стабильности и кризисов, которым характеризуется жизнь человека, определяют возрастные стадии или стадии развития.

Конфликт (межличностный) — столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия. В основе любого конфликта лежит ситуация, включающая в себя либо противоречивые позиции сторон по какому-то поводу, либо противоположные цели или средства их достижения в данных условиях, либо несовпадение интересов, желаний, влечений оппонентов, и пр. Конфликтная ситуация содержит субъектов возможного конфликта и его объект. Чтобы конфликт начал развиваться, необходим инцидент, когда одна из сторон начинает действовать, ущемляя интересы другой стороны. Если другая сторона отвечает тем же, конфликт переходит из потенциального в актуальный, далее он может развиваться как прямой или опосредованный, а также как конструктивный стабилизирующий или неконструктивный. Как субъект взаимодействия в конфликте может выступать и отдельное лицо (*конфликт внутриличностный*), и несколько лиц (*конфликт межличностный*).

Личность — феномен общественного развития, конкретный живой человек, обладающий сознанием и самосознанием. Структура личности — целостное системное образование, совокупность социально значимых психических свойств, отношений и действий индивида, сложившихся в процессе онтогенеза и определяющих его поведение как поведение сознательного субъекта деятельности и общения. Личность — саморегулируемая динамическая функциональная система непрерывно взаимодействующих между собой свойств, отношений и действий, складывающихся в процессе онтогенеза человека. Стержневым образованием личности является **самооценка**, которая строится на оценках индивида другими людьми и на его оценивании этих других. В широком, традиционном смысле личность — это индивид как субъект социальных отношений и сознательной деятельности. В структуру личности входят и все психологические характеристики человека, и все морфофизиологические особенности его организма — вплоть до особенностей обмена веществ. В узком смысле личность — *это определяемое включенностью в общественные отношения системное качество индивида, формируемое в совместной деятельности и общении*.

Мотив (в психологии) — побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность. Также мотив определяется как предмет, материальный или идеальный, достижение которого выступает смыслом деятельности, и как побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности, ради коего она выполняется, или осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности. Мотив явлен субъекту в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неполнотой настоящего положения. Но для осознания мотива, то есть для включения этих переживаний в культурно обусловленную категориальную систему, требуется особая работа. Мотив рождается в акте *опредмечивания потребности*, определяется как предмет потребности, предмет потребности — не обязательно вещь, он может быть идеальным.

Насилие — общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни вплоть до ее разрушения, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность; узурпация свободной воли в ее наличном бытии.

Общение — сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностью в совместной деятельности и включающий в

себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания партнера по общению. В самом общем виде общение выступает как форма жизнедеятельности, и его социальный смысл состоит в том, что оно выступает средством передачи форм культуры и общественного опыта. Общение — реализуемое знаковыми средствами взаимодействие двух или более субъектов, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера.

Оскорбление — травма, нанесенная достоинству, самоуважению, чести человека. Имеются тонкие различия между *обидой*, *оскорблением*, *унижением*. Также существует разница между обидой и оскорблением: «Оскорбление возникает тогда, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство». В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные; множество оскорбительных высказываний является частью культурного текста данного социума, между тем множество обидных высказываний нельзя исчислить». Оскорбление может быть вещью субъективной: слова оскорблять и оскорбление могут использоваться для интерпретации каких-то действий как намеренно направленных на то, чтобы задеть честь объекта. Понятие оскорбления предполагает наличие некоторого авторитетного для определенной социальной группы свода норм и правил.

Психологическое насилие — действия, разрушающие или уничтожающие положительные нравственные чувства, качества личности и поведения, а также самоуважение, благополучие и собственное достоинство. Психологическое насилие — это унижение, обесценивание, ограничение прав человека, психологические злоупотребления, эмоциональные унижения, притеснения.

Поведение — присущее живым существам взаимодействие со средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью; целенаправленная активность живого организма, служащая для осуществления контакта с внешним миром. Термин применим как к отдельным особям, индивидам, так и к их совокупностям (поведение биологического вида, социальной группы).

Представление — наглядный образ предмета, или явления, или события, возникающий на основе прошлого опыта, а именно: данных ощущений (сенсорики) и восприятий (перцептивных образов), путём его воспроизведения в памяти или в воображении.

В связи с этим различают представление памяти и представление воображения. Представления возникают в отсутствие относящихся к ним объектов, они обычно менее яркие и менее детальные, чем образы восприятия, но в то же время более схематизированы и обобщены, в них отражаются наиболее характерные наглядные особенности, свойственные целому классу сходных объектов. Степень обобщенности представления может быть разной, в связи с этим различают единичное и общее представление. Единичные представления более индивидуальны и конкретны по своей наглядности, чем общие, но и в единичных представлениях содержится известное обобщение, поскольку они являются в сумме рваными образами многих восприятий отдельных объектов.

Стресс — одно из нормальных состояний организма, поскольку этот процесс связан с работой адаптационных механизмов. Стресс является неотъемлемым проявлением жизни и является неспецифической, системной приспособительной реакцией на новизну. Стрессовые реакции филогенетически помогали живым существам справляться с трудностями, в этом аспекте стрессовые реакции полезны. Если стресс имеет яркое выражение и длительное проявление, он причиняет вред здоровью и благополучию. По типу воздействия стресс бывает системным и психическим. Системный стресс отражает ответную реакцию организма на травмы, воспаление, инфекции и прочее. Психический стресс сначала вызывает изменения в психоэмоциональной сфере, а затем проявляется на биологическом

уровне. Организм приспосабливается к внешним стрессорам с точки зрения биологической модели, которая пытается восстановить и сохранить внутренний баланс. В своей попытке сохранить гомеостаз организм использует гормональную ответную реакцию, которая непосредственно осуществляет борьбу со стрессором. Борьба организма против стресса является главной темой общего адаптационного синдрома. Стрессовые реакции имеют свои пределы. Ограниченный запас энергии организма для адаптации к стрессовой среде истощается, когда организм постоянно подвергается воздействию стрессора. В медицине, физиологии, психологии выделяют положительную (*эустресс*) и отрицательную (*дистресс*) формы стресса.

Стрессогенный фактор, стрессогенная ситуация — фактор и/или ситуация, в которой эти факторы проявляются, вызывающие, провоцирующие возникновение такой реакции организма, как стресс.

Стыд — чувство, выражающее осознание человеком своего (а также близких и причастных к нему людей) несоответствия принятым в данной среде нормам или предполагаемым ожиданиям. Стыд переживается как неудовлетворенность собой, осуждение себя. Е.П.Ильин относит стыд к эмоциям, что подтверждается отражением проживания этого состояния на физиологическом уровне (вегетативные реакции, изменения мимики и пантомимики и т.д.). Стыд — это сильное смущение от сознания совершения предосудительного поступка или попадания в унижительную ситуацию, в результате чего человек чувствует себя опозоренным, обесчещенным. Стыд является трансформированной в результате социализации биологической эмоцией страха (тревоги) за свое Я. С этой точки зрения стыд можно рассматривать как боязнь потерять самоуважение и уважение других. Стыд проживается как ощущение поражения, унижения, отчужденности. Человек чувствует себя потерпевшим поражение, отвергнутым, потерявшим достоинство, ощущает себя объектом презрения и насмешки, он чувствует себя смешным, униженным, маленьким. Он ощущает беспомощность, неадекватность, неспособность и невозможность осмыслить ситуацию. Переживание стыда — это неожиданное или «изумляющее» столкновение с различными сторонами Я, осознанными или неосознанными, познанными или не познанными, нежданно проявившимися во взаимодействии друг с другом и с такими аспектами окружающего, которые прежде были неведомы.

В рамках психофизиологии рассматриваются психобиологические маркеры чувства стыда. Все исследователи эмоции стыда сходятся во мнении о том, что стыд характеризуется острым повышением самоосознания. Стыд — это осознание собственной неумелости, непригодности или неадекватности в некой ситуации или при исполнении некоего задания, сопровождаемое негативным переживанием: огорчением, беспокойством или тревогой. Стыд может вызывать отчаяние или гнев, который направлен в этом случае не только на себя, но и *на осуждающего другого*. Это защитная реакция, так как, направляя гнев вовне, стыдящийся пытается восстановить ощущение владения ситуацией.

Цель — осознанный образ предвосхищаемого, желаемого результата, на достижение коего направлено действие человека; заранее мыслимый результат сознательной деятельности. Здесь имеется в виду сознательный образ результата: он удерживается в сознании все время, пока выполняется действие.

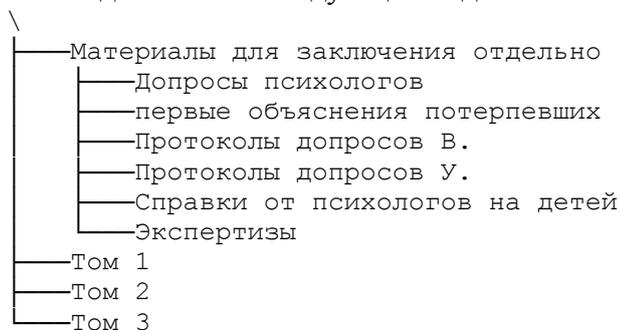
2. Осмотр и предварительное исследование представленных материалов

2.1. Поставленные перед специалистами вопросы относятся к продуктам речевой деятельности и поведению участников определенных событий, каждое из которых имеет официальный процессуальный статус первичного либо дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего.

Упомянутые в формулировках вопросов видеофонограммы, протоколы допросов и иные материалы уголовного дела № XXX (в электронных фотокопиях) представлены специалистам на оптическом диске (компакт-диске) VS для однократной записи стандарта DVD-R.

Осмотр указанного диска производился в условиях искусственного освещения. На нерабочей стороне диска, покрытой матовым лаком золотистого цвета, имеются нанесенные фабричным способом глянцевые ярко-золотистые элементы, включая комбинированное обозначение со словесными элементами «DVD» и «R», разделенными стилизованным графическим изображением диска, сопровождающееся знаком «™», надписи «DVD-R», «4.7 GB», «16x», «120 min». Ближе к внутреннему кольцу диска нанесена маркировка, прочитанная специалистами как «MFP66OYC112349»; имеется также маркировка, прочитанная специалистами как «CMDR47G-CFMWMO3-1000 0330».

Диск помещен в привод для компакт-дисков ПЭВМ, описанной в разделе 1 настоящего заключения. В результате чтения каталога компакт-диска установлено, что он имеет метку тома «Материалы уголовного дела Т.» и серийный номер тома 8VBF-A123. Структура папок на диске имеет следующий вид:

В корневой папке диска находятся четыре файла видеофонограмм, атрибуты которых представлены в следующей таблице:

Дата и время модификации	Размер, байт	Имя файла
08.10.2020 23:23	1 338 648 859	MVI_1263.MP4
09.10.2020 00:30	1 312 950 079	MVI_1264.MP4
13.10.2020 14:34	134 381 136	bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi
13.10.2020 14:53	98 741 632	bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi

Файлы представленных видеофонограмм допускают воспроизведение стандартными средствами, в том числе в программе «Проигрыватель Windows Media». В указанной программе произведены просмотр и аудирование видеофонограмм. Указанные видеофонограммы представляют собой, исходя из их содержания, видеозаписи первичных и дополнительных допросов несовершеннолетних потерпевших У. и В.

2.2. Показания, данные в ходе первичных и дополнительных допросов несовершеннолетними потерпевшими У. и В., зафиксированы также в протоколах допросов, а именно:

- первичный допрос В., состоявшийся 8/X-2020, видеозапись которого содержится в файле видеофонограммы «MVI_1263.MP4», отражен также в протоколе допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 110–115);
- дополнительный допрос В., состоявшийся 13/X-2020, видеозапись которого содержится в файле видеофонограммы «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi», отражен также в протоколе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 116–122);

- первичный допрос У., состоявшийся 8/X-2020, видеозапись которого содержится в файле видеофонограммы «MVI_1264.MP4», отражен также в протоколе допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 89–94);
- дополнительный допрос У., состоявшийся 13/X-2020, видеозапись которого содержится в файле видеофонограммы «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi», отражен также в протоколе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 95–102).

В ходе просмотра и аудирования указанных видеофонограмм их речевое содержание сопоставлялось с текстовым представлением зафиксированных видеофонограммами диалогов в соответствующих протоколах первичного и дополнительного допроса. Установлено наличие множественных несоответствий, которые являются потенциально релевантными для разрешения поставленных перед специалистами вопросов.

Результаты указанного сопоставления представлены в следующих таблицах. Наряду с высказываниями участников диалога в таблицы помещены выделяемые курсивом комментарии специалистов, являющиеся описательными в отношении данных видеоряда и супрасегментных параметров речи (интонации, паузации, динамических характеристик и т. п.) участников следственного действия. Потенциально релевантные для разрешения поставленных перед специалистами вопросов существенные расхождения между сопоставляемыми представлениями диалогов выделены полужирным шрифтом с подчеркиванием. Возможные варианты отдельных словоупотреблений, отличающихся низким уровнем разборчивости, помещены в квадратные скобки, разделяются знаком косой черты: [вариант1-/вариант-2].

Таблица 1. Результаты сопоставления речевого содержания видеофонограммы «MVI_1263.MP4» с текстом протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 110–115).

Протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 110–115)	Видеофонограмма «MVI_1263.MP4»
Вопрос следователя: В, расскажи, пожалуйста, у кого в гостях ты была?	<u>Вопрос следователя: В., расскажи, пожалуйста...</u> <u>Реплика потерпевшей: Недолго?</u> Реплика следователя: Расскажи, пожалуйста, у кого в гостях ты была?
Ответ потерпевшей: у бабушки.	Ответ потерпевшей: У бабушки. <u>Законный представитель кивает головой.</u>
Вопрос следователя: а что вы у бабушки делали?	Вопрос следователя: а что вы у бабушки <u>в гостях</u> делали?
Ответ потерпевшей: я смотрела мультики.	Ответ потерпевшей: я смотрела мультики. <u>Реплика законного представителя: Погромче говори.</u> <u>Ответ потерпевшей: я смотрела мультики.</u>
Вопрос следователя: а что еще <u>ты делала?</u>	Вопрос следователя: а что еще?
Ответ потерпевшей: чай пила.	Ответ потерпевшей: чай пила. <u>Реплика следователя: чай пила?</u> <u>Потерпевшая кивает головой.</u>
Вопрос следователя: а с кем ты в гостях у бабушки была? Что бабушка делал?	Вопрос следователя: а с кем ты в гостях у бабушки была? <u>Ответ потерпевшей: это бабушка (смотр-</u>

<p>Протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 110–115)</p>	<p>Видеофонограмма «MVI_1263.MP4»</p>
	<p><u>рит на экран телефона, который держит в руках).</u> Вопрос законного представителя потерпевшей: С кем ты была? Ты одна была? Ответ потерпевшей: да Реплика следователя (шепотная речь): (Фонетическое слово неразборчиво) [вопрос/вопросы/вопросов]. Законный представитель потерпевшей (держая левой рукой потерпевшую за рукав куртки и указывая правой рукой в сторону устройства видеофиксации): На камеру смотри. Потерпевшая поворачивает лицо в сторону устройства видеофиксации. Вопрос следователя: А что дедушка делал?</p>
<p><u>Ответ потерпевшей: чай пил с сахаром.</u></p>	<p><u>Потерпевшая пожимает плечами.</u> Ответ потерпевшей: чай. Вопрос следователя: А что чай? Ответ потерпевшей: это чай, ну, с сахаром. Вопрос следователя: Чай с сахаром? Потерпевшая кивает головой. Вопрос следователя: пили, да? Ответ потерпевшей: да.</p>
<p>Вопрос следователя: а что еще дедушка делал?</p>	<p>Вопрос следователя: а что еще дедушка делал?</p>
<p>Ответ потерпевшей: по письке трогал руками.</p>	<p><u>Ответ потерпевшей: не знаю.</u> <u>Законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину, потерпевшая поворачивает лицо к законному представителю. Законный представитель совершает мимические жесты.</u> <u>Ответ потерпевшей (шепотная речь): Я не знаю.</u> <u>Законный представитель жестом правой руки несколько раз указывает в направлении своего паха. Потерпевшая переводит взгляд, пристально смотрит на руку законного представителя, совершающую указанные жесты.</u> <u>Ответ потерпевшей (смотрит в направлении лица следователя): Я не знаю больше.</u> <u>Законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину.</u> <u>Законный представитель (держая левой</u></p>

Протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 110–115)	Видеофонограмма «MVI_1263.MP4»
	<p><u>рукой потерпевшую за рукав куртки):</u> <u>Скажи.</u> <u>Вопрос психолога: подходил дедушка к тебе?</u> <u>Ответ потерпевшей: кивает.</u> <u>Вопрос следователя: а что дедушка делал, когда подходил?</u> Ответ потерпевшей: <u>он</u> по письке трогал... <u>(через длительную паузу)</u> руками. <u>Реплика следователя: руками.</u></p>
Вопрос следователя: больше ничего дедушка не делал?	Вопрос следователя: больше ничего дедушка не делал?
<u>Ответ потерпевшей: нет.</u>	<u>Ответ потерпевшей: отрицательно мотает головой.</u>
Вопрос следователя: а что еще <u>ты</u> можешь рассказать?	Вопрос следователя: а что еще можешь <u>нам</u> рассказать?
Ответ потерпевшей: не знаю.	Ответ потерпевшей: <i>(пожав плечами)</i> не знаю.

Таблица 2. Результаты сопоставления речевого содержания видеофонограммы «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi» с текстом протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 116–122).

Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 116–122)	Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»
Вопрос следователя: Расскажешь нам, что с тобой произошло?	Вопрос следователя: Расскажешь нам, что с тобой произошло?
Ответ потерпевшей: Со мной было с папой.	<p><u>Реплика потерпевшей (кричит, обращаясь к психологу, с которой непрерывно играла на протяжении разьяснения участникам следственного действия прав и обязанностей): кукла!</u> <u>Реплика психолога: Кукла! Ой, смотри-ка, давай...</u> <u>Реплика потерпевшей (кричит, обращаясь к психологу): Это котенок!</u> <u>Реплика психолога: давай куколке расскажем. Это не котенок, это — обезьянка! Давай куколке расскажем.</u> <u>Вопрос следователя: Что с тобой произошло?</u> <u>Реплика психолога: Смотри: чтобы куколке так вот не было, да? как с тобой случилось, расскажи-ка куколке, что с тобой произошло.</u> <u>Ответ потерпевшей: Со мной?</u> <u>Реплика психолога: Да-а-а.</u></p>

<p>Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 116–122)</p>	<p>Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»</p>
	<p>Ответ потерпевшей: Со мной было... с папой. <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/возмущения): С папой?! Да?</u> <u>Ответ потерпевшей: Угу, да.</u></p>
<p>Вопрос психолога: Ты выбегала и пряталась под стол, ты про кого не хотела рассказывать? Про кого ты не хотела рассказывать?</p>	<p>Вопрос психолога: <u>Вот. А ты хоте... А ты вот... тогда пугалась,</u> убежала под стол... <u>(переходит на шепотную речь)</u> Ты про кого не хотела рассказывать? <u>(Потерпевшая накрывается одеялом.)</u> <u>Вопрос психолога: Давай, вот. Расскажи-ка под одеяльцем. Давай! Вот смотри, вот тут у тебя...</u> <u>Реплика потерпевшей: Да?</u> <u>Вопрос психолога: Да.</u> Про кого ты там не хотела рассказывать?</p>
<p>Ответ потерпевшей: Про папу.</p>	<p>Ответ потерпевшей: Про папу.</p>
<p>Вопрос психолога: Про папу?</p>	<p>Вопрос психолога <u>(с интонацией удивления/возмущения):</u> Про папу?!</p>
<p>Ответ потерпевшей: Нет, <u>не про папу.</u></p>	<p>Ответ потерпевшей: Нет. <u>Реплика психолога: Нет, не про папу. А про кого тогда?</u> <u>Ответ потерпевшей: За папу.</u> <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/возмущения): За папу?!</u> <u>Ответ потерпевшей: Нет.</u> <u>Вопрос психолога: А про кого?</u> <u>Ответ потерпевшей: Я за папу рассказывала.</u> <u>Реплика психолога: Ты, ты, ты...</u> <u>Ответ потерпевшей: Да, за папу.</u> <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/возмущения): За папу?!</u> <u>Ответ потерпевшей: Да.</u></p>
<p>Вопрос психолога: Когда пряталась, ты про кого не хотела рассказывать?</p>	<p>Реплика психолога: <u>Угу...</u> Ты когда пряталась, ты про кого не хотела рассказывать?</p>
<p>Ответ потерпевшей: Ни за кого.</p>	<p>Ответ потерпевшей: Ни за кого. <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/недоверия): Ни за кого?</u> <u>Ответ потерпевшей: Нет.</u></p>
<p>Вопрос психолога: Смотри-ка у тебя куколка?</p>	<p>Вопрос психолога: Слушай, смотри-ка, а у тебя куколка, да?</p>
<p>Ответ потерпевшей: Да.</p>	<p>Ответ потерпевшей: Да.</p>
<p>Вопрос психолога: А как зовут твою куколку?</p>	<p>Вопрос психолога: А как зовут твою куколку?</p>

Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 116–122)	Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»
Ответ потерпевшей: Милана.	Ответ потерпевшей: Милана.
Вопрос психолога: А расскажем куколке, куда в гости ходить не надо?	Вопрос психолога: <u>Милана твою куклу?! Вот это имя, какое хорошее! Угу.</u> А давай куколке расскажем, куда в гости ходить не надо.
Ответ потерпевшей: Да.	Ответ потерпевшей: Да.
Вопрос психолога: Куда не надо <u>в гости ходить?</u>	Вопрос психолога: Куда не надо?..
Ответ потерпевшей: В гости не надо ходить.	Ответ потерпевшей: В гости не надо ходить.
Вопрос следователя: К кому не надо в гости ходить?	Вопрос следователя: К кому не надо в гости ходить?
Ответ потерпевшей: К бабушке.	Ответ потерпевшей: К бабушке.
Вопрос следователя: Почему не надо в гости к бабушке ходить?	Вопрос следователя: А почему не надо в гости к бабушке?
Ответ потерпевшей: Не надо.	Ответ потерпевшей: Не надо.
Вопрос <u>следователя</u> : Почему не надо в гости к бабушке?	Вопрос <u>психолога</u> : А почему не надо?
Вопрос психолога: Бабушка какой? хороший или плохой?	Вопрос психолога: Бабушка какой: хороший или плохой?
Ответ потерпевшей: Плохой.	Ответ потерпевшей: <u>Хоро...</u> Плохой! <u>Реплика психолога (с радостной интонацией): Плохой!</u>
Вопрос следователя: А что бабушка такого делает, что он плохой?	Вопрос следователя: А что бабушка такого делает, что он плохой?
Ответ потерпевшей: Он по письке трогал.	Ответ потерпевшей: Он по письке трогал. <u>Вопрос психолога: Он по письке трогал, да?</u> <u>Ответ потерпевшей: Да.</u> <u>Реплика психолога: Иди сюда, иди сюда. Давай тебя спрячем. Спрячем тебя. Иди сюда, иди сюда.</u> <u>Реплика потерпевшей: Я хочу...</u> <u>Реплика психолога: Вот, смотри, вот сюда тебя спрячем. Иди скорее, прячься. Всё! Ага.</u>
Вопрос следователя: А бабушка при этом тебе что-то говорил?	Вопрос следователя: А бабушка при этом тебе что-то говорил?
<u>Ответ потерпевшей: Неразборчиво.</u>	<u>Ответ потерпевшей: Нет.</u>
<u>Вопрос психолога: Можешь показать на игрушках, где бабушка тебя трогал?</u>	<u>Реплика психолога: А давай, смотри, давай мы покажем Милане твоей, да?</u>
Ответ потерпевшей: Да.	Ответ потерпевшей: Да.
Несоввершеннолетней потерпевшей В. предлагается при помощи мягкой игрушки «обезьяна» и куклы, продемонстрировать каким	<u>Вопрос психолога: Давай это бабушкина рука будет. Где бабушка трогал, покажи.</u> (Психолог берет в руки обезьяну и предла-

Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 116–122)	Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»
<p>именно образом дедушка ее трогал. Несовершеннолетняя потерпевшая В. берет в свою руку лапу мягкой игрушки обезьяна, после чего лапой игрушки гладит куклу между ног.</p>	<p>гает девочке показать на обезьяне, где ее трогал дедушка. У девочки в руках кукла Милана, и рукой куклы, как будто это рука дедушки, девочка показывает, где ее трогал дедушка.) <u>Вопрос психолога: Вот там трогал?</u> <u>Ответ потерпевшей: Да.</u> <u>Вопрос психолога: Ага, а еще где трогал?</u> <u>Ответ потерпевшей: Еще не знаю.</u> <u>Вопрос психолога: Вот там. А это где? Это как это называется?</u> <u>Ответ потерпевшей: По... пискка.</u> <u>Реплика психолога: По пискке трогал.</u></p>
<p>Вопрос следователя: А откуда ты знаешь, что она так называется?</p>	<p>Вопрос следователя: А откуда ты знаешь, что она так называется?</p>
<p>Ответ потерпевшей: Ну не знаю.</p>	<p>Ответ потерпевшей: Ну не знаю. <u>Вопрос следователя: Не знаешь?</u> <u>Ответ потерпевшей: Нет.</u> <u>Вопрос психолога: Это ты так называешь?</u> <u>Ответ потерпевшей: Да.</u> <u>Реплика психолога: Ага, ну все тогда, понятно.</u> <u>Ответ потерпевшей: Все, пойдем играть.</u> <u>Реплика психолога: Пойдем играть, конечно.</u></p>

Таблица 3. Результаты сопоставления речевого содержания видеофонограммы «MVI_1264.MP4» с текстом протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 89–94).

Протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 89–94)	Видеофонограмма «MVI_1264.MP4.avi»
<p>Вопрос следователя: <u>У</u>, расскажи, пожалуйста, <u>что произошло?</u></p>	<p><u>До допроса следователь разъясняет потерпевшей, что нужно сказать правду и спрашивает: «Хорошо?»</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u> Вопрос следователя: <u>Ну</u>, расскажи, пожалуйста...</p>
<p>Ответ потерпевшей: <u>он</u> трогал меня за ноги и живот.</p>	<p>Ответ потерпевшей: <u>Папа</u> трогал за ноги и за живот.</p>
<p>Вопрос следователя: кто трогал за ноги и живот?</p>	<p><u>Вопрос следователя: Кто трогал?</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u> <u>Слышен шум, вероятно, скрип открываемой двери, неразборчивая речь. Потерпевшая поворачивается, вероятно, в направлении звука. Психолог посмотрев в</u></p>

Протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 89–94)	Видеофонограмма «MVI_1264.MP4.avi»
	<p><u>направлении следователя, покидает свое место, удаляется в том же направлении, в котором ранее посмотрела потерпевшая, возможно, выходит из помещения. Потерпевшая тянется к матери, вступает с ней в телесный контакт.</u></p> <p>Вопрос следователя: А кто трогал за ноги и живот?</p> <p><u>Психолог возвращается на свое место.</u></p>
<p>Ответ потерпевшей: дедушка.</p>	<p><u>Ответ потерпевшей: дедушка.</u></p> <p><u>Реплика следователя: Дедушка. Можешь говорить немножечко погромче, чтоб?..</u></p> <p>Ответ потерпевшей: дедушка.</p> <p><u>Законный представитель кивает головой.</u></p>
<p>Вопрос следователя: а он тебя где трогал? У себя дома? Он тебя домой приглашал?</p>	<p>Вопрос следователя: Дедушка? А он тебя где трогал?</p> <p><u>Ответ потерпевшей: У себя дома.</u></p> <p>Вопрос следователя: У себя дома?</p> <p><u>Ответ потерпевшей: да.</u></p> <p>Вопрос следователя: Он тебя домой приглашал?</p> <p><u>Ответ потерпевшей: (кивает головой).</u></p> <p><u>Законный представитель потерпевшей кивает головой.</u></p>
<p>Вопрос следователя: А с кем ты в гостях у дедушки была? <u>Что дедушка делал?</u> <u>Ответ потерпевшей: с УУУ.</u></p>	<p>Вопрос следователя: А с кем ты в гостях у дедушки была?</p> <p><u>Ответ потерпевшей: сначала УУУ, потом я.</u></p> <p><u>Законный представитель потерпевшей кивает головой.</u></p> <p><u>Вопрос следователя: Повтори, пожалуйста.</u></p> <p><u>Ответ потерпевшей: сначала УУУ, потом я.</u></p>
<p>Вопрос педагога-психолога: А УУУ это кто?</p>	<p><u>Вопрос следователя: Сначала УУУ?</u></p> <p><u>Реплика законного представителя: Угу (кивает головой). Она так называет В.</u></p> <p><u>Вопрос следователя: УУУ — ты кого так называешь?</u></p> <p>Вопрос психолога: УУУ — это кто, У.? У.!</p> <p><u>Реплика законного представителя: Тебе она кто сейчас?</u></p>
<p>Ответ потерпевшей: <u>это моя</u> сестра.</p>	<p>Ответ потерпевшей: сестра.</p> <p><u>Реплика следователя: Твоя сестра.</u></p>
<p>Вопрос следователя: а еще что делали в гостях у дедушки?</p>	<p>Вопрос следователя: а что еще делали вы в гостях у дедушки?</p>

Протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 89–94)	Видеофонограмма «MVI 1264.MP4.avi»
Ответ потерпевшей: пили чай.	Ответ потерпевшей: чай пили.
Вопрос следователя: когда пили чай дедушка что делал?	Вопрос следователя: <u>Пили чай — и всё?</u> А... И когда чай пили, дедушка что делал?
Ответ потерпевшей: трогал за попу, за ноги и живот.	<u>Потерпевшая через паузу поворачивается в сторону законного представителя, законный представитель поворачивает голову ей навстречу.</u> <u>Реплика законного представителя (шепотная речь): Трогал.</u> <u>Ответ потерпевшей: Трогал.</u> <u>Вопрос следователя: А где трогал?</u> <u>Ответ потерпевшей: за попу, за ноги и живот.</u> <u>Реплика следователя: Говори немножечко погромче.</u> Ответ потерпевшей: за попу, за ноги и живот.
Вопрос следователя: а можешь показать, как он это делал?	Вопрос следователя: <u>За живот?</u> А можешь показать, как он это делал?
<u>Ответ потерпевшей: нет, не хочу.</u>	<u>Ответ потерпевшей: (отрицательно мотает головой).</u>
Вопрос следователя: а почему не хочешь?	<u>Вопрос следователя: Не можешь, да? Не хочешь потому что?</u> <u>Ответ потерпевшей: (кивает головой).</u> Вопрос следователя: а почему не хочешь?
Ответ потерпевшей: потому что.	Ответ потерпевшей: потому что.

Таблица 4. Результаты сопоставления речевого содержания видеофонограммы «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi» с текстом протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 95–102).

Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 95–102)	Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»
Вопрос следователя: У., расскажешь, что с тобой произошло?	Вопрос следователя: У., У., расскажешь, что с тобой произошло?
<u>Ответ потерпевшей: нет.</u>	<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>
Вопрос психолога: почему ты не хочешь рассказывать?	Вопрос психолога: Почему ты не хочешь рассказывать? <u>Ты мне говорила, м, У.? У.? У.! У.!</u>
<u>Ответ потерпевшей: неприятно.</u> Вопрос психолога: почему ты не хочешь рассказывать? <u>Ответ потерпевшей: не хочу</u>	<u>Вопрос следователя: Почему не хочешь рассказывать?</u> Вопрос психолога: Почему ты не хочешь рассказывать? <u>Тебе неприятно, да?</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа)</u> <u>Реплика психолога: Иди сюда, давай посмотрим игрушечки.</u> <u>Вопрос следователя: Ты не хочешь гово-</u>

<p>Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 95–102)</p>	<p>Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»</p>
	<p><u>речь на эту тему?</u></p>
<p>Вопрос психолога: про кого ты не хочешь рассказывать?</p>	<p>Вопрос психолога: А про кого ты не хочешь рассказывать?</p>
<p>Ответ потерпевшей: про дедушку.</p>	<p><u>Ответ потерпевшей: (без ответа)</u> <u>Вопрос психолога: про кого ты не хочешь рассказывать? Ты закрыла глазки? Чтобы тебя не видно было, да? Ты как будто спряталась? Угу.</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа)</u> <u>Психолог прикасается руками к игрушке на столе.</u> <u>Реплика потерпевшей: я всех вижу (слово неразборчиво).</u> <u>Вопрос психолога: Ты всех видишь, да? Слушай, а хочешь, мы тебя в такое в одеяльце закроем, и тебя будет не видно? Вот, можно будет рассказать тогда, хочешь? Смотри, такое одеяльце. Давай? Спрячешься. Спрячешься? Давай.</u> <u>Психолог накидывает на девочку одеяло.</u> <u>Вопрос психолога: про кого ты там не хочешь рассказывать?</u> <p>Ответ потерпевшей: про дедушку.</p> </p>
<p>Вопрос психолога: а что дедушка делал?</p>	<p>Вопрос психолога: <u>про дедушку?</u> А что дедушка делал?</p>
<p>Ответ потерпевшей: бил</p>	<p>Ответ потерпевшей (<i>шепотная речь</i>): Бил.</p>
<p>Вопрос следователя: бил дедушка?</p>	<p><u>Вопрос психолога: Бил дедушка?</u> <p>Вопрос следователя: бил дедушка?</p> </p>
<p>Ответ потерпевшей: да</p>	<p>Ответ потерпевшей: да.</p>
<p>Вопрос следователя: Тебя бил?</p>	<p>Вопрос следователя: Тебя бил?</p>
<p>Ответ потерпевшей: да</p>	<p>Ответ потерпевшей: да.</p>
<p>Вопрос следователя: а как дедушка это делал?</p>	<p>Вопрос следователя: а как дедушка это делал?</p>
<p>Ответ потерпевшей: не помню.</p>	<p>Ответ потерпевшей: не помню.</p>
	<p><u>Вопрос психолога: давай на куколке покажем. Смотри, давай на куколке покажем. Что он делал? Давай, как будто бы обезьяна была дедушка, а это была У.</u> <u>Вопрос следователя: Что дедушка делал, можешь показать?</u> <u>Вопрос психолога: Что дедушка делал? Давай, бери обезьянку. Что дедушка делал?</u> <p><i>Потерпевшая показывает на куклах, как ее бил дедушка.</i></p> </p>

<p>Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 95–102)</p>	<p>Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»</p>
	<p><u>Вопрос психолога: Вот так, да? Это куда он тебя бил? Покажи тихонько, куда он тебя бил. В животик бил?</u></p>
<p>Вопрос психолога: а еще что делал дедушка?</p>	<p>Вопрос психолога: А еще что делал?</p>
<p>Ответ потерпевшей: трогал.</p>	<p>Ответ потерпевшей: трогал.</p>
	<p><u>Вопрос психолога: Трогал? Покажи. Потерпевшая на куклах показывает, как дедушка ее трогал.</u></p>
<p>Вопрос психолога: а еще где трогал?</p>	<p>Вопрос психолога: <u>Вот так. Ага.</u> А еще где трогал? <i>Потерпевшая показывает на куклах, где именно ее трогал дедушка.</i> <u>Вопрос психолога: Вот там? В попе трогал? Да? Угу.</u></p>
<p>Вопрос психолога: Все?</p>	<p>Вопрос психолога: Все?</p>
<p><u>Ответ потерпевшей: (неразборчиво).</u></p>	<p><u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u></p>
<p>Вопрос психолога: а сколько раз он тебя трогал?</p>	<p>Вопрос психолога: а сколько раз он трогал?</p>
<p>Ответ потерпевшей: два.</p>	<p>Ответ потерпевшей: Два.</p>
<p>Вопрос психолога: а еще как трогал покажи?</p>	<p>Вопрос психолога: <u>Два раза трогал.</u> А еще <u>покажи, пожалуйста, где он, возьми ручку,</u> покажи, где трогал. <i>(Потерпевшая показывает на куклах, где именно ее трогал дедушка.)</i> <u>Вопрос психолога: Личико тебе трогал, да?</u> <u>Вопрос следователя: Где еще трогал? Угу. А ты до этого показывала, покажи, где еще трогал. Вот там, между ножек, да, трогал?</u></p>
<p>Вопрос психолога: как ты называешь это место?</p>	<p>Вопрос психолога: Это как ты называешь это место? <u>Я никому не скажу. Как ты называешь? Тут все девочки. У всех такое есть.</u></p>
<p>Без ответа.</p>	<p>Ответ потерпевшей: <i>(без ответа).</i></p>
<p>Вопрос психолога: стесняешься сказать?</p>	<p>Вопрос психолога: Скажи на ушко. Стесняешься? <u>Да? Ну, ладно.</u></p>
<p><u>Ответ потерпевшей: да.</u></p>	<p><u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u></p>
<p>Вопрос следователя: он тебя только там трогал?</p>	<p>Вопрос следователя: Только там трогал?</p>
<p>Ответ потерпевшей: нет ответа, <u>неразборчиво.</u></p>	<p>Ответ потерпевшей: <i>(без ответа).</i> <u>Ответ психолога: еще с другой стороны показывала, еще попу трогал.</u></p>
<p>Вопрос следователя: трусики дедушка тебе</p>	<p><u>Вопрос психолога: Он трогал тебя сверху</u></p>

Протокол дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (т. 1, л. д. 95–102)	Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»
снимал когда трогал?	<u>трусиков или под трусиками?</u> Вопрос следователя: Трусики тебе дедушка снимал, когда трогал?
<u>Ответ потерпевшей: отрицательно мотает головой.</u>	<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>
Вопрос психолога: он тебе ручкой под трусики залезал? <u>Ответ потерпевшей: нет</u> Вопрос следователя: сверху трусиков трогал? <u>Ответ потерпевшей: угу</u>	Вопрос психолога: Туда ручкой залезал, под трусики? Нет? Угу. Вопрос следователя: <u>В трусики?</u> Сверху трусиков? <u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>
<u>Вопрос следователя: а колготки тебе снимал когда трогал?</u> <u>Ответ потерпевшей: нет</u> Вопрос следователя: а колготки на тебе были одеты когда он тебя трогал? <u>Ответ потерпевшей: да</u>	Вопрос следователя: А колготочки на тебе были одеты, когда он тебя там трогал? Да? Угу. <u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>
Вопрос следователя: а дедушка колготочки не снимал? <u>Ответ потерпевшей: нет.</u>	А дедушка колготочки не снимал? <u>По колготочкам гладил?</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>
Вопрос следователя: что-то при этом дедушка говорил?	Вопрос следователя: А что-то при этом дедушка говорил?
<u>Ответ потерпевшей: неразборчивый ответ.</u>	<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>
Вопрос психолога: тебе неприятно было?	Вопрос психолога: Но тебе неприятно, <u>да</u> , было? <u>Плохо?</u>
<u>Ответ потерпевшей: кивает утвердительно.</u>	<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>

2.3. При интерпретации показаний, данные в ходе первичных и дополнительных допросов несовершеннолетними потерпевшими У. и В., подлежат учету и могут быть использованы в случае неоднозначности или иной неопределенности их содержания данные указанными лицами объяснения и показания в ходе иных следственных действий, в том числе при проверке показаний на месте, а также показания свидетелей, сообщающих о событиях, предположительно составляющих фабулу уголовного дела, со слов потерпевших и со слов иных свидетелей, сообщающих об этих событиях со слов потерпевших, с учетом ограничений, описанных в подразделе 1.3 настоящего заключения.

В частности, в объяснении В. (т. 1, л. д. 71) от 7/Х-2020¹ имеются сведения о совместном визите В. и У., состоявшемся в неопределенный момент времени в прошлом, к

¹ Данный документ отсутствует в числе доказательств обвинения, на которые ссылается составитель обвинительного заключения. Документ содержит две разные даты его составления: в нижней части листа указана дата взятия объяснения «07» 10 2020г., в то время как в шапке объяснения дата составления документа выглядит как «08» 10 2020г., причем цифра «8» несет следы вероятного исправления. Оценка этих обстоятельств, в том числе в их соотношении с датой составления «протокола принятия устного заявления о преступлении от 08.10.2020» (т. 1 л.д. 49), выполняющего функцию документа, инициировавшего проверку, в рамках которой получено объяснение В., **выходит за пределы компетенции специалистов.**

некому «дедушке», в ходе которого девочки «пили чай с печеньем, затем смотрели мультики, что было дальше, я не помню», а также информация о том, что указанный визит был единственным для В. Текст указанного объяснения включает в себя множественные словоупотребления, определенно характеризующиеся принадлежностью к официально-деловому стилю («проживаю», «вышеуказанный», «совместно с», «данный» и т. п.). Речь, зафиксированная объяснением, отличается богатством и разнообразием выбора синтаксических средств современного русского языка, таких как использование рядов однородных членов из нескольких перечисляемых элементов с соблюдением правил их согласования, сложноподчиненные (с несколькими разными типами придаточных) и сложносочиненные предложения, бессоюзные сложные предложения, корректное использование множества предлогов в правильных сочетаниях с падежными формами и т. п., что со всей возможной очевидностью не соответствует ни возрасту потерпевшей В., ни навыкам ее устной речи, наблюдаемой на видеофонограммах с записью ее допроса и дополнительного допроса. Описанные свойства текста объяснения В. исключают ту вероятность, что указанный текст является сколь-нибудь близкой к дословному воспроизведению записью ее устной речи.

Сказанное в полной мере по полностью аналогичным основаниям применимо также к тексту объяснения У. (т. 1, л. д. 70).

При интерпретации показаний малолетних потерпевших У. и В. могут быть использованы сведения, содержащиеся в показаниях свидетелей Ю. от 09.10.2020, К. от 08.10.2020, О. Д. от 14.12.2020, Е. Д. от 23.11.2020, К. Д. от 08.10.2020, психолога К. от 09.10.2020, психолога П. от 13.10.2020, иных свидетелей.

2.4. Согласно версии обвинения, изложенной в представленном обвинительном заключении, подсудимый обвиняется в двух эпизодах преступлений, каждый из которых предусмотрен ч. 4 ст. 132 УК РФ, а именно:

- «В один из дней в период времени с 01.07.2020 по 07.10.2020 подсудимый Т., 1944 г.р., находясь в своей квартире по адресу..., с целью удовлетворения своих сексуальных потребностей, достоверно зная о малолетнем возрасте У., 2015 года рождения, не достигшей двенадцатилетнего возраста, осознавая противоправность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде пробуждения у нее нездорового сексуального интереса и тем самым нарушения ее половой неприкосновенности и нравственного развития, и желая этого, осознавая, что У. в силу малолетнего возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ней действий, а также ввиду малолетнего возраста не может оказывать ему (подсудимому Т.) сопротивление, не применяя насилие, умышленно, совершил в отношении У. иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей, а именно трогал руками половые органы малолетней У.» (с. 2–3 обвинительного заключения);
- «В один из дней в период времени с 01.07.2020 по 07.10.2020 подсудимый Т., 1944 г.р., находясь в своей квартире по адресу..., с целью удовлетворения своих сексуальных потребностей, достоверно зная о малолетнем возрасте В., 2016 года рождения, не достигшей двенадцатилетнего возраста, осознавая противоправность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде пробуждения у нее нездорового сексуального интереса и тем самым нарушения ее половой неприкосновенности и нравственного развития, и желая этого, осознавая, что В. в силу малолет-

него возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ней действий, а также ввиду малолетнего возраста не может оказывать ему (подсудимому Т.) сопротивление, не применяя насилия, умышленно, совершил в отношении В. иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей, а именно трогал руками половые органы малолетней В.» (с. 3 обвинительного заключения).

С учетом изложенного, в качестве наиболее существенных для разрешения данного уголовного дела сведений, содержащихся в показаниях потерпевших, рассматривается информация, относящаяся к таким параметрам описываемых свидетелями событий, которые включены стороной обвинения в приведенные выше описание фабулы дела (существа обвинения), а именно сведения о следующих аспектах событий:

- о времени описываемых потерпевшими событий;
- о месте описываемых потерпевшими событий;
- о субъекте совершения действий, вменяемых в вину подсудимому;
- о факте совершения указанным субъектом прикосновений к половым органам потерпевших;
- о способе совершения указанным субъектом прикосновений к половым органам потерпевших.

2.5. В числе доказательств, на которые ссылается сторона обвинения в представленном обвинительном заключении, имеется «DVD-R диск с записанными на нем тремя видеозаписями показаний гражданина Т., а именно 3 файла: IMG_0536.MP4 объемом 12126 КБ, IMG_0537.MP4 объемом 16798 КБ, IMG_0541.MP4 объемом 3647 КБ».

Содержание указанных файлов описано в протоколе осмотра предметов от 17/Х-2020 (т. 3, л. д. 35–41) с составлением стенограмм их речевого содержания. Обращение к тексту этих стенограмм показывает, что записи в файлах имеют совокупную продолжительность менее 5 минут, не являются непосредственным продолжением друг друга, тем самым являются разрозненными фрагментами разговора или различных разговоров, об общей продолжительности которого или которых сведений, достаточных для выдвижения каких-либо гипотез, не имеется. Информации о периоде времени, к которому относятся события, составляющие предмет рассказа подсудимого, указанные видеофонограммы не содержат. Не представляется возможным определить, идет ли во всех трех фрагментах речь об одних и тех же событиях и об одних и тех же лицах.

Содержание разговоров не дает достаточных оснований полагать, что о действиях сексуального характера, о которых говорит подсудимый, он рассказывает как о действиях, совершенных им в отношении лица по имени У., упоминаемого в речевом содержании одного из фрагментов, а не в отношении иного лица, именуемого К. Д. (последняя интерпретация является более вероятной). Помимо упоминания имени У. иных сведений, индивидуализирующих потерпевших, в речевом содержании указанных видеофонограмм не имеется.

Как указано в подразделе 1.3 настоящего заключения, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Указанное положение подлежит обязательному применению также при производстве комплексного психолого-лингвистического экспертного исследования.

С учетом изложенного, данные видеофонограммы не могут рассматриваться в качестве источника сколь-нибудь надежных сведений, которые были бы потенциально релевантными для разрешения поставленных перед специалистами вопросов.

3. Анализ содержания видеофонограмм

В настоящем разделе заключения описан ход и результаты анализа диалогов и отдельных высказываний, составляющих речевое содержание описанных в подразделе 2.2 настоящего заключения видеофонограмм с записью допроса и дополнительного допроса несовершеннолетних потерпевших (в дальнейшем также *спорные видеофонограммы, исследуемые видеофонограммы*), проведенного специалистами методами структурно-тематического, лексико-семантического, семантико-синтаксического, интерпретационного, мотивационно-целевого и психологического анализа представленных материалов, интерпретационного и феноменологического анализа зафиксированных в видеофонограммах эпизодов речевой деятельности.

Анализ речевого содержания видеофонограмм проводился с учетом данных видеоряда, известных специалистам обстоятельств дела и в сопоставлении с информацией, содержащейся в иных материалах дела, допускающей применение при интерпретации содержания высказываний и элементов неречевого поведения участников допросов и дополнительных допросов, с учетом ограничений, описанных в подразделах 1.3 и 2.3 настоящего заключения.

3.1. Лингвистический анализ

При лингвистическом исследовании методами структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа исследовались речевые действия (высказывания, составляющие речевое содержание спорных видеофонограмм), устанавливалось их точное смысловое содержание, определялись присущие высказываниям участников допросов и дополнительных допросов коммуникативные намерения.

3.1.1. Ключевые суждения специалиста-лингвиста, отражающие ход и промежуточные выводы по результатам структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа речевого содержания спорной видеофонограммы в файле «MVI_1263.MP4», содержащей видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 8/X-2020, представлены в таблице 5.

В таблице 5 преимущественно сохранено разделение реплик участников диалога на структурные блоки, введенное в таблице 1 (каждый структурный блок представлен отдельной строкой таблицы).

Таблица 5. Лингвистический анализ речевого содержания видеофонограммы в файле «MVI_1263.MP4».

Речевое содержание видеофонограммы «MVI_1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
<p><u>Вопрос следователя: В., расскажи, пожалуйста...</u> <u>Реплика потерпевшей: Недолго?</u> Реплика следователя: Расскажи, пожалуйста, у кого в гостях ты была?</p>	<p>По завершении формальной части допроса следователь приступает к выяснению фактических обстоятельств, связанных с событиями, участником которых было допрашиваемое лицо.</p> <p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение запроса информации о субъекте совершения действий, вменяемых в вину подсудимому.</p> <p>Вопрос содержит пресуппозитивные све-</p>

Речевое содержание видеофонограммы «MVI 1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>дения о том, что потерпевшая в связи с обстоятельствами, составляющими предмет допроса, была у кого-то в гостях. Вопрос не вызывает непонимания или недопонимания адресата, что свидетельствует о том, что данная пресуппозиция ею разделяется. В предыдущем содержании допроса информации о факте нанесения потерпевшей визитов кому-либо не имеется, однако такая информация имеется в объяснении В. (т. 1, л. д. 71; см. также подраздел 2.3 настоящего заключения).</p> <p>Встречный вопрос потерпевшей, перебивающей следователя, демонстрирует нетерпение, желание поскорее завершить не интересный потерпевшей диалог. Вероятно, в ходе подготовки потерпевшей к данному следственному действию ей было обещано кем-то из участвующих лиц, что много времени допрос не займет, и она напоминает об этом обещании.</p> <p>Встречный вопрос потерпевшей оставлен следователем без внимания, инициированная им тема не имеет продолжения в дальнейшей структуре диалоговой коммуникации.</p>
<p>Ответ потерпевшей: У дедушки. <u>Законный представитель кивает головой.</u></p>	<p>Прямой ответ на вопрос допрашивающего лица. Коммуникативное намерение — информирование собеседника в соответствии с его запросом. Потерпевшая сообщает, что была в гостях «у дедушки».</p> <p>Жест матери — законного представителя несовершеннолетней потерпевшей — не может интерпретироваться как направленный на подтверждение истинности данного сообщения, поскольку из содержания представленных материалов уголовного дела со всей определенностью вытекает, что мать не является свидетелем, непосредственно воспринимавшим события, о которых идет речь; об обстоятельствах визита потерпевшей к «дедушке» ей известно лишь со слов самой потерпевшей, о чем известно всем участникам следственного действия.</p> <p>Таким образом, жест матери однозначно интерпретируется как выражающий поло-</p>

Речевое содержание видеофонограммы «MVI_1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>жительное отношение к речевому поведению потерпевшей, сообщившей определенную информацию следователю, одобрение поступка допрашиваемого лица как правильного с точки зрения законного представителя.</p>
<p>Вопрос следователя: а что вы у бабушки в гостях делали?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому.</p>
<p>Ответ потерпевшей: я смотрела мультики. <u>Реплика законного представителя: Погромче говори.</u> <u>Ответ потерпевшей: я смотрела мультики.</u></p>	<p>Прямой ответ на вопрос допрашивающего лица. Коммуникативное намерение — информирование собеседника в соответствии с его запросом. Потерпевшая сообщает, что в гостях «у бабушки» «смотрела мультики».</p> <p>Информация, сообщаемая в данной реплике потерпевшей, формально полностью соответствует содержанию вопроса следователя, однако не содержит сведений о каком-либо аспекте описываемых потерпевшей событий, которые являются существенными для разрешения данного уголовного дела в пользу позиции обвинения.</p>
<p>Вопрос следователя: а что еще?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение дополнительного запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому.</p>
<p>Ответ потерпевшей: чай пила. <u>Реплика следователя: чай пила?</u> <u>Потерпевшая кивает головой.</u></p>	<p>Прямой ответ на вопрос допрашивающего лица. Коммуникативное намерение — информирование собеседника в соответствии с его запросом. Потерпевшая сообщает, что в гостях «у бабушки» «чай пила».</p> <p>Информация, сообщаемая в данной реплике потерпевшей, формально полностью соответствует содержанию вопроса следователя, однако не содержит сведений о каком-либо аспекте описываемых потерпевшей событий, которые являются существенными для разрешения данного уго-</p>

Речевое содержание видеофонограммы «MVI 1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>ловного дела в пользу позиции обвинения. Затем следователь запрашивает подтверждение полученной от потерпевшей информации, повторяя с вопросительной интонацией ответ допрашиваемого лица, и получает такое подтверждение.</p>
<p>Вопрос следователя: а с кем ты в гостях у дедушки была? <u>Ответ потерпевшей: это дедушка (смотрит на экран телефона, который держит в руках).</u> <u>Вопрос законного представителя потерпевшей: С кем ты была? Ты одна была?</u> <u>Ответ потерпевшей: да</u> <u>Реплика следователя (шепотная речь): (Фонетическое слово неразборчиво) [вопрос/вопросы/вопросов].</u> <u>Законный представитель потерпевшей (держая левой рукой потерпевшую за рукав куртки и указывая правой рукой в сторону устройства видеофиксации): На камеру смотри.</u> <u>Потерпевшая поворачивает лицо в сторону устройства видеофиксации.</u> Вопрос следователя: А что дедушка делал?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение дополнительного запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому.</p> <p>Потерпевшая не дает ответа на поставленный перед ней вопрос, вероятно, не поняв его смысла и пытаясь угадать, что допрашивающее лицо имело в виду, подменяет его иным вопросом, смысл которого приблизительно соответствует формулировке «Кто еще, кроме тебя, находился в квартире?».</p> <p>В ход допроса вмешивается законный представитель (мать) потерпевшей, которая побуждает ее сообщить сведения о том, с кем она была «в гостях у дедушки». Поскольку сведения о том, что визит допрашиваемого лица в квартиру подсудимого был совместным с У., известны матери, в частности, эти сведения содержатся в объяснении В., составленном в присутствии ее законного представителя (т. 1, л. д. 71; см. также подраздел 2.3 настоящего заключения), данный вопрос не является запросом информации, которая не является известной говорящему, и относится тем самым к категории наводящих вопросов, побуждающих собеседника к сообщению сведений, известных спрашивающему.</p> <p>Потерпевшая дает прямой ответ на вопрос матери. Коммуникативное намерение — информирование собеседника в соответствии с его запросом.</p> <p>В шепотной реплике следователя, вероятно, содержится замечание законному представителю, вмешавшейся в ход допроса и нарушившей монополию допра-</p>

Речевое содержание видеофонограммы «MVI_1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>шивающего лица на формулирование вопросов.</p> <p>Затем мать побуждает потерпевшую смотреть в камеру, осуществляющую видеофиксацию допроса. Данному высказыванию присуще коммуникативное намерение побудить потерпевшую к изменению поведения в части, которая, как полагает законный представитель потерпевшей, относится к порядку проведения следственного действия.</p> <p>Затем следователь задает новый вопрос (о действиях подсудимого в рамках описываемых потерпевшей событий), которому присуще коммуникативное намерение запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому.</p>
<p><u>Потерпевшая пожимает плечами.</u></p> <p><u>Ответ потерпевшей: чай.</u></p> <p><u>Вопрос следователя: А что чай?</u></p> <p><u>Ответ потерпевшей: это чай, ну, с сахаром.</u></p> <p><u>Вопрос следователя: Чай с сахаром?</u></p> <p><u>Потерпевшая кивает головой.</u></p> <p><u>Вопрос следователя: пили, да?</u></p> <p><u>Ответ потерпевшей: да.</u></p>	<p>Потерпевшая дает прямой ответ на вопрос допрашивающего лица. Коммуникативное намерение — информирование собеседника в соответствии с его запросом.</p> <p>Следователь задает дополнительные вопросы, направленные на уточнение содержания ответа потерпевшей. Потерпевшая отвечает на них.</p> <p>В итоге потерпевшая сообщает, что они с «дедушкой» вместе «чай пили».</p> <p>Информация, сообщаемая в данной реплике потерпевшей, формально полностью соответствует содержанию вопроса следователя о действиях подсудимого, однако не содержит сведений о каком-либо аспекте описываемых потерпевшей событий, которые являются существенными для разрешения данного уголовного дела в пользу позиции обвинения.</p>
<p>Вопрос следователя: а что еще дедушка делал?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение дополнительного запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому (следователь запрашивает иную информацию о действиях подсудимого, отличную от све-</p>

Речевое содержание видеофонограммы «MVI 1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
<p><u>Ответ потерпевшей: не знаю.</u> <u>Законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину, потерпевшая поворачивает лицо к законному представителю. Законный представитель совершает мимические жесты.</u> <u>Ответ потерпевшей (шепотная речь): Я не знаю.</u> <u>Законный представитель жестом правой руки несколько раз указывает в направлении своего паха. Потерпевшая переводит взгляд, пристально смотрит на руку законного представителя, совершающую указанные жесты.</u> <u>Ответ потерпевшей (смотрит в направлении лица следователя): Я не знаю больше.</u> <u>Законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину.</u> <u>Законный представитель (держая левой рукой потерпевшую за рукав куртки): Скажи.</u> <u>Вопрос психолога: подходил дедушка к тебе?</u> <u>Ответ потерпевшей: кивает.</u> <u>Вопрос следователя: а что дедушка делал, когда подходил?</u> <u>Ответ потерпевшей: он по письке трогал... (через длительную паузу) руками.</u> <u>Реплика следователя: руками.</u></p>	<p>дений, сообщенных потерпевшей).</p> <p>Потерпевшая дважды («Не знаю», «Я не знаю») отказывает в предоставлении запрошенной следователем информации, ссылаясь на то, что она ею не располагает: потерпевшая ранее сообщила, что «дедушка» в ходе событий, о которых она рассказывает, пил чай, и утверждает, что не располагает иными сведениями о его действиях.</p> <p>В ход допроса вновь вмешивается мать потерпевшей — ее законный представитель. Поведение матери однозначно интерпретируется как подсказка потерпевшей «правильного» ответа на сделанный следователем запрос информации о действиях подсудимого, отличных от распития с потерпевшей чая. Коммуникативное намерение, присущее наблюдаемым в данном коммуникативном блоке элементам невербальной коммуникации, применяемым матерью, — побуждение к сообщению потерпевшей следствию «правильной» (с точки зрения матери) информации о прикосновениях подсудимого к половым органам потерпевшей.</p> <p>Однако потерпевшая вновь, в третий раз отказывает в предоставлении запрошенной следователем информации, ссылаясь на то, что она ею не располагает («Я не знаю больше»).</p> <p>Мать потерпевшей настаивает на необходимости сообщить следствию «правильную» (с точки зрения матери) информацию о прикосновениях подсудимого к половым органам потерпевшей, переходя к вербальному способу прямого императивного побуждения («Скажи»), а с учетом сопутствующего прямого физического воздействия на потерпевшую — к ее побуждению выполнить требование матери. Используется шепотная речь, с высокой вероятностью преследующая конспиративные цели.</p> <p>Реплика матери «Скажи» без уточнений, о каких именно действиях «дедушки» допрашиваемое лицо должно сообщить,</p>

Речевое содержание видеофонограммы «MVI 1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>предполагает, что потерпевшей известно, что именно она должна сказать. Информация, которую требуется сообщить, известна как матери, так и потерпевшей, причем матери точно известно, что потерпевшая знает, о каких именно действиях подсудимого ее побуждают сообщить. Соответственно, данная реплика содержит пресуппозитивные сведения о том, что в ходе подготовки к допросу потерпевшая с матерью обсуждали необходимость сообщения именно сведений о прикосновениях «дедушки» к половым органам потерпевшей.</p> <p>В ход допроса вмешивается психолог, задавая иной, менее конкретный вопрос о действиях подсудимого: «Подходил дедушка к тебе?». Представить себе, что на всем протяжении общения потерпевшей с «дедушкой», в ходе которого они пили чай и смотрели мультфильмы, ни разу не возникло ситуации, при которой «дедушка» приближался к потерпевшей, затруднительно. Следовательно, данный вопрос характеризуется коммуникативным намерением, отличным от запроса информации, которой говорящий не располагает, является вопросом с заранее известным говорящему ответом и относится к категории наводящих.</p> <p>Следует утвердительный ответ потерпевшей на формально заданный ей вопрос. Следователь вновь (в четвертый раз) запрашивает информацию о содержании действий подсудимого, от представления которой потерпевшая трижды отказалась, уточняя вопрос и связывая его с только что сообщенной потерпевшей информацией о том, что «дедушка» к ней подходил: «А что дедушка делал, когда подходил?»</p> <p>Наконец, на этот вопрос потерпевшая дает «правильный» ответ, на котором настаивала ее мать и о котором они с матерью с высокой вероятностью заранее договорились, информируя следователя о том, что «дедушка» прикасался к</p>

Речевое содержание видеофонограммы «MVI_1263.MP4»	Суждения специалиста-лингвиста
Вопрос следователя: больше ничего дедушка не делал?	<p>половым органам потерпевшей.</p> <p>Данный вопрос существенно отличен по форме от ранее заданных следователем вопросов, является вопросом закрытым и представляет собой готовый ответ, истинность которого надо лишь подтвердить и в соответствии с которым «дедушка» в ходе общения с потерпевшей не совершил никаких действий, кроме распития чая, просмотра мультфильмов, а также приближения к потерпевшей и прикосновений к ее половым органам: не выключал по завершения просмотра мультфильмов телевизор, не открывал никаких дверей, ни о чем не говорил и т. д. и т. п.</p> <p>Подлинная коммуникативная цель данного вопроса состоит в завершении диалога с приданием допросу законченного и успешного вида (допрашиваемое лицо полностью удовлетворило информационный запрос следователя, сообщив обо всех действиях «дедушки» исчерпывающую информацию).</p>
<u>Ответ потерпевшей: отрицательно мотает головой.</u>	<p>Потерпевшая дает ожидаемое от нее подтверждение правильности предположения следователя о том, что «дедушка» в ходе общения с потерпевшей не совершил никаких действий, кроме распития чая, просмотра мультфильмов, а также приближения к потерпевшей и прикосновений к ее половым органам: не выключал по завершения просмотра мультфильмов телевизор, не открывал никаких дверей, ни о чем не говорил и т. д. и т. п.</p>
Вопрос следователя: а что еще можешь нам рассказать?	<p>Следователь предлагает потерпевшей дополнить данные в ходе допроса показания свободным рассказом, не предлагая каких-либо конкретных тем для него.</p>
Ответ потерпевшей: <i>(пожав плечами)</i> не знаю.	<p>Потерпевшая (вполне ожидаемо) отказывается от описанного предложения следователя.</p>

3.1.2. Ключевые суждения специалиста-лингвиста, отражающие ход и промежуточные выводы по результатам структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа речевого содержания спорной видеофонограммы в файле «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi», содержащей видеозапись дополни-

тельного допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 13/Х-2020, представлены в таблице 6.

В таблице 6 преимущественно сохранено разделение реплик участников диалога на структурные блоки, введенное в таблице 2 (каждый структурный блок представлен отдельной строкой таблицы).

Таблица 6. Лингвистический анализ речевого содержания видеофонограммы в файле «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi».

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<p>Вопрос следователя: Расскажешь нам, что с тобой произошло?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому. Следователь побуждает допрашиваемое лицо сообщить эту информацию в форме свободного рассказа.</p>
<p><u>Реплика потерпевшей (кричит, обращаясь к психологу, с которой непрерывно играла на протяжении разъяснения участникам следственного действия прав и обязанностей): кукла!</u> <u>Реплика психолога: Кукла! Ой, смотри-ка, давай...</u> <u>Реплика потерпевшей (кричит, обращаясь к психологу): Это котенок!</u> <u>Реплика психолога: давай куклке расскажем. Это не котенок, это — обезьянка! Давай куклке расскажем.</u> <u>Вопрос следователя: Что с тобой произошло?</u> <u>Реплика психолога: Смотри: чтобы куклке так вот не было, да? как с тобой случилось, расскажи-ка куклке, что с тобой произошло.</u> <u>Ответ потерпевшей: Со мной?</u> <u>Реплика психолога: Да-а-а.</u> Ответ потерпевшей: Со мной было... с папой. <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/возмущения): С папой?! Да?</u> <u>Ответ потерпевшей: Угу, да.</u></p>	<p>Потерпевшая в момент времени, когда следователь обращается к ней с запросом информации, отвлечена игрой с психологом, полностью вовлечена в нее, обсуждая проблему зоологической видовой квалификации животного, послужившего моделью для изготовления игрушки, предложенной потерпевшей психологом, и не реагирует на вопрос следователя. Следователь повторяет сделанный ранее запрос информации, однако потерпевшая вновь на него не реагирует. Психолог дублирует запрос, сделанный следователем, побуждая потерпевшую изложить информацию о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому, в форме свободного рассказа, адресованного кукле. Потерпевшая дает на запрос информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому, ответ о том, что к указанным событиям причастен ее отец («Со мной было... с папой»). Полученная информация вызывает со стороны психолога демонстрацию удивления и (или) возмущения. Реплика «С папой?! Да?» имеет вопросительную форму, причем вопрос риторическим не является и требует ответа. Запрашиваемая информация представляет</p>

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>собой подтверждение полученных от потерпевшей сведений об участии ее отца в событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому. Тем самым данный вопрос является повторным вопросом, на который ранее был дан исчерпывающий ответ. Как показано в подразделе 1.3 настоящего заключения, подобная конструкция вопроса свидетельствует о том, что содержание ранее данного ответа психолога не устраивает, что является косвенным побуждением, адресованным потерпевшей, к изменению ранее данных показаний. Вопрос относится к категории наводящих, содержит пресуппозитивную информацию о том, что данный потерпевшей ответ не является правильным.</p> <p>Потерпевшая настаивает на своем ответе («Угу, да»).</p>
<p>Вопрос психолога: <u>Вот. А ты хоте... А ты вот... тогда пугалась</u>, убегала под стол... <u>(переходит на шепотную речь)</u> Ты про кого не хотела рассказывать? <u>(Потерпевшая накрывается одеялом.)</u> <u>Вопрос психолога: Давай, вот. Расскажи-ка под одеяльцем. Давай! Вот смотри, вот тут у тебя...</u> <u>Реплика потерпевшей: Да?</u> <u>Вопрос психолога: Да.</u> Про кого ты там не хотела рассказывать?</p>	<p>Психолог апеллирует к опыту своего общения с потерпевшей, в ходе которого та «пугалась, убегала под стол», и дважды запрашивает сведения о некоем лице, про которого потерпевшая в ходе общения с психологом не хотела (вероятно, отказывалась) рассказывать (из последующего контекста вытекает, что речь идет о «дедушке»), вероятно, с тем чтобы напомнить о неких обстоятельствах, сведений о которых не имеется, и подвести потерпевшую к «правильному ответу» — к тому, чтобы обозначить вместо папы «дедушку» как участника обсуждаемых событий.</p> <p>Тем самым психолог пытается добиться от потерпевшей заранее известного, совершенно определенного ответа, который рассматривает как «правильный». Подобные вопросы относятся к категории наводящих.</p>
<p>Ответ потерпевшей: Про папу.</p>	<p>Потерпевшая настаивает на своем ответе о том, что к указанным событиям причастен ее отец.</p>
<p>Вопрос психолога <u>(с интонацией удивления/возмущения)</u>: Про папу?!</p>	<p>Полученная информация вновь вызывает со стороны психолога демонстрацию удивления и (или) возмущения. Реплика имеет вопросительную форму, причем вопрос риторическим не является и требует ответа. Полностью аналогично рассмотренному выше повтору данного вопроса, конструкция вопроса</p>

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>свидетельствует о том, что содержание ранее данного ответа психолога не устраивает, что является косвенным побуждением, адресованным потерпевшей, к изменению ранее данных показаний. Вопрос относится к категории наводящих, содержит пресуппозитивную информацию о том, что данный потерпевшей ответ не является правильным.</p>
<p>Ответ потерпевшей: Нет. <u>Реплика психолога: Нет, не про папу. А про кого тогда?</u> <u>Ответ потерпевшей: За папу.</u> <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/возмущения): За папу?!</u> <u>Ответ потерпевшей: Нет.</u> <u>Вопрос психолога: А про кого?</u> <u>Ответ потерпевшей: Я за папу рассказывала.</u> <u>Реплика психолога: Ты, ты, ты...</u> <u>Ответ потерпевшей: Да, за папу.</u> <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/возмущения): За папу?!</u> <u>Ответ потерпевшей: Да.</u></p>	<p>Потерпевшая соглашается с оценкой своего ответа как неправильного, отказывается от него, после чего психолог повторно задает вопрос, на который был дан «неправильный» ответ, продолжая попытки добиться от потерпевшей заранее известного, совершенно определенного ответа, который рассматривает как «правильный».</p> <p>Однако в ответ потерпевшая продолжает настаивать на ранее данном ответе («За папу»).</p> <p>Этот ответ вновь вызывает со стороны психолога демонстрацию удивления и (или) возмущения. Реплика «За папу?!» имеет вопросительную форму, причем вопрос риторическим не является и требует ответа. Полностью аналогично двум рассмотренным выше повторам данного вопроса, конструкция вопроса свидетельствует о том, что содержание ранее данного ответа психолога не устраивает, что является косвенным побуждением, адресованным потерпевшей, к изменению ранее данных показаний. Вопрос относится к категории наводящих, содержит пресуппозитивную информацию о том, что данный потерпевшей ответ не является правильным.</p> <p>Потерпевшая вновь соглашается с оценкой своего ответа психологом как неправильного, отказывается от него («Нет»), после чего психолог в очередной раз задает вопрос («А про кого?»), на который трижды был дан «неправильный» ответ, продолжая попытки добиться от потерпевшей заранее известного, совершенно определенного ответа, который рассматривает как «правильный».</p> <p>Однако в ответ потерпевшая продолжает настаивать на ранее данном ответе («Я за папу рассказывала... Да, за папу»).</p> <p>Этот ответ вновь вызывает со стороны пси-</p>

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>холога демонстрацию удивления и (или) возмущения. Повтор реплики «За папу?!» имеет вопросительную форму, причем вопрос риторическим не является и требует ответа. Полностью аналогично трем рассмотренным выше повторам данного вопроса, конструкция вопроса свидетельствует о том, что содержание ранее данного ответа психолога не устраивает, что является косвенным побуждением, адресованным потерпевшей, к изменению ранее данных показаний. Вопрос относится к категории наводящих, содержит пресуппозитивную информацию о том, что данный потерпевшей ответ не является правильным. Однако в ответ потерпевшая продолжает настаивать на ранее данном ответе («Да»).</p>
<p>Реплика психолога: <u>Угу...</u> Ты когда пряталась, ты про кого не хотела рассказывать?</p>	<p>Психолог повторно апеллирует к опыту своего общения с потерпевшей, в ходе которого та «пряталась», и вновь запрашивает сведения о некоем лице, про которого потерпевшая в ходе общения с психологом не хотела (вероятно, отказывалась) рассказывать (из последующего контекста вытекает, что речь идет о «дедушке»), вероятно, с тем чтобы напомнить о неких обстоятельствах, сведений о которых не имеется, и подвести потерпевшую к «правильному ответу» — к тому, чтобы обозначить вместо папы «дедушку» как участника обсуждаемых событий. Тем самым психолог настойчиво пытается добиться от потерпевшей заранее известного, совершенно определенного ответа, который рассматривает как «правильный». Подобные вопросы относятся к категории наводящих.</p>
<p>Ответ потерпевшей: Ни за кого. <u>Вопрос психолога (с интонацией удивления/недоверия): Ни за кого?</u> <u>Ответ потерпевшей: Нет.</u></p>	<p>Потерпевшая, чей ответ многократно был оценен психологом как «неправильный», отказывается отвечать на очередной повтор вопроса. Этот ответ также вызывает со стороны психолога демонстрацию удивления и (или) возмущения. Реплика «Ни за кого?» имеет вопросительную форму, причем вопрос риторическим не является и требует ответа. Конструкция вопроса свидетельствует о том, что отказ потерпевшей от ответа психолога не устраивает, что является косвенным побужде-</p>

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>нием, адресованным потерпевшей, к изменению ранее данных показаний. Вопрос относится к категории наводящих, содержит пресуппозитивную информацию о том, что данный потерпевшей ответ не является правильным.</p> <p>Однако в ответ потерпевшая настаивает на своем отказе («Нет»).</p>
Вопрос психолога: Слушай, смотри-ка, а у тебя куколка, да?	В данном коммуникативном блоке реплик психолог производит смену темы коммуникации на отвлеченную , инициирует разговор о кукле потерпевшей.
Ответ потерпевшей: Да.	
Вопрос психолога: А как зовут твою куколку?	Затем психолог возвращается к существу допроса, — предлагает потерпевшей рассказать кукле, «куда в гости ходить не надо» ,
Ответ потерпевшей: Милана.	на что потерпевшая сразу соглашается .
Вопрос психолога: <u>Милана твою куклу?! Вот это имя, какое хорошее! Угу.</u> А давай куклке расскажем, куда в гости ходить не надо.	Вопрос содержит пресуппозитивную информацию о существовании некоего запретного для посещений потерпевшей места. Данная информация ранее со стороны потерпевшей не сообщалась ни на данном дополнительном допросе, ни в ходе ее первичного допроса, а равно в объяснении. Таким образом, вопрос относится к категории наводящих .
Ответ потерпевшей: Да.	
Вопрос психолога: Куда не надо?..	
Ответ потерпевшей: В гости не надо ходить.	Следователь поддерживает предложенную психологом тему, задавая уточняющий вопрос, поскольку ответы потерпевшей по-прежнему не содержат информации о подсудимом.
Вопрос следователя: К кому не надо в гости ходить?	Таким способом психологу совместно со следователем удается добиться упоминания в речи потерпевшей о «дедушке» как лице, посещение которого является для потерпевшей запретным.
Ответ потерпевшей: К дедушке.	
Вопрос следователя: А почему не надо в гости к дедушке?	Следователь запрашивает у потерпевшей информацию об основаниях, по которым посещение «дедушки» является для потерпевшей запретным.
Ответ потерпевшей: Не надо.	Потерпевшая фактически отказывается отвечать на заданный ей вопрос, ограничиваясь повторением своего ответа на предыдущий вопрос: повторяет информацию о том, что посещение «дедушки» является для нее запретным, однако не сообщая ничего об основаниях этого запрета.
Вопрос <u>психолога</u> : А почему не надо?	Психолог повторяет запрос информации, содержащийся в вопросе следователя, об ос-

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	нованиях, по которым посещение «дедушки» является для потерпевшей запретным.
Вопрос психолога: Дедушка какой: хороший или плохой?	Данный вопрос включает в себя варианты ответов , предлагаемые психологом допрашиваемому лицу. Интонационного выделения «правильного» варианта не наблюдается, однако выбор варианта ответа «Дедушка плохой» является очевидным и единственно возможным : вариант «Дедушка хороший» со всей очевидностью не может рассматриваться как информация об основаниях, по которым посещение «дедушки» является запретным. Данный вопрос, таким образом, относится к категории наводящих .
Ответ потерпевшей: <u>Хоро</u> ... Плохой!	Потерпевшая выбирает единственно возможный вариант ответа из двух формально предложенных психологом.
<u>Реплика психолога (с радостной интонацией): Плохой!</u>	Посредством интонационного и динамического оформления данного восклицания психолог демонстрирует одобрение выбранного потерпевшей варианта ответа как «правильного» .
Вопрос следователя: А что дедушка такого делает, что он плохой?	Поскольку потерпевшая, согласно содержанию ее объяснения (т. 1, л. д. 71), вступала в коммуникацию с «дедушкой» только однажды, можно констатировать, что в данной реплике следователь запрашивает у нее информацию о содержании «плохих» (социально порицаемых) действий, совершенных «дедушкой» в ходе обсуждаемых событий, — действий, вменяемых в вину подсудимому . (Последующий ответ потерпевшей свидетельствует о том, что данный вопрос следователя был воспринят ею именно в таком смысле.)
<p>Ответ потерпевшей: Он по письке трогал.</p> <p><u>Вопрос психолога: Он по письке трогал, да?</u></p> <p><u>Ответ потерпевшей: Да.</u></p> <p><u>Реплика психолога: Иди сюда, иди сюда. Давай тебя спрячем. Спрячем тебя. Иди сюда, иди сюда.</u></p> <p><u>Реплика потерпевшей: Я хочу...</u></p> <p><u>Реплика психолога: Вот, смотри, вот сюда тебя спрячем. Иди скорее, прячься. Всё! Ага.</u></p>	<p>Потерпевшая информирует следователя в соответствии с содержанием полученного запроса, сообщая о том, что в ходе ее общения с «дедушкой» последний прикасался к ее половым органам.</p> <p>Психолог, не демонстрируя каких-либо признаков «неправильности» полученного ответа, запрашивает повтор сообщенной потерпевшей информации.</p> <p>Потерпевшая подтверждает данный ею ответ.</p> <p>Психолог предлагает потерпевшей укрыться одеялом. Интерпретация данного предложе-</p>

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	ния выходит за пределы компетенции специалиста-лингвиста, вероятно, соответствует компетенции специалиста-психолога.
Вопрос следователя: А дедушка при этом тебе что-то говорил?	Представляется очевидным (см. комментарии в таблице 5), что между «дедушкой» и потерпевшей в описываемой ею ситуации определено место вербального общения.
Ответ потерпевшей: Нет.	Однако следователь запрашивает у потерпевшей информацию не о содержании речевых действий «дедушки», но лишь о факте их совершения, что дает потерпевшей возможность уйти от необходимости развернуто отвечать на вопрос следователя посредством простого отрицания факта говорения «дедушкой» чего-либо.
Реплика психолога: А давай, смотри, давай мы покажем Милане твоей, да?	В данном коммуникативном блоке психолог предлагает потерпевшей продемонстрировать с помощью игрушек, где именно «дедушка» ее трогал.
Ответ потерпевшей: Да.	Удаленное от места демонстрации расположение устройства видеофиксации, а также низкое техническое качество видеоряда с множеством стоп-кадров препятствуют верификации содержащихся в протоколе дополнительного допроса детальных сведений о проведенной потерпевшей демонстрации прикосновения «дедушки» к половым органам потерпевшей.
Вопрос психолога: Давай это дедушкина рука будет. Где дедушка трогал, покажи.	Потерпевшая в ходе диалога с психологом повторно сообщает, что «дедушка» прикасался к ее половым органам.
(Психолог берет в руки обезьяну и предлагает девочке показать на обезьяне, где ее трогал дедушка. У девочки в руках кукла Милана, и рукой куклы, как будто это рука дедушки, девочка показывает, где ее трогал дедушка.)	
Вопрос психолога: Вот там трогал?	
Ответ потерпевшей: Да.	
Вопрос психолога: Ага, а еще где трогал?	
Ответ потерпевшей: Еще не знаю.	
Вопрос психолога: Вот там. А это где? Это как это называется?	
Ответ потерпевшей: По... писька.	
Реплика психолога: По письке трогал.	
Вопрос следователя: А откуда ты знаешь, что она так называется?	Коммуникативное намерение , присущее вопросу следователя об источнике познаний потерпевшей в сфере значений общеупотребительных (в том числе в детской речи) слов современного русского языка, не вполне ясно.
Ответ потерпевшей: Ну не знаю.	Потерпевшая отказывается удовлетворить означенный интерес следователя , после чего предлагает психологу вернуться к прерванной вопросами следователя игре.
Вопрос следователя: Не знаешь?	
Ответ потерпевшей: Нет.	
Вопрос психолога: Это ты так называешь?	
Ответ потерпевшей: Да.	
Реплика психолога: Ага, ну все тогда, понятно.	
Ответ потерпевшей: Все, пойдем иг-	

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-48-41-598.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<u>рать.</u> <u>Реплика психолога: Пойдем играть,</u> <u>конечно.</u>	

3.1.3. Ключевые суждения специалиста-лингвиста, отражающие ход и промежуточные выводы по результатам структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа речевого содержания спорной видеофонограммы в файле «MVI_1264.MP4», содержащей видеозапись дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 8/Х-2020, представлены в таблице 7.

В таблице 7 преимущественно сохранено разделение реплик участников диалога на структурные блоки, введенное в таблице 3 (каждый структурный блок представлен отдельной строкой таблицы).

Таблица 7. Лингвистический анализ речевого содержания видеофонограммы в файле «MVI_1264.MP4».

Видеофонограмма «MVI_1264.MP4.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<p><u>До допроса следователь разъясняет потерпевшей, что нужно сказать правду и спрашивает: «Хорошо?»</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u> Вопрос следователя: <u>Ну</u>, расскажи, пожалуйста...</p>	<p>В данном коммуникативном блоке следователь инициирует запрос некой информации, однако прозвучавшая часть незавершенного высказывания не является достаточной для установления смысла вопроса.</p>
<p>Ответ потерпевшей: <u>Папа</u> трогал за ноги и за живот.</p>	<p>Потерпевшая перебивает следователя и информирует по не заданному вопросу о том, что субъект действий, в совершении которых обвиняется подсудимый, «трогал за ноги и за живот». В качестве субъекта этих действий потерпевшая называет своего отца.</p> <p>Для потерпевшей на протяжении всего допроса характерно отсутствие реакции на задаваемые ей вопросы, она предпочитает отмалчиваться, однако в самом начале диалога со следователем она в инициативном порядке сообщает о том, что субъект действий, в совершении которых обвиняется подсудимый, «трогал за ноги и за живот».</p> <p>Иных инициативных сообщений потерпевшая не делает.</p> <p>Подобное поведение свидетельствует о том, что на момент начала допроса у потерпевшей имелась обязательная для выполнения коммуникативная задача непременно сообщить на допросе о том, что субъект действий, в совершении которых обвиняется подсудимый, «трогал</p>

Видеофонограмма «MVI_1264.MP4.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	<p>за ноги и за живот». Наличие такой коммуникативной задачи с высокой вероятностью является следствием целенаправленной подготовки потерпевшей к допросу.</p> <p>В дальнейшем это сообщение повторяется в речи потерпевшей в близкой по синтаксической конструкции, лексическому составу и порядку слов вариации.</p> <p>Изложенное представляет собой признак подготовленности, заученности речи.</p>
<p><u>Вопрос следователя: Кто трогал?</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u> <u>Слышен шум, вероятно, скрип открываемой двери, неразборчивая речь. Потерпевшая поворачивается, вероятно, в направлении звука. Психолог посмотрев в направлении следователя, покидает свое место, удаляется в том же направлении, в котором ранее посмотрела потерпевшая, возможно, выходит из помещения. Потерпевшая тянется к матери, вступает с ней в телесный контакт.</u> Вопрос следователя: А кто трогал за ноги и живот? <u>Психолог возвращается на свое место.</u></p>	<p>Следователь задает вопрос о том, кто именно был субъектом действий, о которых сообщила потерпевшая. При этом информация по данному аспекту, содержащаяся в высказывании потерпевшей, была исчерпывающей (субъектом был ее отец).</p> <p>Тем самым данный вопрос следователя является повторным вопросом, на который ранее был дан исчерпывающий ответ. Как показано в подразделе 1.3 настоящего заключения, подобная конструкция вопроса свидетельствует о том, что содержание ранее данного ответа следователя не устраивает, что является косвенным побуждением, адресованным потерпевшей, к изменению ранее данных показаний. Вопрос относится к категории наводящих, содержит пресуппозитивную информацию о том, что данный потерпевшей ответ не является «правильным».</p> <p>Не получив ответа на вопрос «Кто трогал?», следователь повторно запрашивает ту же информацию в форме «А кто трогал за ноги и живот?»</p>
<p><u>Ответ потерпевшей: дедушка.</u> <u>Реплика следователя: Дедушка. Можешь говорить немножечко погромче, чтоб?..</u> Ответ потерпевшей: дедушка. <u>Законный представитель кивает головой.</u></p>	<p>Потерпевшая (пресуппозитивно) соглашается с оценкой сообщенной ею информации как «неправильной» и меняет показания, на сей раз называя в качестве субъекта действий, о которых она сообщила, «дедушку».</p> <p>В отличие от предыдущего, это сообщение не вызывает проявлений несогласия со стороны следователя.</p>
<p>Вопрос следователя: Дедушка? А он тебя где трогал? <u>Ответ потерпевшей: У себя дома.</u></p>	<p>Следователь запрашивает уточняющую информацию о месте, где произошли события, о которых идет речь, и о том, каким</p>

Видеофонограмма «MVI_1264.MP4.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<p>Вопрос следователя: У себя дома? <u>Ответ потерпевшей: да.</u> Вопрос следователя: Он тебя домой приглашал? <u>Ответ потерпевшей: (кивает головой).</u> <u>Законный представитель потерпевшей кивает головой.</u></p>	<p>образом там оказалась потерпевшая. Потерпевшая информирует следователя по этим запросам. Законный представитель потерпевшей пантомимически выражает одобрение речевого поведения дочери.</p>
<p>Вопрос следователя: А с кем ты в гостях у дедушки была? <u>Ответ потерпевшей: сначала УУУ, потом я.</u> <u>Законный представитель потерпевшей кивает головой.</u> <u>Вопрос следователя: Повтори, пожалуйста.</u> <u>Ответ потерпевшей: сначала УУУ, потом я.</u></p>	<p>Следователь запрашивает уточняющую информацию о составе присутствовавших при событиях, о которых идет речь. Потерпевшая информирует следователя в соответствии с этим запросом информации о том, что «в гостях у дедушки» сначала побывала В., а затем допрашиваемое лицо. Законный представитель потерпевшей пантомимически выражает одобрение речевого поведения дочери. Следователь при содействии психолога и законного представителя уточняет, кого именно потерпевшая обозначила номинацией «УУУ», и потерпевшая подтверждает истинность сообщенной ее законным представителем информации о том, что допрашиваемое лицо так называет свою сестру.</p>
<p><u>Вопрос следователя: Сначала УУУ?</u> <u>Реплика законного представителя: Угу (кивает головой). Она так называет В.</u> <u>Вопрос следователя: УУУ — ты кого так называешь?</u> Вопрос психолога: УУУ — это кто, <u>У.? У.!</u> <u>Реплика законного представителя: Тебе она кто сейчас?</u></p>	
<p>Ответ потерпевшей: сестра. <u>Реплика следователя: Твоя сестра.</u></p>	
<p>Вопрос следователя: а что еще делали вы в гостях у дедушки?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение дополнительного запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому.</p>
<p>Ответ потерпевшей: чай пили.</p>	<p>Потерпевшая информирует следователя в соответствии с указанным запросом, сообщая, что они с «дедушкой» пили чай.</p>
<p>Вопрос следователя: <u>Пили чай — и всё? А...</u> И когда чай пили, дедушка что делал?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение дополнительного запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому.</p>
<p><u>Потерпевшая через паузу поворачивается в сторону законного представителя, законный представитель поворачивает го-</u></p>	<p>В ход допроса вмешивается законный представитель (мать) потерпевшей, которая побуждает ее сообщить сведения о</p>

Видеофонограмма «MVI_1264.MP4.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<p><u>лову ей навстречу.</u> <u>Реплика законного представителя (шепотная речь): Трогал.</u> <u>Ответ потерпевшей: Трогал.</u> <u>Вопрос следователя: А где трогал?</u> <u>Ответ потерпевшей: за попу, за ноги и живот.</u> <u>Реплика следователя: Говори немножечко погромче.</u> Ответ потерпевшей: за попу, за ноги и живот.</p>	<p>том, что «дедушка» к ней прикасался. Поведение матери однозначно интерпретируется как подсказка потерпевшей «правильного» ответа на сделанный следователем запрос информации о действиях подсудимого, отличных от распития с потерпевшей чая. Коммуникативное намерение, присущее реплике матери «Трогал», — побуждение к сообщению потерпевшей следствию «правильной» (с точки зрения матери) информации о прикосновениях подсудимого к потерпевшей. Потерпевшая принимает описанную подсказку и повторяет высказывание матери. Следователь задает уточняющий вопрос о том, к каким частям тела потерпевшей прикасался «дедушка». Потерпевшая информирует следователя по заданному вопросу, дополняя ранее сообщенные сведения информацией о том, что «дедушка» трогал ее попу.</p>
<p>Вопрос следователя: <u>За живот?</u> А можешь показать, как он это делал?</p>	<p>Следователь побуждает потерпевшую показать, как именно «дедушка» к ней прикасался.</p>
<p><u>Ответ потерпевшей: (отрицательно мотает головой).</u></p>	<p>Потерпевшая отказывает следователю в демонстрации прикосновений «дедушки»</p>
<p><u>Вопрос следователя: Не можешь, да? Не хочешь потому что?</u></p>	<p>Следователь запрашивает информацию о причинах отказа потерпевшей от демонстрации прикосновений «дедушки». Конструкция вопроса включает в себя готовый ответ — предположение, которое нужно лишь подтвердить или опровергнуть.</p>
<p><u>Ответ потерпевшей: (кивает головой).</u> Вопрос следователя: а почему не хочешь?</p>	<p>Данный вопрос относится тем самым к категории наводящих.</p>
<p>Ответ потерпевшей: потому что.</p>	<p>Потерпевшая подтверждает истинность предположения следователя.</p>

3.1.4. Ключевые суждения специалиста-лингвиста, отражающие ход и промежуточные выводы по результатам структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа речевого содержания спорной видеофонограммы в файле «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi», содержащей видеозапись дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 13/Х-2020, представлены в таблице 8.

В таблице 8 преимущественно сохранено разделение реплик участников диалога на структурные блоки, введенное в таблице 4 (каждый структурный блок представлен отдельной строкой таблицы).

Таблица 8. Лингвистический анализ речевого содержания видеофонограммы в файле «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi».

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
Вопрос следователя: У., У., расскажешь, что с тобой произошло?	С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение запроса информации о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому.
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	Потерпевшая уклоняется от информирования следователя по сделанному той запросу информации.
Вопрос психолога: Почему ты не хочешь рассказывать? <u>Ты мне говорила, м, у.? У.? У.! У.!</u>	Психолог побуждает потерпевшую проинформировать следователя по сделанному той запросу, ссылаясь на то, что ей известно о причинах, по которым потерпевшая уклоняется от дачи показаний, сохраняя молчание. Данная реплика содержит пресуппозитивные сведения о том, что события, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому, являлись темой обсуждения в не документированном акте коммуникации между психологом и потерпевшей.
<u>Вопрос следователя: Почему не хочешь рассказывать?</u> Вопрос психолога: Почему ты не хочешь рассказывать? <u>Тебе неприятно, да?</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа)</u> <u>Реплика психолога: Иди сюда, давай посмотрим игрушечки.</u> <u>Вопрос следователя: Ты не хочешь говорить на эту тему?</u>	Следователь и психолог настаивают на даче потерпевшей показаний о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому. Реплика психолога «Почему ты не хочешь рассказывать? Тебе неприятно, да?» представляет собой закрытый вопрос , содержащий предположение, которое нужно лишь подтвердить или опровергнуть, что, как показано в подразделе 1.3 настоящего заключения, является разновидностью наводящего вопроса . Коммуникативное намерение психолога состоит в побуждении потерпевшей к даче показаний о том, что ей неприятно говорить о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому. Потерпевшая уклоняется от подтверждения правильности ответа, который предлагает психолог.
Вопрос психолога: А про кого ты не хочешь рассказывать?	С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
	ще коммуникативное намерение запроса информации о субъекте действий, вменяемых в вину подсудимому.
<p><u>Ответ потерпевшей: (без ответа)</u> <u>Вопрос психолога: про кого ты не хочешь рассказывать? Ты закрыла глазки? Чтобы тебя не видно было, да? Ты как будто спряталась? Угу.</u> <u>Ответ потерпевшей: (без ответа)</u> <u>Психолог прикасается руками к игрушке на столе.</u> <u>Реплика потерпевшей: я всех вижу (слово неразборчиво).</u> <u>Вопрос психолога: Ты всех видишь, да? Слушай, а хочешь, мы тебя в такое в одеяльце закроем, и тебя будет не видно? Вот, можно будет рассказать тогда, хочешь? Смотри, такое одеяльце. Давай? Спрячешься. Спрячешься? Давай.</u> <u>Психолог накидывает на девочку одеяло.</u> <u>Вопрос психолога: про кого ты там не хочешь рассказывать?</u> Ответ потерпевшей: про дедушку.</p>	<p>Потерпевшая уклоняется от информирования следователя по сделанному той запросу информации. Психолог, совершив ряд манипуляций, интерпретация которых выходит за пределы компетенции специалиста-лингвиста, добивается от потерпевшей ответа на заданный психологом вопрос: потерпевшая информирует психолога, что не хотела упоминать о «дедушке».</p>
<p>Вопрос психолога: <u>про дедушку?</u> А что дедушка делал?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу следователя присуще коммуникативное намерение запроса информации о содержании действий, вменяемых в вину подсудимому.</p>
<p>Ответ потерпевшей (<i>шепотная речь</i>): Бил.</p>	<p>Потерпевшая информирует психолога в соответствии со сделанным той запросом информации — сообщает, что «дедушка» наносил ей побои.</p>
<p><u>Вопрос психолога: Бил дедушка?</u> Вопрос следователя: бил дедушка?</p>	<p>В связи с сообщением потерпевшей о нанесенных ей «дедушкой» побоях следователь и психолог совместно запрашивают и получают повторное подтверждение этой информации.</p>
<p>Ответ потерпевшей: да.</p>	<p>Следователь запрашивает сведения о способе нанесения побоев.</p>
<p>Вопрос следователя: Тебя бил?</p>	<p>Потерпевшая уклоняется от ответа.</p>
<p>Ответ потерпевшей: да.</p>	<p>Психолог побуждает потерпевшую продемонстрировать с помощью игрушек, как именно «дедушка» наносил побои.</p>
<p>Вопрос следователя: а как дедушка это делал?</p>	<p>Удаленное от места демонстрации расположение устройства видеофиксации, а также низкое техническое качество видеоряда с</p>
<p>Ответ потерпевшей: не помню.</p>	
<p><u>Вопрос психолога: давай на куколке покажем. Смотри, давай на куколке покажем. Что он делал? Давай, как будто бы обезьяна была дедушка, а</u></p>	

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<p><u>это была У.</u> Вопрос следователя: Что дедушка делал, можешь показать? Вопрос психолога: Что дедушка делал? Давай, бери обезьянку. Что дедушка делал? <i>Потерпевшая показывает на куклах, как ее бил дедушка.</i> Вопрос психолога: Вот так, да? Это куда он тебя бил? Покажи тихонько, куда он тебя бил. В животик бил?</p>	<p>множеством стоп-кадров препятствуют верификации содержащихся в протоколе дополнительного допроса детальных сведений о проведенной потерпевшей демонстрации побоев.</p>
<p>Вопрос психолога: А еще что делал?</p>	<p>С учетом известных специалистам обстоятельств дела, данному вопросу психолога присуще коммуникативное намерение дополнительного запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому (психолог запрашивает иную информацию о действиях подсудимого, отличную от сведений, сообщенных потерпевшей).</p>
<p>Ответ потерпевшей: трогал.</p>	<p>Потерпевшая информирует психолога в соответствии с содержанием запроса последней, сообщая о том, что «дедушка» к ней прикасался.</p>
<p>Вопрос психолога: Трогал? Покажи. <i>Потерпевшая на куклах показывает, как дедушка ее трогал.</i></p>	<p>В данном коммуникативном блоке психолог предлагает потерпевшей продемонстрировать с помощью игрушек, как именно «дедушка» ее трогал.</p>
<p>Вопрос психолога: Вот так. Ага. А еще где трогал? <i>Потерпевшая показывает на куклах, где именно ее трогал дедушка.</i></p>	<p>Удаленное от места демонстрации расположение устройства видеofиксации, а также низкое техническое качество видеоряда с множеством стоп-кадров препятствуют верификации содержащихся в протоколе дополнительного допроса детальных сведений о проведенной потерпевшей демонстрации прикосновения «дедушки» к потерпевшей.</p>
<p>Вопрос психолога: Вот там? В попе трогал? Да? Угу.</p>	<p>Вербальная информация о местах прикосновениях «дедушки» к телу потерпевшей выражается в речи психолога. Потерпевшая на вербальном уровне сообщает лишь о том, что «дедушка» прикасался к ней дважды.</p>
<p>Вопрос психолога: Все?</p>	
<p>Ответ потерпевшей: (без ответа).</p>	
<p>Вопрос психолога: а сколько раз он трогал?</p>	
<p>Ответ потерпевшей: Два.</p>	
<p>Вопрос психолога: Два раза трогал. А еще покажи, пожалуйста, где он, возьми ручку, покажи, где трогал. <i>(Потерпевшая показывает на куклах, где именно ее трогал дедушка.)</i></p>	
<p>Вопрос психолога: Личико тебе трогал, да?</p>	
<p>Вопрос следователя: Где еще трогал?</p>	

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<u>Угу. А ты до этого показывала, покажи, где еще трогал. Вот там, между ножек, да, трогал?</u>	
Вопрос психолога: Это как ты называешь это место? <u>Я никому не скажу. Как ты называешь? Тут все девочки. У всех такое есть.</u>	
Ответ потерпевшей: <i>(без ответа)</i> .	
Вопрос психолога: Скажи на ушко. Стесняешься? <u>Да? Ну, ладно.</u>	
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	
Вопрос следователя: Только там трогал?	
Ответ потерпевшей: <i>(без ответа)</i> .	
<u>Ответ психолога: еще с другой стороны показывала, еще попу трогал.</u>	
<u>Вопрос психолога: Он трогал тебя сверху трусиков или под трусиками?</u>	В данном коммуникативном блоке психолог и следователь совместно запрашивают у потерпевшей информацию о том, был ли контакт между рукой «дедушки» и телом потерпевшей опосредован одеждой.
Вопрос следователя: Трусики тебе дедушка снимал, когда трогал?	
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	
Вопрос психолога: Туда ручкой залезал, под трусики? Нет? Угу.	На вербальном уровне потерпевшая отмалчивается, уклоняется от информирования по данным запросам.
Вопрос следователя: <u>В трусики?</u> Сверху трусиков?	
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	
Вопрос следователя: А колготочки на тебе были одеты, когда он тебя там трогал? Да? Угу.	Удаленное от места демонстрации расположение устройства видеофиксации, низкое техническое качество видеоряда с множеством стоп-кадров, а также то обстоятельство, что потерпевшая находится в положении спиной к камере и полностью укрыта одеялом, препятствуют верификации содержащихся в протоколе дополнительного допроса детальных сведений о мимических и пантомимических ответах потерпевшей.
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	
А дедушка колготочки не снимал? <u>По колготочкам гладил?</u>	Представляется очевидным (см. комментарии в таблице 5), что между «дедушкой» и потерпевшей в описываемой ею ситуации определенно имело место вербальное общение. Однако следователь запрашивает у потерпевшей информацию не о содержании речевых действий «дедушки», но лишь о факте их совершения.
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	
Вопрос следователя: А что-то при этом дедушка говорил?	
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	
Вопрос психолога: Но тебе неприятно,	Реплика психолога «Но тебе неприятно, да, бы-

Видеофонограмма «bandicam 2020-10-13 13-26-51-123.avi»	Суждения специалиста-лингвиста
<u>да, было? Плохо?</u>	ло? Плохо?» представляет собой смысловой вариант ранее задававшегося закрытого вопроса, содержащего предположение, которое нужно лишь подтвердить или опровергнуть, что является разновидностью наводящего вопроса . Коммуникативное намерение психолога состоит в побуждении потерпевшей к даче показаний о том, что ей события, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому, были для нее неприятными .
<u>Ответ потерпевшей: (без ответа).</u>	Потерпевшая уклоняется от подтверждения правильности ответа, который предлагает психолог.

3.2. Психологический анализ

В показаниях Ю., матери потерпевших, от 09.10.2020 содержится информация о характерологических особенностях её дочерей, У. и В., зафиксировано мнение матери о том, что её малолетние дочери не склонны к фантазированию или лжи, кроме одного исключения — замеченной у старшей дочери (У.) способности скрывать некоторую информацию: *«может ее обмануть в части того, где она гуляет на улице с подружками, но не более того»* (тем самым Ю. признает, что её дочь У. может солгать для того, чтобы избежать неприятных для себя последствий).

Также в показаниях Ю. содержатся сведения о том, что ей со слов свидетеля Е. Д. стало известно, что ещё один свидетель, а именно К., видела, как У. выходила из квартиры подсудимого Т. После этого Ю. расспросила своих дочерей, и, как утверждает Ю., младшая дочь (В.) рассказала о своем восприятии ситуации, а старшая дочь (У.) первоначально уклонилась от рассказа, что, как видно из показаний Ю., не удивило мать, поскольку *«в ситуациях конфликтных У. может замкнуться, долго не разговаривать потом»*.

В обвинительном заключении указывается, что, согласно показаниям Ю., она

«...стала общаться со своими детьми, и в ходе общения выяснилось, что В. сообщила ей о том, что дедушка (подсудимый Т., просто ее девочки называют его дедушкой) трогал ее за «письку» при этом В. показала, как именно трогал ее подсудимый Т., дочь своей рукой потрогала, точнее сказать по своим гениталиям рукой».

Она спросила у В. почему она не рассказала ей об этом раньше, на что В. сказала ей, что боялась сказать ей о произошедшем, однако причину своего страха мне не пояснила. У. в этот день вообще ничего не стала говорить, она просто замкнулась в себе, было понятно по ее реакции, что данный факт имел место быть, что действительно подсудимый Т. совершал в отношении ее детей противоправные деяния. 08.10.2020 утром, перед тем как отвести девочек в детский сад, У. обратилась к ней и сказала, что подсудимый Т., У. также называет его дедушкой, трогал ее за ноги, сказала, что подсудимый Т. гладил ее по животу и попе, раздвигал ей ноги. У. сказала, что подобная ситуация, когда ее трогал подсудимый Т. была дважды, однако сообщить о том, когда и в какое время это происходило, дочь не смогла».

76 Специалист

И. В. Жарков

Специалист

В. В. Константинова

Нет признаков того, что малолетние потерпевшие изложили в процессе разговора с матерью эту информацию в форме свободного рассказа, жалуясь на «дедушку» (*подсудимого Т.*) и ища при этом у матери поддержки и утешения, также нет возможности исключить вероятность того, что и У., и В. (не фантазируя и не обманывая) согласились с версией событий, предложенной матерью.

Неизвестно, в какой форме и с какой конкретизацией и детализацией Ю. задавала своим дочерям вопросы, какую информацию она при этом им сообщила, в процессе того, что она называет «*общаться со своими детьми*». Нет возможности прояснить обстоятельства этой межличностной коммуникации, состоявшейся между матерью и дочерьми (в ходе допроса эти обстоятельства не уточнялись), но с высокой вероятностью можно предположить, что у Ю. в момент этого разговора было уже сформировано вызванное информацией, полученной от Е. Д., представление (а возможно, даже убеждение) о том, что В. и У. каким-то образом вступали в некий контакт с «дедушкой» (*подсудимым Т.*). Также с высокой вероятностью можно предположить, что Ю. высказывала дочерям свою версию развития событий и транслировала свою убежденность в том, что это событие имело место в реальной действительности. С высокой вероятностью, Ю. в рассматриваемый момент времени действовала реактивно, то есть транслировала эмоциональные и когнитивные реакции, вызванные, спровоцированные информацией, полученной ранее от Е. Д., у которой, в свою очередь, недопустимо исключить эмоциональную реакцию на сообщение К., адресованное О. Д., которая передала информацию своей сестре Е. Д. и предложила «наказать» её дочь К. Д. Таким образом, невозможно исключать нарастающий эффект эмоционального заражения, спровоцированный сообщением К. определенной информации в адрес О. Д.:

«...К., проживающая в соседнем подъезде сказала ее подруге, что видела, как из квартиры подсудимого Т. выходила девочка, похожая на ее дочку. Узнав об этом, она взяла свою дочку С. и пошла к К., чтобы она сказала, С. выходила из квартиры подсудимого Т. или нет. К. сказала, что это не С., а выходила какая-то девочка с полными щечками. Потом она взяла дочку своей сестры К. Д. и повела к К., она также сказала, что это была не эта девочка».

Таким образом, **наблюдается, что несколько взрослых, взволнованных женщин, в процессе общения между собой по поводу контакта подсудимого Т. с маленькой девочкой, выходящей из его квартиры, с высокой вероятностью могли прийти к мнению о, возможно, криминальном характере этого взаимодействия.**

Неизвестно и невозможно достоверно установить, каким образом В. сообщила матери о том, что с ней происходило при контакте с подсудимым. Ю. дает показания о том, что «*В. сообщила ей о том, что дедушка (подсудимый Т., просто ее девочки называют его дедушкой) трогал ее за «письку» при этом В. показала, как именно трогал ее подсудимый Т., дочь своей рукой потрогала, точнее сказать по своим гениталиям рукой*», неизвестно, было это **развернутым ответом В.** на вопрос матери, **простым согласием В.** с версией предложенной матерью или **самостоятельным свободным рассказом** (повествованием), содержащим исходящую непосредственно от девочки информацию о событиях, произошедших конкретно с ней в недавнем прошлом, или **жалобой** на совершенное насилие. Также неизвестно, каким образом строился разговор с У. на следующее утро и каким образом старшая девочка (потерпевшая У.) сообщила о характере своего взаимодействия с подсудимым, также неизвестно, было ли это **развернутым ответом У.** на вопрос матери, **простым согласием У.** с версией, предложенной матерью, или **самостоятельным свободным рассказом** (спонтанным повествованием), содержащим исходящую непосредственно от девочки информацию о событиях, произошедших конкретно с

ней в недавнем прошлом, или **жалобой** на совершенное насилие. Специфический язык фиксирующего свидетельские показания протокола допроса Ю. («... У. обратилась к ней и сказала...») и специфический язык обвинительного заключения **не дают возможности надлежащим образом установить особенности разговора Ю. с У.**

Следует понимать, что из-за возрастных особенностей психики, особенностей мировосприятия в этот возрастной период (4–5 лет), уровня развития мышления и речи малолетним детям в такой ситуации гораздо легче согласиться со значимым взрослым, чем настаивать на изложении своей версии произошедшего (или НЕ произошедшего). Ребенок в этом возрасте практически во всех сферах своей жизни зависит от родителей (от матери особенно), и страх неодобрения или наказания сильнее, чем намерение быть скрупулезно точным в изложении событий. Кроме того, как видно из показаний самих потерпевших, а также из показаний свидетелей, девочки могли действительно опасаться неодобрения матери или даже наказания за «неправильное поведение»: они общались с посторонним взрослым, брали от него конфеты и деньги (мелочь на мороженое). Версия о насилии (особенно сексуального характера) со стороны постороннего мужчины может отвлечь внимание от реальной шалости или непослушания, ребенок с высокой вероятностью может согласиться с тем, что не он «нарушил некие правила», а в отношении него было совершено насилие и он является «жертвой». При этом ребенок не фантазирует и не обманывает, он принимает предложенную версию как нечто, реально объясняющее и оправдывающее его поведение (сомнительное даже с позиции его возраста и соответствующего уровня развития).

Также ребенку, после того, как он согласился с предложенной версией, легче и проще думать, что в реальной действительности происходило так, как сказал взрослый человек. **Реальные воспоминания могут быть заменены и вытеснены привнесенными — это так называемый эффект «ложных воспоминаний»**, часто наблюдаемый при исследовании эпизодов сексуального и иного насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних. При этом, учитывая, что у потерпевших не обнаружена склонность ко лжи и (или) фантазированию, эффектом ложных воспоминаний с высокой вероятностью можно объяснить **заметную спутанность и низкую детализацию их показаний**: ребенку сложно дать развернутые показания о деталях события, не произошедшего в реальной действительности, и сложно воздержаться от контаминации с воспоминаниями о других реально произошедших событиях, даже если сам ребенок на момент дачи показаний уже искренне верит в излагаемую им историю.

Немногословность девочек в процессе их допроса 08.10.2020 и дополнительного допроса 13.10.2020, путаница в понятиях «бил» и «трогал», а также то обстоятельство, что до рассказа о том, что же именно «плохого» делал с ними обвиняемый, равно как и то, что У. и В. в самом начале разговора упоминают о «папе», а не о «дедушке», с высокой вероятностью могут быть объяснены тем, что **о деталях, о которых их расспрашивают следователь и психолог, они просто не осведомлены, картина события известна им со слов матери и из наводящих вопросов следователя и психолога**, и в своих ответах они **вынуждены достраивать реальность, «угадывать» желаемый и ожидаемый от них ответ**, чтобы не вызвать негодования взрослых.

Следователем и психологом была проигнорирована полученная от девочек информация о том, что что-то плохое делал с ними папа. Более того, эти высказывания и, возможно, имеющее место желание и В. и У. говорить об этом обстоятельстве вызвало у следователя и психолога недоумение и негативную эмоциональную реакцию неодобрения (что явно видно в материалах видеофиксации допросов и дополнительных допросов потерпевших). Внимание следствия было сосредоточено исключительно на поиске формального подтверждения девочками действий сексуального характера со стороны подсу-

димого Т., поведение и стиль общения следователя и психолога с девочками позволяет предположить, что у них не имелось коммуникативной цели установить истину, насколько это возможно при допросе малолетнего потерпевшего или свидетеля. При просмотре видеоматериалов достаточно явно видна направленность на формальное соблюдение необходимых процессуальных требований для подтверждения уже сформированного мнения о виновности подсудимого Т. Просматривается предубежденность следователя и психолога в том, что действия сексуального характера в отношении малолетних потерпевших (сестёр В. и У.) действительно были совершены, что совершил их именно подсудимый Т. Это проявляется в заметных интонациях недовольства, недоумения и даже возмущения, отчетливо слышимых тогда, когда девочки в ходе допроса дают «неправильный» с точки зрения следствия ответ. Хотя допрос ведется с показным добродушием, подстраиванием, имитацией «детскости речи» (что, следует заметить, не рекомендовано применять при допросах несовершеннолетних), но в поведении как следователя, так и психологов явно заметны торопливость, неуместное ускорение хода беседы, нетерпеливость. Многократный просмотр представленных для изучения видеофайлов дает основания для предположения о том, что следствие заранее исключило все версии, отличные от совершения подсудимым Т. действий сексуального характера именно в отношении сестёр В. и У., имевших место именно в отношении этих девочек и именно в квартире подсудимого Т. Фактически и следователь, и психологи предлагали и В., и У. не изложить свою историю, свою версию событий, а лишь подтвердить версию следствия. Иные детали и (или) информация, противоречащая предубежденности следствия, не воспринимались и отвергались, девочек переспрашивали до тех пор, пока они не давали устраивающий следствие ответ или вовсе не замолкали. Вместо того, чтобы адекватным условиям и задачам следствия и соответствующим методическим требованиям образом провести допрос малолетних потерпевших с учетом их возрастных особенностей и предположительно имевшей место в прошлом травмирующей их психоэмоциональную сферу ситуации, в процессе допросов и дополнительных допросов (8 и 13 октября 2020 года) следователь и психолог чрезмерно ускоряются, создают суету, чрезмерно настойчиво расспрашивают потерпевших исключительно о том, как их трогал и каких частей тела касался «дедушка». Вопросы построены таким образом, что девочкам внушается мысль, что с ними определено что-то произошло, что произошло что-то плохое, что это плохое совершил именно «дедушка». При этом в формулировке вопросов и в манере их задавания видна убежденность в том, что именно «дедушка» трогал девочек за те части тела, прикосновения к которым следует стыдиться, что это действительно плохо и на самом деле постыдно. От малолетних потерпевших явно требуется не правда, которую они с учетом своего уровня развития способны запомнить и сообщить, а произнесение слов, подтверждающих убежденность, уже имеющуюся у следователя и разделяющих эту убежденность психологов.

С высокой вероятностью можно предположить, что сами по себе вопросы следователя и психологов и заметное давление с их стороны, а также недовольство «неправильными ответами» сестёр В. и У. или оставлением вопросов без ответа для потерпевших травматичны, могут вызвать у ребенка негативную эмоциональную реакцию и неблагоприятные последствия. Чрезмерно активное обсуждение выделенного в отдельную тему вопроса о трусиках и колготках (заметна усилившаяся при этом громкость речи и возбужденные интонации речи психолога и следователя) вызвало смятение и смущение у допрашиваемой потерпевшей, но не привело к получению ценной для следствия по делу информации, поскольку эта активность и напористость следствия вызвала закономерную и естественную реакцию девочки — смущение, зажатость, подавленность. В действительности девочка просто замолчала и не предоставила никакой информации, вопреки написанному в протоколе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У.

Необходимые уточняющие вопросы, которые позволили бы помочь девочкам вспомнить обстоятельства, о которых их расспрашивают, сёстрам В. и У. практически не задавались (если не считать отсылку психолога к некоему недокументированному акту ее предыдущего общения с допрашиваемым лицом), зато наводящие вопросы задавались систематически.

Законный представитель потерпевших (их мать Ю.) неоднократно давала обеим допрашиваемым дочерям подсказки, в том числе вербальные с выражением прямого побуждения артикулировать определенные высказывания, практически управляла дачей показаний, мимикой и жестами показывала то одной, то другой дочери, какого ответа от них ждут, например, показывала, что нужно сообщить о том, что «дедушка» делал и каких частей тела касался (жестикация, указывающая на область паха или гениталии).

Важно также отметить, что детали, сообщаемые свидетелем К. Д., а именно:

«...Еще летом (точного месяца она не помнит) 2020 года У. ей рассказала о том, что она и В. ходят к дедушке (имени его она не знает), который проживает в соседнем доме в третьем подъезде и на третьем этаже. Также она рассказала ей, что этот дедушка приглашал их к себе домой и обнимал В. и У. (как именно она не рассказывала), а также целовал в щечку и губы, трогал У. за попу, после чего давал им деньги. У. и В. ходили к нему очень часто (почти каждый день). Также летом 2020 года (точной даты она не помнит), она, В. и У. гуляли во дворе дома, дедушка с балкона своей квартиры позвал У. к себе домой, но она отказалась и они убежали с У. играть в другое место, а В. осталась стоять на том же месте. В связи с тем, что В. к ним не приходила, они пошли ее искать. Когда они вернулись на то же место, то ее (В.) там уже не было. Они (К. Д. и У.) посчитали, что она может находиться у дедушки и поэтому пошли ее искать у него. Подойдя к его двери, постучали, но он не открыл. При этом они слышали, как В. находилась в его квартире и кричала, чтоб он открыл ей двери. После того, как они стали сильнее долбить в дверь, дедушка открыл дверь и сказал В., чтоб она выбегала. Когда они спросили у В., что дедушка с ней делал, она ответила, что он обнимал ее за тело (талию), целовал в щечку и дал денег за это. Недавно, когда она уже училась в школе, она (К. Д.) и У. гуляли во дворе дома. Они сели на скамейку возле подъезда этого дедушки. В этот момент дедушка шел с магазина и подсел к ним. После этого он стал трогать ее (К. Д.) за плечо, после чего она отсела от него в сторону, больше он ее нигде не трогал. После этого он подсел к У., стал трогать ее за плечи, но она тоже отсела от него...» —

не проверялись и не уточнялись ни в ходе допроса, ни в ходе дополнительного допроса потерпевших, а равно других причастных лиц, хотя эпизод, в котором малолетняя потерпевшая В. кричала и просила, чтобы ей открыли двери, а её сестра с подругой «стали сильнее долбить в дверь», произошли он в реальной действительности, со всей определенностью был бы для его участниц эпизодом исключительно ярким, возможно, ярче, чем впечатления о каких-либо действиях сексуального характера, и при этом не имеющим характера постыдности, того, о чем неловко говорить и что хочется скрыть; об этом эпизоде девочки могли бы рассказать совершенно свободно. Припоминание потерпевшими этих обстоятельств (если бы они действительно произошли) в результате грамотного расспрашивания с помощью запроса информации и уточняющих вопросов, без наводящих вопросов и давления, могло бы в значительной степени прояснить реальную картину произошедшего.

При проведении допроса несовершеннолетних (особенно малолетних) потерпевших при расследовании преступлений, связанных с насильственным посягательством на половую неприкосновенность, необходимо учитывать психологические особенности тактики допроса потерпевших такого возраста.

- допрос должен занимать непродолжительное время, поскольку в настоящее время УПК РФ законодательно ограничивает временные рамки допросов малолетних, при этом чрезмерная торопливость и суета для того, чтобы уложиться в ограниченное законодателем время, недопустимы;
- допрос должен вестись языком, доступным для малолетнего. Следует продумать и выбрать правильный тон общения с ребенком — недопустимы как суровость, сухость, давление и выражение оценочных суждений относительно показаний ребенка (проявление недоверия, недовольства тем, что говорит ребенок, так и заискивание, сюсюканье, имитация детской речи и панибратство);
- вступительная часть допроса обязательно должна проводиться в форме беседы на темы, близкие ребенку (о занятиях в детском саду или школе, увлечениях, интересных играх и т. п.). После вступительной части допроса необходимо убедиться, что ребенок действительно чувствует себя в безопасности, расслабился, не боится говорить с взрослыми о гипотетически неприятной для него ситуации;
- непременно следует выяснить, беседовал ли кто-нибудь из совершеннолетних (родственников, знакомых, иных значимых взрослых) с ребенком по существу дела и о чём (это позволяет выявить факты склонения малолетнего к даче «нужных» показаний).

Как видно из материалов уголовного дела, предоставленных специалистам, контактоустанавливающие мероприятия проводились с несовершеннолетними потерпевшими В. и У. до начала допросов (как 8.10.2020, так и 13.10.2020) и никаким образом не зафиксированы, о содержании этой части взаимодействия с потерпевшими можно судить лишь предположительно по информации, имеющейся в показаниях психологов (показания психолога К. от 09.10.2020, психолога П. от 13.10.2020).

Из показаний психолога К. следует, что «08.10.2020 ей стало известно от сотрудников полиции о том, что в отношении малолетних В. и У. мужчина пенсионного возраста совершал насильственные действия сексуального характера, а точнее сказать мужчина трогал детей в области гениталий. Она сразу выехала в центр, для того, чтобы присутствовать при опросе В. и У., она наблюдала за психологическим состоянием девочек во время опросов».

Психолог К. (педагог-психолог МКОУ «ZZZ») высказывает также мнение, что «В. <...> даже не поняла, что с ней произошло, а вот У. понимала, что то, что совершил мужчина в отношении нее и ее сестры, что это постыдные и запретные действия, о которых нельзя рассказывать. У. была подавлена тем, что с ней произошло, У. не шла на контакт, плакала, она не хотела вспоминать ситуацию, произошедшую с ней, в связи с чем можно сделать вывод о том, что ситуация с мужчиной, о котором рассказывала У., а также о том, что он с ней совершил мужчина, это не плод ее фантазий, а реальные события, которые имели место быть».

Сомнительным с психологической точки зрения является оценочное суждение психолога К. о том, что несовершеннолетняя потерпевшая У. понимала, что совершенные с ней действия (если они были совершены в реальной действительности) являются постыдными и запретными, и интерпретация того обстоятельства, что девочка плакала и не шла на контакт, как подтверждение того, что ситуация с пожилым мужчиной, о котором шла

речь, относится к категории реальных, действительных событий. Следует обратить внимание на то, что трансляция предположения о том, что девочки (особенно У.) должны испытывать стыд, стесняться чего-то «нехорошего», заметна в видеоматериалах, отражающих фиксацию проведения допросов потерпевших 08.10.2020 и дополнительных допросов потерпевших 13.10.2020.

До допроса у несовершеннолетних потерпевших состоялась беседа со знакомым им взрослым, психолог К. до рассматриваемых событий проводила занятия с девочками, как видно из её свидетельских показаний: «С 15.09.2020 проводится плотная работа с У. и В., в связи с тем, что они нуждаются в коррекционной помощи, поскольку уровень актуального развития девочек ниже возрастной нормы». Однако **специалистов, предварительно знакомых с потерпевшими, не рекомендовано привлекать к проведению допроса.**

Как указывается в статье Иванова А.В. «Психологические особенности работы с потерпевшими при расследовании уголовных дел об изнасиловании малолетних», «Согласно ст. 191 УПК РФ, при допросе потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, обязательно участие педагога или психолога. Чтобы участие указанных лиц в производстве допроса было наиболее эффективным, рекомендуется следующее:

1. Приглашать специалиста, не знакомого допрашиваемому лицу.
2. Перед допросом следует сообщить специалисту всё известное о психологических особенностях допрашиваемого лица, а также предполагаемый предмет допроса.
3. Перед допросом следует предоставить психологу возможность провести беседу с потерпевшей на темы, не относящиеся к предмету допроса.
4. По окончании допроса специалист должен сообщить следователю о полученных предварительных результатах, обратить его внимание на те психологические особенности допрашиваемого лица, которые могут обусловить трудности при получении дальнейших показаний».

Насколько можно судить на основании представленных для изучения материалов, **данные рекомендации выполнены не были**, что хорошо видно по зафиксированной речи.

Психолог-педагог К. присутствует на зафиксированных на видео допросах несовершеннолетних потерпевших В. и У., держится отстраненно.

Психоземotionalное состояние потерпевшей У. перед допросом и в процессе его проведения можно определить как настороженное, испуганное, подавленное. Она весьма заметно ориентирована на реакцию законного представителя — матери, ищет взглядом её одобрения, а также на реакцию других взрослых, разговаривающих с ней, выглядит встревоженной.

Допрос начинается сразу же с вопроса по существу дела, без вступительной части. Следователем презюмируется и транслируется в диалоге с допрашиваемой потерпевшей следующая информация:

- уверенность в том, что с девочкой что-то произошло;
- произошло что-то нехорошее;
- девочку кто-то трогал, и это нехорошо;
- девочку трогал подсудимый Т. («дедушка»).

Задаваемые вопросы чаще, чем требуется при допросе (например, при уточнении рассказа потерпевшей) направлены на подтверждение высказываемого следователем предположения о причастности подсудимого Т. к совершению действий сексуального характера в отношении девочки. Не задаются вопросы, необходимые для получения значимой информации о времени описываемых потерпевшими событий, о месте описываемых потерпевшими событий.

Складывается впечатление, что следователь интересуется только тем, что девочку «трогал» именно «дедушка», и, исходя из интонации задаваемых вопросов можно предположить, что следователь убеждена в реальности события заранее. Следователем отмечается как мешающая подтверждению предпочитаемой версии информация, касающаяся возможного участия папы в каком-то затронувшем впечатление девочки происшествии. Упоминание о том, что что-то неприятное для девочки сделал папа, игнорируется, внимание допрашиваемой настойчиво привлекается именно к личности «дедушки».

Психоэмоциональное состояние потерпевшей **В.** перед допросом и в процессе его проведения можно определить как безразличное к происходящему, достаточно спокойное, девочка скучает и тяготеет не интересным для нее делом, хочет играть, вертит в руках телефон, смотрит в его дисплей, выражает желание и надежду на то, что разговор продлится недолго.

Допрос начинается сразу же с вопроса по существу дела, без вступительной части. Следователем презюмируется и транслируется в диалоге с допрашиваемой потерпевшей следующая информация:

- уверенность в том, что с девочкой что-то произошло;
- произошло что-то нехорошее;
- девочку кто-то трогал, и это нехорошо;
- девочку трогал подсудимый Т. («дедушка»).

Так же как и при допросе У., задаваемые вопросы чаще, чем требуется при допросе (например, при уточнении рассказа потерпевшей) направлены на подтверждение высказываемого следователем предположения о причастности подсудимого Т. к совершению действий сексуального характера в отношении девочки. Не задаются вопросы, необходимые для получения значимой информации о времени описываемых потерпевшими событий, о месте описываемых потерпевшими событий.

Складывается впечатление, что следователь интересуется только тем, что девочку «трогал» именно «дедушка», и, исходя из интонации задаваемых вопросов, можно предположить, что следователь убеждена в реальности события заранее. Следователем отмечается как мешающая подтверждению предпочитаемой версии информация, касающаяся возможного участия папы в каком-то затронувшем впечатление девочки происшествии. Упоминание о том, что что-то неприятное для девочки сделал папа, игнорируется, внимание допрашиваемой настойчиво привлекается именно к личности «дедушки».

Несовершеннолетние потерпевшие В. и У. говорят на допросах о том, что у «дедушки» они пили чай и смотрели мультики.

Фрагмент допроса У.:

«Вопрос следователя: а еще что делали в гостях у дедушки?»

Ответ потерпевшей: пили чай.

Вопрос следователя: когда пили чай дедушка что делал?»

Ответ потерпевшей: трогал за попу, за ноги и живот».

Фрагмент допроса потерпевшей В.:

«Вопрос следователя: а что еще ты делала?»

Ответ потерпевшей: чай пила.

Вопрос следователя: а с кем ты в гостях у дедушки была? Что дедушка делал?»

Ответ потерпевшей: чай пил с сахаром.

Вопрос следователя: а что еще дедушка делал?»

Упомянутое как У., так и В. чаепитие никак не осмысливается, обстоятельства этого чаепития (где, когда, почему и в связи с чем оно состоялось) не уточняются. Факт находж-

дения У. в квартире «дедушки» (подсудимого Т.) также не уточняется, хотя расспрашивание о том, как девочки попали в квартиру, об обстановке квартиры, о разговорах, которые девочки вели с «дедушкой», с психологической точки зрения при допросе малолетней потерпевшей было бы целесообразным и полезным для прояснения обстоятельств дела и особенно для прояснения психоэмоционального состояния потерпевшей при её находке в квартире.

Желаемый ответ (насколько можно судить по зафиксированной видеозаписью интонациям) допрашиваемой практически навязывается, при этом и законный представитель потерпевшей, и присутствующий психолог остаются безучастными, однако безучастность законного представителя потерпевших (матери) сменяется заметной активностью в эпизодах, когда необходимо регулировать речевую продукцию дочерей (наблюдаются требования говорить громче, подсказывание, побуждение «сказать» без уточнений, что именно требуется сказать, то есть побуждение сообщить следствию некую известную матери и дочери информацию, которую законный представитель считает правильной).

При изучении материалов допросов малолетней потерпевшей У. и малолетней потерпевшей В. следует учитывать следующее.

Оценка показаний свидетеля с точки зрения их «психологической достоверности» определяется:

- а) способностью свидетеля правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания;
- б) желанием и стремлением давать правдивые показания;
- в) отсутствием ситуации неумышленного, случайного введения следствия в заблуждение.

Показания детей и подростков имеют свою специфику. Ребенок может быть уверен, что говорит правду, хотя его показания объективно не соответствуют действительности, т.к. он способен смешивать представления своей фантазии с реальностью, особенно когда эти представления связаны с сильными эмоциональными переживаниями, вызванными как событием, в связи с которым проводится допрос, так и с самой ситуацией допроса, таким образом *то, что ребенок слышал от других людей, может превращаться в воспоминания якобы пережитого им самим (ложные воспоминания).*

При оценке психологической достоверности важное значение имеют первоначальные показания ребенка об интересующих следствие обстоятельствах. Но надо иметь в виду, что, если показания даются непосредственно после расследуемого события, ребенок, как правило, находится в состоянии возбуждения, которое вызвано самим происшествием, и это может быть причиной различного рода ошибок. Необходимо добиться от допрашиваемого подробного описания происшествия. О правдивости показаний могут свидетельствовать конкретное изложение обстоятельств дела, описание своих переживаний, а также второстепенных моментов в той мере, в которой они находятся в связи с главным. Незначительные подробности в рассказе свидетеля могут подкреплять его показания о важных обстоятельствах. Чем подробнее описание, тем больше оно дает отправных точек для оценки логичности его содержания. Требование логичности состоит не только в том, что сообщаемые сведения должны совпадать с объективными данными, но и в их единстве во времени, а также, как правило, в том, что они отражают чувства и мысли, владевшие свидетелем в момент происшествия. Если в ходе изложения вначале опускаются детали, но подробно описывается суть события, это не значит, что сведения недостоверны, скорее наоборот — это свидетельствует, что в основе сообщаемых сведений имеется истинное происшествие. На протяжении расследования показания ребенка могут существенно меняться. Речь идет прежде всего о процессе забывания с течением времени, в результате чего свидетель часто не помнит отдельные детали своих показаний. Однако это может

происходить и под влиянием воздействия на свидетеля многократных допросов и расспросов.

Существенное значение имеют данные о следующих аспектах предшествующих допросу событий:

- обсуждались ли в присутствии свидетеля события и обстоятельства, которые в дальнейшем стали предметом допроса;
- не расспрашивали ли его другие лица по поводу этих обстоятельств;
- не подсказывали ли ему ответов.

Неоднократные рассказы о реально происшедших событиях родителям приводят к тому, что сами воспоминания стираются в силу прошедшего времени, и последующие показания нередко являются воспоминаниями не столько о происшедшем, сколько о первичных показаниях.

Ответы потерпевшей **У.** на вопросы о том, что с ней произошло, трогал ли её дедушка, с высокой вероятностью имеют характер заученности, припоминания, что именно надо говорить, чтобы не лишиться одобрения. При ответах на вопросы следователя **У.** немногословна, часто оглядывается на мать, которая мимикой и жестами (а в некоторых случаях и вербально — см. данные подраздела 3.1 настоящего заключения) фактически подсказывает дочери, что можно и следует отвечать, законный представитель словно дирижирует её поведением во время допроса.

Многие вопросы следователя (несмотря на настойчивое расспрашивание) **У.** оставляет без ответа, но это следователем игнорируется либо интерпретируется в пользу существующего у следствия предположения о произошедшем.

Ответы потерпевшей **В.** на вопросы о том, что с ней произошло, трогал ли её дедушка, также с высокой вероятностью имеют характер заученности, припоминания, что именно надо говорить, чтобы не лишиться одобрения. При ответах на вопросы следователя **В.** часто оглядывается на мать, которая мимикой и жестами (а в некоторых случаях и вербально — см. данные подраздела 3.1 настоящего заключения) фактически подсказывает дочери, что можно и следует отвечать, законный представитель словно дирижирует её поведением во время допроса.

Ю. (мать и законный представитель девочки) более активно, чем при допросе старшей дочери (потерпевшей **У.**) «управляет» поведением младшей дочери, дает прямые подсказки, напоминает о том, что, по её мнению, произошло, подсказывает, что говорить, отвечая на вопрос о том, каких частей тела касался «дедушка», например, прямо показывает жестами в направлении паха. Создается впечатление, что сама малолетняя потерпевшая либо не помнит, что именно происходило с ней при взаимодействии с подсудимым **Т.**, либо это взаимодействие ограничилось проигнорированным следователем чаепитием, о котором **В.** говорит произвольно и охотно.

Многие вопросы следователя (несмотря на настойчивое расспрашивание) **В.** оставляет без ответа (из-за рассеянного внимания и неумения сосредоточиться, а также из-за отсутствия интереса к происходящему), но это (так же, как и при допросе потерпевшей **У.**) следователем игнорируется либо интерпретируется в пользу существующего у следствия предположения о произошедшем.

В. ведет себя более оживленно и активно, чем её старшая сестра, её внимание более расфокусировано, она, в отличие от своей старшей сестры **У.**, не выглядит подавленной, обстановка допроса и воспоминания, к которым её настойчиво возвращает следователь, не вызывают у неё печали, подавленности или неловкости. Следствие (а также психолог **К.** в своих показаниях) ограничиваются интерпретацией этого обстоятельства как проявления недостаточности развития когнитивных процессов потерпевшей **В.**, однако нет оснований

исключать высокую вероятность того, что В. не испытывает подавленности потому, что действий сексуального характера по отношению к ней подсудимый не совершал, а её ответы (в частности, выкрики с эмоционально позитивной окраской о том, что «дедушка» трогал её «по письке руками») являются ложными воспоминаниями.

Из показаний психолога П. известно, что «она принимала участие в качестве психолога при допросе несовершеннолетних потерпевших У. и В. В ходе допроса необходимо было выяснить действительно ли в отношении них были совершены насильственные действия сексуального характера. Перед началом следственных действий, во время знакомства В. и У. охотно шли на контакт, проявляли активность и любопытство, соглашались на игры, предложенные психологом».

Также она поясняет, что «при допросе У. и В. задавались наводящие вопросы, необходимость которых обусловлена преобладанием диалогической речи, а также недостаточной способностью к обобщению по существенным признакам и неумении устанавливать логические связи», таким образом подтверждает наводящий характер задаваемых вопросов, хотя в действительности **строить диалог с потерпевшими возможно и должно без использования наводящих вопросов, с помощью грамотно выстроенных конструкций, позволяющих осуществить именно запрос информации, которая спрашивающему неизвестна.**

В своих показаниях психолог П. проявляет осознание того обстоятельства, что основной целью допроса несовершеннолетних потерпевших У. и В. было «*выяснить действительно ли в отношении них были совершены насильственные действия сексуального характера*», и это подтверждается зафиксированными на видеозаписи диалогами, действия психолога и следователя при допросах девочек сфокусированы на одной теме, **коммуникативная направленность данного межличностного взаимодействия между следователем и допрашиваемыми девочками акцентируется на цели найти в показаниях подтверждение причастности подсудимого Т. к совершению действий сексуального характера по отношению к несовершеннолетним потерпевшим У. и В., признаки коммуникативной направленности на выявление обстоятельств события, произошедшего с У. и В. в реальной действительности, не обнаружены.**

В лингвистической части настоящего исследования (подраздел 3.1 настоящего заключения) подробно проанализировано содержание и особенности поведения и межличностных коммуникаций между участниками допросов 08.10.2020 и дополнительных допросов 13.10.2020 несовершеннолетних потерпевших У. и В., выявлено, что в ходе допросов задавались наводящие вопросы, законный представитель потерпевших (Ю., мать У. и В.) контролирует и в некоторых эпизодах допросов управляет поведением своих дочерей на допросе, следит за тем, чтобы девочки давали «правильные» ответы на вопросы, задаваемые следователем, побуждает к высказываниям, содержание которых ей заранее известно, что указывает на высокую вероятность того, что ответы девочек и фабула истории заранее, до проведения допроса с применением видеофиксации, обсуждалась между девочками и их матерью, а также между девочками и психологом (которая также ссылается на ранее состоявшуюся беседу о том, что делал «дедушка»).

С психологической точки зрения данное обстоятельство с высокой вероятностью может быть расценено как **психологическое воздействие на потерпевших, формирование у них представления** о том, что произошло между ними и подсудимым Т., формирование представления о том, как правильно вести себя на допросе и как правильно отвечать на поставленные вопросы, при этом «**правильным**» (по мнению законного представителя потерпевших Ю.) с высокой вероятностью является подтверждение предположения о причастности подсудимого Т. к совершению действий сексуального харак-

тера в отношении потерпевших. Несовершеннолетние потерпевшие У. и В. в силу ограничений своего развития (уровень актуального развития девочек ниже возрастной нормы) не способны к критическому осмыслению особенностей проведения следственных действий, их актуальной потребностью является сохранить одобрение своего поведения со стороны матери и других взрослых людей, сохранить для себя комфортную безопасную среду. Они готовы давать ответы, согласующиеся с тем, что предварительно обсуждали с матерью и (или) с другими взрослыми, например, с психологом.

Вопросы и реплики следователя и психолога, выражающие недоумение и недовольство ответами потерпевших на задаваемые вопросы, если ответы не совпадают с существующими у следствия предположениями о причастности подсудимого Т. к совершению действий сексуального характера, неуместную напористость, торопливость, игнорирование (отказ от уточнения и конкретизации) сведений, сообщаемых в ходе допроса девочками, но не вписывающихся в сложившуюся у следствия картину, также следует расценивать как **психологическое воздействие** на допрашиваемых несовершеннолетних потерпевших с целью получить устраивающие следствие показания.

Дополнительные допросы несовершеннолетних потерпевших У. и В., состоявшиеся 13.10.2020, в связи с их ненадлежащей организацией, **ненадлежащей видеофиксацией** не могут внести требующуюся ясность в расследуемые события. Видеофонограммы дополнительного допроса У. и дополнительного допроса В. имеют низкое качество, не позволяющее в полном объеме рассмотреть, расслышать все детали зафиксированных коммуникативных эпизодов. Допрашиваемые девочки часть времени допроса сидят спиной к видеокамере, далеко от видеокамеры, иногда полностью прикрыты пледом, что делает крайне затруднительным распознавать интонации их речи, также крайне затруднительно рассмотреть и интерпретировать их пантомимику (жесты и движения тела). Мимика (выражение лица, выражение глаз) потерпевших практически недоступна для проведения анализа, так как лица допрашиваемых либо не видны вовсе, либо сняты в усложняющем проведение анализа ракурсе и (или) издалека.

При проведении допросов ребенка, особенно при расследовании преступлений, связанных с половой неприкосновенностью, настоятельно рекомендуется обеспечить для ребенка безопасную, комфортную обстановку, создать благоприятные условия для того, чтобы не усиливать психоэмоциональное напряжение у допрашиваемого несовершеннолетнего, не создавать у него чувства вины и стыда, которые могут быть вызваны произошедшим с ребенком событием.

Установление следователем психологического контакта с малолетним потерпевшим начинается с момента их первой встречи. В этот момент для следователя важно расположить к себе ребенка, вызвать у него интерес к общению, создать благоприятную психологическую атмосферу общения. Для достижения указанных целей целесообразно начать общение на темы, не связанные с предметом допроса, например, с вопросов о личности малолетнего, его увлечениях и интересах (как зовут твоего любимого воспитателя или учителя? есть ли у тебя друзья? в какие игры любишь играть? и т. п.). Подобная тактика не только позволит следователю установить психологический контакт с малолетним, но и проверить умение малолетнего рассказывать, находить средства для описания произошедшего, определить словарный запас, что является необходимым для правильной оценки его показаний. В ходе подобной беседы следователю для создания доверительной атмосферы следует рассказать некоторые сведения и о себе (есть ли у него дети, чем они увлекаются, их интересы и т. д.). Подобный тактический прием придаст общению форму диалога, характеризующегося взаимной готовностью делиться информацией друг с другом. В противном случае целью подобного общения будет не установление психологического

контакта и создание доверительной атмосферы, что возможно только в форме равноправного диалога, а лишь получение информации о личности малолетнего допрашиваемого. Но не следует забывать, что установление психологического контакта само по себе еще не является гарантией получения полных и правдивых показаний.

При подготовке к рассматриваемому следственному действию необходимо продумать место и время его проведения. По общему правилу, несовершеннолетние допрашиваются по месту производства следствия, однако по усмотрению следователя рассматриваемое следственное действие может проводиться и по месту нахождения несовершеннолетнего.

При выборе места проведения допроса следует учитывать возраст допрашиваемого и его психологическое состояние. Малолетних потерпевших (от 2 до 11 лет включительно) следует допрашивать в привычном для них месте, но только в том случае, если насильственные действия сексуального характера не совершены в указанной обстановке, чтобы не создавать напряженную обстановку и эмоциональное напряжение для потерпевшего. Более располагающей к общению обстановкой будет специально оборудованная детская комната для допроса с уютной мебелью, игрушками и т. п.

Существует ряд причин, по которым малолетние и несовершеннолетние могут сообщать неполные или недостоверные сведения о расследуемом событии. Это может быть связано с чувством стыда, страхом критики или наказания со стороны взрослых, а также с боязнью разглашения сообщенной ими информации. Все эти факторы также обуславливают выбор места проведения допроса и состава его участников.

Эффективным средством получения информации от потерпевшего может служить зеркало Гезелла, создающее у допрашиваемого малолетнего ощущение безопасности.

Рабочий этап допроса включает в себя несколько стадий:

- выяснение персональных данных допрашиваемого (заполнение анкетной части протокола допроса);
- свободный рассказ;
- вопросно-ответная стадия.

Суть стадии выяснения персональных данных допрашиваемого сводится к заполнению анкетных данных и разъяснению участникам допроса их прав. При этом потерпевшие 16 лет и старше предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, а потерпевшим, не достигшим 16 лет, указывается на необходимость говорить правду. Разъяснять права нужно доступным для понимания малолетним и несовершеннолетним языком.

Далее можно перейти к стадии свободного рассказа. Однако следует иметь в виду, что от малолетних достаточно сложно добиться свободного рассказа, поскольку их речь продолжает оставаться недостаточно связанной, они могут затрудняться при объединении слов в предложения. Им намного проще сообщать сведения в форме коротких ответов на поставленные вопросы, поэтому правильнее в таких ситуациях использовать диалоговую форму общения.

Если при диалоговой форме общения следователь будет умело применять тактические приемы и верно формировать вопросы, этого может оказаться вполне достаточным для получения содержательной, значимой информации. При этом стоит помнить, что **вопросы должны быть ясными и не содержать информации, наводящей на тот или иной ответ.**

Так, с самого начала допроса следует предложить малолетнему допрашиваемому рассказать, где произошло событие, кто в нем участвовал, какие предметы он там заметил, кто и какие действия совершал, и, наконец, выяснить, как он понимает сущность произо-

шедшего события. Следовательно, вопросы, которые ставятся перед допрашиваемым, должны быть постепенно возрастающей сложности.

В некоторых случаях, когда необходимо активизировать в памяти малолетнего произошедшие события, следует возвратиться к событиям, предшествовавшим преступлению. Постепенно припоминая то, что с ним произошло, ребенок сможет непроизвольно вспомнить нужное обстоятельство как фрагмент целостной ситуации.

Если малолетний стыдится рассказывать о случившемся, можно использовать **анатомические куклы**. Набор кукол включает мальчиков и девочек, мужчин и женщин, бабушек и дедушек, у которых имеются гениталии, ротовые и анальные отверстия, вторичные половые признаки. Подобные куклы очень натуралистичны, и поэтому информация, полученная с использованием таких кукол, является достаточно объективной.

Допрос потерпевшего дошкольного (4–7 лет) возраста целесообразно начинать с вовлечения ребенка в беседу, не касающуюся существа уголовного дела, при необходимости прибегая к помощи педагога (психолога). Снятию эмоциональной напряженности малолетнего потерпевшего могут способствовать:

- побуждение его к рассказу на отвлеченные темы путем постановки нейтральных по существу дела, но относящихся к зоне его интереса вопросов («Как зовут твою подружку?», «Вы с ней часто видите?» и т. п.);
- предложение нарисовать рисунок на нейтральную относительно криминальной ситуации тему с дальнейшим его обсуждением посредством постановки открытых вопросов.

После перерыва в допросе разговор с малолетним потерпевшим постепенно переводится на тему, составляющую основу уголовного дела. При этом, побуждая ребенка к даче правдивых показаний (ч. 2 ст. 191 УПК РФ), целесообразно подчеркивать неизбежность наказания виновного. Со стороны следователя должна проявляться внимательность и заинтересованность, так как дети очень чувствительны и в случае ощущения равнодушия, давления или недовольства могут замкнуться — тогда цель допроса не будет достигнута.

Как можно видеть из представленных для изучения видеофонограмм, **порядок, рекомендованный для достижения цели допроса, соблюдался лишь частично**, если не сказать фрагментарно.

08.10.2020 допрос малолетней потерпевшей У. и малолетней потерпевшей В. не содержит вступительной части (следователь непосредственно после зачитывания формулы процессуального начала допроса приступает к расспрашиванию по сути происходящего), допрос каждой девочки длится чрезмерно непродолжительно (5–8 минут), фактически немедленно прекращается после того, как следователь получает формальное подтверждение предположения о причастности подсудимого Т. к совершению действий сексуального характера, тем самым рассматриваемые допросы малолетних потерпевших делятся по времени не адекватно цели установления истины, несмотря на то, что установление истины при получении показаний малолетних априорно является существенно затрудненным процессом.

Формально при дополнительном допросе 13.10.2020 следователем и психологом проводятся контактоустанавливающие действия, организация допроса осуществлена в игровой форме, совершена попытка создания безопасной среды (ребенку предлагается спрятаться под пледом), для конкретизации частей тела, к которым прикасался «дедушка», приготовлены куклы и мягкие игрушки, как это и рекомендуется.

Однако все эти действия совершаются именно формально, как соблюдение необходимого процессуального ритуала, так как слабо связаны с происходящим во время допроса. Невозможно установить, действительно ребенок нуждался в таком средстве имитации безопасной обстановки или укрывание пледом совершалось без осмысления и осознания

целесообразности и необходимости применения этого метода в данном конкретном случае. При этом укрывание пледом исключает возможность анализировать мимику и реакции ребёнка.

Предложение показать части тела, к которым прикасался «дедушка», с помощью кукол реализуется с чрезмерной, излишней экзальтацией, допрашиваемым несовершеннолетним потерпевшим не дается свободы и времени предварительно поиграть с куклой и мягкой игрушкой, кукла и мягкая игрушка-обезьяна практически навязываются как модели для демонстрации. Куклы не являются анатомическими. У. неохотно демонстрирует требуемую информацию с помощью замещающих игрушек, В., более раскованная, легко воспринимающая ситуацию допроса и склонная пошалить, кажется более вовлеченной в «игру». При демонстрации на куклах лица, ведущие допрос, выглядят более активными и экзальтированными, чем это необходимо, исходя из целей и задач следствия, их интонации и стиль подстраивания под то, что им кажется детской речью, в высокой степени наигранны. Создается впечатление, что допрашиваемые малолетние потерпевшие в процессе допроса воспринимаются иными участниками следственного действия не как субъекты взаимодействия, а как объекты воздействия с целью получения информации, подтверждающей причастность подсудимого Т. к совершению действий сексуального характера.

Достоверно установить эмоциональное состояние малолетней потерпевшей У. и малолетней потерпевшей В. в момент осуществления видеозаписей допросов не представляется возможным, так как эмоциональное состояние человека в конкретный момент времени может быть полностью исследовано только через анализ различных факторов, недоступных для изучения при исследовании видеофонограмм.

Вместе с тем имеются косвенные признаки ситуационных эмоциональных реакций малолетней потерпевшей У. и малолетней потерпевшей В. на взаимодействие со следователем, с психологами (К., П.) и их законным представителем, их матерью, Ю.

У. ищет телесный контакт с матерью, ориентируется на её одобрение или неодобрение, при ответах на вопросы следователя ведет себя настороженно, выглядит задумчивой и погруженной в себя, не оживленной, не активной, часто замолкает, предпочитая невербальную форму ответа (кивает головой) или вовсе оставляя вопросы без ответа, реагирует на недовольство и недоумение, выраженные следователем и (или) психологом тем, что замыкается еще больше (тихая речь, вялые интонации, немногословность). С высокой вероятностью демонстрирует признаки заученности при ответах на вопросы. Психоэмоциональное состояние потерпевшей У. перед допросом и в процессе его проведения можно определить как настороженное, испуганное, подавленное. Она весьма заметно ориентирована на реакцию законного представителя — матери, ищет взглядом её одобрения, а также на реакцию других взрослых, разговаривающих с ней, выглядит встревоженной.

Психоэмоциональное состояние потерпевшей В. перед допросом и в процессе его проведения можно определить как безразличное к происходящему, в целом спокойное, девочка скучает и тяготеет к неинтересным для неё делам, вертит в руках телефон, смотрит на его дисплей, выражает желание и надежду на то, что разговор продлится недолго, демонстрирует желание играть, иногда шалит.

Как показывает психолог П., «<...> когда она разговаривала с У. про игры, в комнату забежала В. и спряталась под стол, закрыла лицо руками. У. задала вопрос «В., ты чего?», на что В. ответила «я испугалась рассказывать про дедушку». Это обстоятельство, о котором известно исключительно со слов психолога П., интерпретируется как факт, подтверждающий психологическую травмированность ребёнка совершенными с ним действиями сексуального характера и причастностью «дедушки» (подсудимого Т.) к

этим действиям, но невозможно достоверно исключить иную интерпретацию: возможно, В. убежала от взрослых и спряталась под стол, не желая продолжать скучные для неё разговоры, и испугалась именно необходимости в них участвовать тогда, когда ей на самом деле скучно и хочется бегать и играть.

Невозможно достоверно исключить то обстоятельство, что проводимые допросы малолетней потерпевшей У. и малолетней потерпевшей В. в том формате, в котором они были проведены, способствовали вследствие напористости взрослых и высокого темпа расспрашивания формированию у детей впечатления, что с ними в реальной действительности совершено что-то нехорошее, и сами по себе являются для малолетних потерпевших психотравмирующим фактором.

4. Синтезирующая часть

Проведенное исследование показало следующее.

4.1. Результаты сопоставления речевого содержания видеофонограмм, фиксирующих речевые и иные действия участников допросов и дополнительных допросов несовершеннолетних потерпевших В. и У., с текстом соответствующих протоколов допроса и дополнительного допроса представлены в таблицах 1–4 в подразделе 2.2 настоящего заключения.

По данным, содержащимся в указанных таблицах, нетрудно видеть, что между реальным содержанием видеофонограмм, фиксирующих следственные действия, и описанием их хода в протоколах допроса и дополнительного допроса наблюдаются **множественные несоответствия**.

В числе указанных несоответствий имеются такие отклонения включенных в протоколы описаний (письменного представления устных реплик участников следственных действий, описания невербальных действий и событий, мимических и пантомимических элементов коммуникации) от речевых и внеречевых действий, иных событий, реально наблюдаемых в видеоряде и речевом содержании видеофонограмм, которые являются, по мнению специалистов, существенными и могут иметь значение для разрешения данного уголовного дела. Ниже перечислены наиболее существенные, по мнению специалистов, отклонения подобного рода.

4.1.1. В текстах протоколов первичного допроса обеих несовершеннолетних потерпевших полностью отсутствуют сведения о мимической и пантомимической активности их законного представителя (матери). Между тем мать потерпевших ведет себя активно, с помощью мимических и пантомимических действий **многokrатно** выражает отношение (например, в виде одобрения, поощрения «правильных»¹ действий) к высказываниям и иным действиям потерпевших, совершаемым ими в ходе допроса, что **может иметь влияние на дальнейшее их поведение и оказывать регулирующее воздействие на сообщение ими тех или иных сведений**.

На видеофонограммах с записью **дополнительных допросов обеих потерпевших**, состоявшихся 13/X-2020, лицо матери выпадает из кадра, в связи с чем судить о возможных мимических проявлениях ее активности либо их отсутствии не представляется воз-

¹ Специалисты полагают важным подчеркнуть, что оценку со стороны законного представителя потерпевших сообщаемой ими на допросах информации как информации «правильной» не следует интерпретировать как подтверждение истинности сообщаемых потерпевшими сведений: из содержания представленных материалов уголовного дела со всей определенностью вытекает, что мать не является свидетелем, непосредственно воспринимавшим события, о которых идет речь; об обстоятельствах предположительно имевших место визита или визитов потерпевших к «дедушке» ей известно лишь со слов самих потерпевших, о чем известно всем участникам рассматриваемых следственных действий.

возможным. Удаленное от места демонстрации расположение устройства видеofиксации, а также низкое техническое качество видеоряда с множеством стоп-кадров препятствуют уверенной интерпретации каких-либо пантомимических элементов активности матери, что является, по мнению специалистов, существенными признаками ненадлежащей видеofиксации дополнительных допросов обеих потерпевших.

4.1.2. В текст протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего В. от 8/Х-2020 не включена одна из ее реплик (встречный вопрос «Недолго?») в начальной части допроса с вероятным напоминанием о полученном потерпевшей обещании, что много времени допрос не займет), которая может рассматриваться как признак имевшей место подготовки потерпевшей к данному следственному действию и как косвенный признак подготовленности ее речи.

4.1.3. В тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего В. от 8/Х-2020 не отражена речевая активность законного представителя потерпевшей (матери), вмешивающейся в ход допроса с вопросом «С кем ты была? Ты одна была?» об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела, известных матери. Данный вопрос не является запросом информации, которая не является известной говорящему, и относится тем самым к категории наводящих вопросов, побуждающих потерпевшую к сообщению сведений, известных спрашивающему.

В тексте протокола указанного допроса не отражена также последующая шепотная реплика следователя, которая, вероятно, оценивает описанную речевую активность матери потерпевшей как недопустимую, в связи с чем делает ей замечание о нарушении монополии допрашивающего лица на формулирование вопросов.

4.1.4. В тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего В. от 8/Х-2020 не отражена сообщенная потерпевшей по запросу следователя, продублированному в переформулированном виде законным представителем потерпевшей, информация о том, что она была «в гостях у бабушки» одна. Эта информация вступает в противоречие с содержанием ранее данного потерпевшей объяснения о том, что ее визит в квартиру подсудимого был совместным с У.

4.1.5. В тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего В. от 8/Х-2020 не отражено то обстоятельство, что потерпевшая, отвечая на запрос следователем информации о действиях подсудимого, отличной от сведений, ранее сообщенных потерпевшей (смотрели мультфильмы, пили чай с сахаром), трижды («Не знаю», «Я не знаю», «Я не знаю больше») отказывается в предоставлении запрошенной следователем информации, ссылаясь на то, что она ею не располагает.

4.1.6. В тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего В. от 8/Х-2020 не отражено то обстоятельство, что после формулирования следователем запроса информации о действиях подсудимого, отличной от сведений, ранее сообщенных потерпевшей (смотрели мультфильмы, пили чай с сахаром) и отказа потерпевшей в предоставлении запрошенной у нее следователем информации со ссылкой на то, что она этой информацией не располагает, в ход допроса вмешивается законный представитель потерпевшей:

- законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину, потерпевшая поворачивает лицо к законному представителю, законный представитель совершает мимические жесты;
- после повторного отказа потерпевшей в предоставлении запрошенной у нее следователем информации законный представитель жестом правой руки несколько раз указывает в направлении своего паха, при этом потерпевшая переводит взгляд, пристально смотрит на руку законного представителя, совершающую указанные жесты;

- после третьего отказа потерпевшей в предоставлении запрошенной у нее следователем информации **законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину, затем, дергая левой рукой потерпевшую за рукав куртки, обращаясь к потерпевшей, произносит: «Скажи».**

4.1.7. В тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего В. от 8/Х-2020 не отражено то обстоятельство, что в ход допроса вмешивается психолог с относящимся к категории наводящих вопросам «Подходил дедушка к тебе?».

4.1.8. В тексте протокола дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего В. от 13/Х-2020 не отражены реплики психолога «С папой?! Да?», «За папу?!» (дважды), «А про кого?», «Ни за кого?». Данные вопросы психолога относятся к категории наводящих, с их помощью психолог пытается добиться от потерпевшей заранее известного, совершенно определенного ответа о «дедушке» как субъекте инкриминируемых подсудимому действий, который рассматривается как единственно «правильный».

4.1.9. В тексте обоих протоколов дополнительного допроса несовершеннолетних потерпевших от 13/Х-2020 имеется множество сведений о проведенной потерпевшими демонстрации с помощью кукол телесных прикосновений, совершенных «дедушкой». Удаленное от места демонстрации расположение устройства видеofиксации, а также низкое техническое качество видеоряда с множеством стоп-кадров препятствуют верификации этих сведений.

При этом в ходе дополнительного допроса несовершеннолетней потерпевшей У., состоявшегося 13/Х-2020, вербальная информация о местах прикосновениях «дедушки» к телу потерпевшей выражается лишь в речи психолога, комментирующего манипуляции с куклами, одну из которых держит в руках психолог. Потерпевшая У. на вербальном уровне сообщает лишь о том, что «дедушка» прикасался к ней дважды.

4.1.10. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 8/Х-2020, потерпевшая сообщает, что субъект действий, в совершении которых обвиняется подсудимый, «трогал за ноги и за живот». В качестве субъекта этих действий потерпевшая называет своего отца: «Папа трогал за ноги и за живот».

Однако в тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 8/Х-2020 это высказывание потерпевшей имеет существенно иной вид: «он трогал меня за ноги и живот».

4.1.11. В тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 8/Х-2020 не отражено то обстоятельство, что после формулирования следователем запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому («И когда чай пили, дедушка что делал?»), в ход допроса вмешивается законный представитель (мать) потерпевшей:

- потерпевшая через паузу поворачивается в сторону законного представителя, законный представитель поворачивает голову ей навстречу;
- **законный представитель, используя шепотную речь, произносит: «Трогал».**

Поведение матери однозначно интерпретируется как подсказка потерпевшей «правильного» ответа на сделанный следователем запрос информации о действиях подсудимого, отличных от распития с потерпевшей чая. Коммуникативное намерение, присутствующее реплике матери «Трогал», — побуждение к сообщению потерпевшей следствию «правильной» (с точки зрения матери) информации о прикосновениях подсудимого к потерпевшей.

Потерпевшая принимает описанную подсказку и повторяет высказывание матери.

4.1.12. В тексте протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 8/Х-2020 в искаженном виде представлен финальный коммуникативный блок допроса.

В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 8/Х-2020 следователь побуждает потерпевшую показать, как именно «дедушка» к ней прикасался; потерпевшая отказывается от предложенной демонстрации.

Следователь запрашивает информацию о причинах отказа потерпевшей от демонстрации прикосновений «дедушки», задавая вопрос **«Не можешь, да? Не хочешь потому что?»** Конструкция вопроса включает в себя готовый ответ — предположение, которое нужно лишь подтвердить или опровергнуть. Данный вопрос относится тем самым к категории наводящих.

Однако в тексте указанного протокола потерпевшей приписана реплика «нет, не хочу», а вопрос следователя имеет вид «а почему не хочешь?» и при таком представлении и в контексте протокола, в отличие от реального речевого содержания видефонограммы с записью допроса, наводящим не является.

4.1.13. В начале дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 13/Х-2020, следователь запрашивает информацию о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому: «У., У., расскажешь, что с тобой произошло?» Потерпевшая, отмалчиваясь, уклоняется тем самым от информирования следователя.

Психолог вмешивается в ход допроса, побуждает потерпевшую проинформировать следователя по сделанному той запросу, ссылаясь на то, что ей известно о причинах, по которым потерпевшая уклоняется от дачи показаний, сохраняя молчание: «Почему ты не хочешь рассказывать? Ты мне говорила, м. У.?» Данная реплика содержит пресуппозитивные сведения о том, что события, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому, являлись темой обсуждения в не документированном акте коммуникации между психологом и потерпевшей, что может рассматриваться как косвенный признак подготовленности речи потерпевшей.

Однако в тексте протокола дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 13/Х-2020 этот вопрос психолога сокрыт, реплика психолога имеет следующий вид: «почему ты не хочешь рассказывать?»

4.1.14. В тексте протокола дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 13/Х-2020 в искаженном виде представлен один из коммуникативных блоков допроса.

В ходе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 13/Х-2020, следователь и психолог совместно настаивают на даче потерпевшей показаний о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому: «Почему ты не хочешь рассказывать?» Данная реплика психолога дополняется также вопросом **«Тебе неприятно, да?»**, на который потерпевшая не дает ответа.

Высказывание **«Тебе неприятно, да?»** представляет собой закрытый вопрос, содержащий предположение, которое нужно лишь подтвердить или опровергнуть, тем самым является разновидностью наводящего вопроса. Коммуникативное намерение психолога состоит в побуждении потерпевшей к даче показаний о том, что ей неприятно говорить о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому.

Однако в тексте указанного протокола этот наводящий вопрос отсутствует, а потерпевшей приписан ответ «неприятно».

4.2. В речевом содержании видеофонограмм с записью допроса и дополнительного допроса потерпевших зафиксированы наводящие вопросы со стороны участников следственного действия, а также ответы потерпевших, содержание которых определялось влиянием иных участников.

4.2.1. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 8/Х-2020, законный представитель потерпевшей вмешивается в ход допроса с вопросом «С кем ты была? Ты одна была?» об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела, которые для матери являются уже известными. Данный вопрос не является запросом информации, которая не была бы известной говорящему, и относится тем самым к категории **наводящих вопросов**, побуждающих потерпевшую к сообщению сведений, уже известных спрашивающему. Следовательно, ведущая допрос, **вероятно, оценивает описанную речевую активность матери потерпевшей как недопустимую, в связи с чем делает ей замечание.**

4.2.2. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 8/Х-2020, после формулирования следователем запроса информации о действиях подсудимого, отличной от сведений, ранее сообщенных потерпевшей (смотрели мультфильмы, пили чай с сахаром) и отказа потерпевшей в предоставлении запрошенной у нее следователем информации со ссылкой на то, что она этой информацией не располагает, в ход допроса вмешивается законный представитель потерпевшей:

- **законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину, потерпевшая поворачивает лицо к законному представителю, законный представитель совершает мимические жесты;**
- после повторного отказа потерпевшей в предоставлении запрошенной у нее следователем информации **законный представитель жестом правой руки несколько раз указывает в направлении своего паха, при этом потерпевшая переводит взгляд, пристально смотрит на руку законного представителя, совершающую указанные жесты;**
- после третьего отказа потерпевшей в предоставлении запрошенной у нее следователем информации **законный представитель левой рукой подталкивает потерпевшую в спину, затем, дергая левой рукой потерпевшую за рукав куртки, обращаясь к потерпевшей, произносит: «Скажи».**

Таким образом, **мать потерпевшей в ходе допроса настаивает на необходимости сообщить следствию «правильную» (с точки зрения матери) информацию о прикосновениях подсудимого к половым органам потерпевшей, переходя в вербальному способу прямого императивного побуждения («Скажи»), а с учетом сопутствующего прямого физического воздействия на потерпевшую — к ее понуждению выполнить требование матери, что является признаком влияния со стороны законного представителя потерпевшей на содержание ответа допрашиваемого лица на заданный следователем вопрос, относящийся к обстоятельствам, на которые сторона обвинения ссылается как на свидетельствующие о вине подсудимого в инкриминируемом ему деянии. При этом материю используется шепотная речь, с высокой вероятностью преследующая конспиративные цели.**

4.2.3. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 8/Х-2020, наблюдается вопрос психолога «Подходил дедушка к тебе?». Представить себе, что на всем протяжении общения потерпевшей с «дедушкой», в ходе которого они пили чай и смотрели мультфильмы, ни разу не возникало ситуации, при которой «дедушка» приближался к потерпевшей, затруднительно. Следовательно, данный **вопрос** характеризуется коммуникативным намерением, отличным от запроса информации, которой говорящий не

располагает, является вопросом с заранее известным говорящему ответом и **относится к категории наводящих**.

4.2.4. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 8/Х-2020, информация о действиях подсудимого, отличная от сведений, ранее сообщенных потерпевшей (смотрели мультфильмы, пили чай с сахаром), **запрашивалась у потерпевшей четырежды**.

Трижды потерпевшая отказывает в предоставлении этой запрошенной у нее следователем информации со ссылкой на то, что она этой информацией не располагает; наконец, в четвертый раз на этот вопрос потерпевшая дает «правильный» ответ, на котором настаивала ее мать и о котором они с матерью с высокой вероятностью заранее договорились, информируя следователя о том, что «дедушка» прикасался к половым органам потерпевшей.

Подобная настойчивость участников следственного действия является **признаком влияния** на содержание ответа допрашиваемого лица на заданный следователем вопрос, относящийся к обстоятельствам, на которые сторона обвинения ссылается как на свидетельствующие о вине подсудимого в инкриминируемом ему деянии.

4.2.5. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 8/Х-2020, следователь задает вопрос «Больше ничего дедушка не делал?». Данный вопрос **является вопросом закрытым и представляет собой готовый ответ**, истинность которого надо лишь подтвердить. Подлинная коммуникативная цель данного вопроса отлична от запроса информации, состоит **в завершении диалога с приданием допросу законченного и успешного вида** (допрашиваемое лицо полностью удовлетворило информационный запрос следователя, сообщив обо всех действиях «дедушки» исчерпывающую информацию).

Потерпевшая дает ожидаемое от нее подтверждение правильности предположения следователя о том, что «дедушка» в ходе общения с потерпевшей не совершил никаких действий, кроме распития чая, просмотра мультфильмов, а также приближения к потерпевшей и прикосновений к ее половым органам: не выключал по завершении просмотра мультфильмов телевизор, не открывал никаких дверей, ни о чем не говорил и т. д. и т. п. Очевидная абсурдность подобного положения дел, не вызвавшая какой-либо негативной реакции со стороны следователя, свидетельствует о том, что данный вопрос **следует отнести к категории наводящих вопросов** с заранее известным допрашивающему единственно «правильным» ответом.

4.2.6. В ходе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 13/Х-2020, потерпевшая дает на запрос информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому, **ответ о том, что к указанным событиям причастен ее отец** («Со мной было... с папой»), и **настаивает на своем ответе, подтверждая его шесть раз**, затем потерпевшая, чей ответ многократно был оценен психологом в ходе допроса как «неправильный», **отказывается отвечать на очередной повтор вопроса** («Ни за кого») и **настаивает на своем отказе** («Нет»).

Полученная информация вызывает **со стороны психолога демонстрацию удивления и (или) возмущения**. Реплики психолога «С папой?! Да?», «Про папу?!», «За папу?!» (дважды), «А про кого?», «А ты хоте... А ты вот... тогда пугалась, убежала под стол... (*переходит на шепотную речь*) Ты про кого не хотела рассказывать?», «Про кого ты там не хотела рассказывать?», «Ты когда пряталась, ты про кого не хотела рассказывать?», «Ни за кого?» имеют вопросительную форму, причем вопросы риторическими не являются и требуют ответа. Информационные запросы, содержащиеся в данных репликах, являются повторными вопросами, на которые ранее потерпевшей был дан исчерпывающий ответ.

Подобная конструкция вопросов свидетельствует о том, что содержание ранее данных ответов психолога не устраивает, что является косвенным **побуждением**, адресованным потерпевшей, **к изменению ранее данных показаний**. Данные **вопросы психолога относятся к категории наводящих**, содержат пресуппозитивную информацию о том, что ответ, данный потерпевшей в свободном режиме, не является «правильным», не устраивает иных участников следственного действия. Психолог **пытается добиться от потерпевшей заранее известного, совершенно определенного ответа, который рассматривает как «правильный»**.

4.2.7. Реплика психолога «Милана твою куколку?! Вот это имя, какое хорошее! Угу. А давай куколке расскажем, куда в гости ходить не надо», наблюдаемая в составе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 13/Х-2020, содержит пресуппозитивную информацию о существовании некоего запретного для посещения потерпевшей места. Данная информация ранее со стороны потерпевшей не сообщалась ни на данном дополнительном допросе, ни в ходе ее первичного допроса, а равно в объяснении. Таким образом, **вопрос относится к категории наводящих**.

4.2.8. В ходе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 13/Х-2020, при выяснении в диалоге с допрашиваемым лицом оснований, по которым посещение «дедушки» является для потерпевшей запретным, психолог задает вопрос «Дедушка какой: хороший или плохой?».

Данный **вопрос включает в себя варианты ответов**, предлагаемые психологом допрашиваемому лицу, при этом **выбор варианта ответа «Дедушка плохой» является очевидным и единственно возможным**: вариант «Дедушка хороший» со всей очевидностью не может рассматриваться как информация об основаниях, по которым посещение «дедушки» является запретным. После выбора потерпевшей этого единственно возможного варианта ответа («Хоро... Плохой!») психолог **демонстрирует одобрение выбранного потерпевшей варианта ответа как «правильного»**. Данный вопрос, таким образом, **относится к категории наводящих**.

4.2.9. В ходе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 13/Х-2020, следователь задает вопрос «А дедушка при этом тебе что-то говорил?». Данный вопрос **является вопросом закрытым и представляет собой готовый ответ**, истинность которого надо лишь подтвердить.

Потерпевшая дает ожидаемое от нее подтверждение правильности предположения следователя о том, что «дедушка» в ходе общения с потерпевшей ничего не говорил (следовательно, молча заварил чай, молча его выпил, молча включил мультфильмы, молча выключил по завершении просмотра мультфильмов телевизор, не здоровался, не прощался и т. д. и т. п.). Очевидная абсурдность подобного положения дел, не вызвавшая какой-либо негативной реакции со стороны следователя, свидетельствует о том, что данный вопрос **следует отнести к категории наводящих вопросов** с заранее известным допрашивающему единственно «правильным» ответом. Однако **следователь запрашивает у потерпевшей информацию не о содержании речевых действий «дедушки», но лишь о факте их совершения**, что дает потерпевшей возможность **уйти от необходимости развернуто отвечать** на вопрос следователя посредством простого отрицания факта говорения «дедушкой» чего бы то ни было.

Полностью аналогичный вопрос «А что-то при этом дедушка говорил?», в силу описанных причин также подлежащий отнесению к категории наводящих, следователь задает также в ходе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 13/Х-2020.

4.2.10. В начальной части допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 8/Х-2020, следователь **инициирует запрос некой информации, однако про-**

звучавшая часть незавершенного высказывания («Ну, расскажи, пожалуйста..») не является достаточной для установления смысла вопроса.

Потерпевшая перебивает следователя и информирует по не заданному вопросу о том, что субъект действий, в совершении которых обвиняется подсудимый, «трогал за ноги и за живот». В качестве субъекта этих действий потерпевшая называет своего отца: «**Папа** трогал за ноги и за живот».

Следователь дважды задает вопрос о том, кто именно был субъектом действий, о которых сообщила потерпевшая («Кто трогал?», «А кто трогал за ноги и живот?»). При этом информация по данному аспекту, содержащаяся в высказывании потерпевшей, была исчерпывающей (субъектом был ее отец). Тем самым данный вопрос следователя является повторным вопросом, на который ранее был дан исчерпывающий ответ. Подобная конструкция вопроса свидетельствует о том, что содержание ранее данного ответа следователя не устраивает, что является косвенным **побуждением**, адресованным потерпевшей, **к изменению ранее данных показаний**.

Вопрос относится к категории наводящих, содержит пресуппозитивную информацию о том, что данный потерпевшей ответ не является «правильным», с точки зрения следователя. Последующее сообщение потерпевшей, в котором она называет в качестве субъекта действий, о которых она сообщила, «дедушку», в отличие от рассмотренного, не вызывает проявлений несогласия со стороны следователя, что свидетельствует о том, что именно этот новый ответ потерпевшей является, с точки зрения следователя, «правильным».

4.2.11. В ходе первичных допросов обеих несовершеннолетних потерпевших, состоявшихся 8/Х-2020, мать потерпевших ведет себя активно, с помощью мимических и пантомимических действий **многokrатно** выражает отношение (например, в виде одобрения, поощрения «правильных» действий) к высказываниям и иным действиям потерпевших, совершаемым ими в ходе допроса, что **может иметь влияние на дальнейшее их поведение и оказывать регулирующее воздействие на сообщение ими тех или иных сведений**.

На видеофонограммах с записью **дополнительных допросов обеих потерпевших**, состоявшихся 13/Х-2020, лицо матери выпадает из кадра, в связи с чем судить о возможных мимических проявлениях ее активности либо их отсутствии не представляется возможным. Удаленное от места демонстрации расположение устройства видеofиксации, а также низкое техническое качество видеоряда с множеством стоп-кадров препятствуют уверенной интерпретации каких-либо пантомимических элементов активности матери, что является, по мнению специалистов, существенными **признаками ненадлежащей видеofиксации дополнительных допросов обеих потерпевших**.

4.2.12. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 8/Х-2020 после формулирования следователем запроса информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому («**И когда чай пили, дедушка что делал?**»), в ход допроса **вмешивается законный представитель (мать) потерпевшей**:

- потерпевшая через паузу поворачивается в сторону законного представителя, законный представитель поворачивает голову ей навстречу;
- **законный представитель, используя шепотную речь, произносит: «Трогал».**

Поведение матери однозначно интерпретируется как **подсказка потерпевшей «правильного» ответа** на сделанный следователем запрос информации о действиях подсудимого, отличных от распития с потерпевшей чая. Коммуникативное намерение, присутствующее реплике матери «Трогал», — **побуждение к сообщению следствию со стороны**

потерпевшей «правильной» (с точки зрения матери) информации о факте прикосновений подсудимого к потерпевшей.

Потерпевшая принимает описанную подсказку и повторяет высказывание матери.

Таким образом, мать потерпевшей в ходе допроса настаивает на необходимости сообщить следствию «правильную» (с точки зрения матери) информацию о факте прикосновений подсудимого, переходя в вербальному способу побуждения в форме подсказки, что является признаком влияния со стороны законного представителя потерпевшей на содержание ответа допрашиваемого лица на заданный следователем вопрос, относящийся к обстоятельствам, на которые сторона обвинения ссылается как на свидетельствующие о вине подсудимого в инкриминируемом ему деянии. При этом матерью используется шепотная речь, с высокой вероятностью преследующая конспиративные цели.

4.2.13. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего У. от 8/Х-2020 следователь побуждает потерпевшую показать, как именно «дедушка» к ней прикасался; потерпевшая отказывается от предложенной демонстрации.

Следователь запрашивает информацию о причинах отказа потерпевшей от демонстрации прикосновений «дедушки», задавая вопрос «Не можешь, да? Не хочешь потому что?» Конструкция вопроса включает в себя готовый ответ — предположение, которое нужно лишь подтвердить или опровергнуть. Данный вопрос относится тем самым к категории наводящих.

4.2.14. В ходе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 13/Х-2020, следователь и психолог совместно настаивают на даче потерпевшей показаний о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому: «Почему ты не хочешь рассказывать?» Данная реплика психолога дополняется также вопросом «Тебе неприятно, да?», на который потерпевшая не дает ответа.

Высказывание «Тебе неприятно, да?» представляет собой закрытый вопрос, содержащий предположение, которое нужно лишь подтвердить или опровергнуть, тем самым является разновидностью наводящего вопроса. Коммуникативное намерение психолога состоит в побуждении потерпевшей к даче показаний о том, что ей неприятно говорить о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому, что является признаком влияния со стороны психолога на содержание ответа допрашиваемого лица.

В финальной части указанного дополнительного допроса это побуждение проявляется в речи психолога повторно, также в форме закрытого вопроса «Но тебе неприятно, да, было? Плохо?».

4.2.15. В протоколе допроса психолога П. от 13/Х-2020 (т. 1, л. д. 185–190), в указанную дату ранее принимавшей также участие в статусе специалиста-психолога в дополнительных допросах обеих несовершеннолетних потерпевших, допрашиваемое лицо высказывает суждение, в соответствии с которым «при допросе задавались наводящие вопросы, необходимость которых обусловлена преобладанием диалогической речи, а также недостаточной способностью к обобщению по существенным признакам и неумением устанавливать логические связи» (т. 1, л. д. 189–190).

Тем самым психолог П. официально подтверждает наводящий характер вопросов, задававшихся в ходе допросов потерпевших.

Из содержания процитированного суждения специалиста-психолога П. вытекает, что она оправдывает факт массированного применения как ею, так и иными

участниками рассматриваемых следственных действий наводящих вопросов в ходе допросов потерпевших:

- 1) ссылкой на диалогический характер речи, что является имманентным, неотъемлемым свойством речевого жанра допроса как такового и характеризует любой допрос без исключения;
- 2) ссылкой на свойства личности потерпевших, являющиеся следствием их возрастного статуса малолетних.

Каким образом такая позиция может быть совмещена с безусловным запретом, установленным ч. 2 ст. 289 УПК РФ («Задавать наводящие вопросы запрещается»), и может ли в рамках правил, установленных действующей редакцией УПК РФ, быть проведен какой бы то ни было допрос какого-либо малолетнего свидетеля, заведомо обладающий совокупностью обоих перечисленных психологом П. свойств, она, к сожалению, не поясняет.

Дальнейшая оценка данного обстоятельства выходит за пределы компетенции специалистов.

4.2.16. Немногословность потерпевших в процессе их допросов и дополнительных допросов, путаница в понятиях, иные наблюдаемые противоречия в деталях (например, в той части, были они «в гостях» у «дедушки» вместе или все же «сначала УУУ»), низкая детализация воспоминаний могут быть объяснены тем, что о деталях, о которых их спрашивают следователь и психолог, они просто не осведомлены, картина события известна им со слов матери и из наводящих вопросов следователя и психолога, и в своих ответах они вынуждены достраивать реальность, «угадывать» желаемый и ожидаемый от них ответ, чтобы не вызвать негодования взрослых, что является признаком влияния иных участников следственных действий (но не носящего характера системной, продуманной в деталях привнесенной в сознание потерпевших извне картины произошедшего — или НЕ произошедшего).

Указанные признаки допускают исчерпывающее объяснение действием психологического механизмов замены и вытеснения реальных воспоминаний привнесенными — так называемого эффекта «ложных воспоминаний», в результате то, что ребенок слышал от других людей, может превращаться в воспоминания якобы пережитого им самим.

4.2.17. Признаком влияния иных участников следственных действий на содержание показаний несовершеннолетних потерпевших является также то, что в ходе допросов детали и (или) информация, противоречащая предубежденности следствия, не воспринимались и отвергались допрашивающим лицом и присутствующим при допросе психологом (потерпевших переспрашивали до тех пор, пока они не давали устраивающий следствие ответ или вовсе не замолкали).

4.2.18. Еще одним существенным признаком влияния иных участников следственных действий является то, что в ходе допросов следователь и психолог чрезмерно ускоряются, создают суету, чрезмерно настойчиво спрашивают потерпевших исключительно о том, как их трогал и каких частей тела касался «дедушка», что создает психологическое давление на допрашиваемые лица за счет демонстрации следователем и психологом недовольства «неправильными ответами» сестёр У. и В., а равно оставлением задаваемых им вопросов без ответа. Подобная демонстрация расценивается как потенциально травмирующее действие, приводящее в данном случае к наблюдаемому в ходе допросов смущению, зажатости, подавленности потерпевших.

4.2.19. Действие перечисленных в подразделах 4.2.17 и 4.2.18 факторов влияния усилено отсутствием надлежащим образом проведенных следствием контактоустанавливающих мероприятий:

- к проведению первичных допросов был привлечен специалист-психолог, предварительно знакомый с потерпевшими, что противоречит общепринятым в юридической психологии рекомендациям;
- первичные допросы проведены без вступительной, контактоустанавливающей части, направленной на снятие эмоциональной напряженности у ребенка, начинаются непосредственно с вопросов по существу дела;
- при дополнительных допросах контактоустанавливающие действия проведены ненадлежащим образом, сугубо формально, как соблюдение необходимого процессуального ритуала, слабо связанного с происходящим во время допроса;
- в ходе дополнительных допросов прием демонстрации действий, составляющих предмет рассказа потерпевших, на куклах реализуется с **чрезмерной, излишней экзальтацией**, допрашиваемым несовершеннолетним потерпевшим не дается свободы и времени предварительно поиграть с куклой и мягкой игрушкой, кукла и мягкая игрушка-обезьяна практически навязываются как модели для демонстрации (следует также заметить, что куклы не являются анатомическими, что рекомендуется при проведении подобных демонстраций). В результате создается впечатление, что допрашиваемые малолетние потерпевшие в процессе допроса воспринимаются иными участниками следственного действия не как субъекты взаимодействия, а как объекты воздействия с целью получения информации, подтверждающей причастность подсудимого Т. к совершению действий сексуального характера.

4.3. В показаниях и поведении потерпевших, зафиксированных представленными видеофонограммами с записью их допроса и дополнительного допроса, имеются следующие признаки подготовленности, заученности речи, неестественного припоминания.

4.3.1. В начальной части допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., проведенного 8/Х-2020, имеется встречный вопрос допрашиваемого лица «Недолго?» в начальной части допроса с вероятным напоминанием о полученном потерпевшей при ее подготовке к допросу обещании, что много времени допрос не займет, который может рассматриваться как **косвенный признак подготовленности ее речи**.

4.3.2. В ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 8/Х-2020, мать потерпевшей, настаивая на необходимости сообщить следствию «правильную» (с точки зрения матери) информацию о прикосновениях подсудимого к половым органам потерпевшей, переходит в вербальному способу прямого императивного побуждения («Скажи»), а с учетом сопутствующего прямого физического воздействия на потерпевшую — к ее понуждению выполнить требование матери.

Реплика матери «Скажи» без уточнений, о каких именно действиях «дедушки» допрашиваемое лицо должно сообщить, содержит пресуппозитивные сведения о том, что в ходе подготовки к допросу потерпевшая с матерью определенно обсуждали необходимость сообщения именно сведений о прикосновениях «дедушки» к половым органам потерпевшей, что может рассматриваться как **признак подготовленности речи потерпевшей**.

4.3.4. В ходе дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего В., состоявшегося 13/Х-2020, потерпевшая дает на запрос информации о событиях, в ходе которых, по версии следствия, имели место действия, вменяемые в вину подсудимому, **ответ о том, что к указанным событиям причастен ее отец** («Со мной было... с папой»), и настаивает на своем ответе.

Психолог вмешивается в ход допроса и, в частности, задает вопросы «А ты хоте... А ты вот... тогда пугалась, убежала под стол... (*переходит на шепотную речь*) Ты про кого не хотела рассказывать?», «Про кого ты там не хотела рассказывать?», «Ты когда пряталась, ты про кого не хотела рассказывать?». В этих вопросах психолог апеллирует к опыту своего общения с потерпевшей, с тем чтобы напомнить о неких обстоятельствах, сведений о которых не имеется, и подвести потерпевшую к «правильному ответу» — к тому, чтобы обозначить вместо папы «дедушку» как участника обсуждаемых событий.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что **в ходе подготовки к допросу психолог определенно обсуждала с потерпевшей участие именно «дедушки» в событиях, в ходе которых предположительно были совершены действия, инкриминируемые подсудимому, что может рассматриваться как признак подготовленности речи потерпевшей.**

4.3.5. В начальной части допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 8/X-2020, следователь **инициирует запрос некой информации, однако прозвучавшая часть незавершенного высказывания («Ну, расскажи, пожалуйста...») не является достаточной для установления смысла вопроса.**

Потерпевшая перебивает следователя и информирует по не заданному вопросу о том, что субъект действий, в совершении которых обвиняется подсудимый, «трогал за ноги и за живот». В качестве субъекта этих действий потерпевшая называет своего отца: «Папа трогал за ноги и за живот». В дальнейшем это сообщение повторяется в речи потерпевшей в близкой по синтаксической конструкции, лексическому составу и порядку слов вариации.

Как показано в подразделе 3.1.3 настоящего заключения (таблица 7), подобное поведение потерпевшей свидетельствует о том, что **на момент начала допроса у потерпевшей имелась обязательная для выполнения коммуникативная задача непременно сообщить на допросе о том, что субъект действий, в совершении которых обвиняется подсудимый, «трогал за ноги и за живот».** Наличие такой коммуникативной задачи с высокой вероятностью является следствием целенаправленной подготовки потерпевшей к допросу.

Изложенное представляет собой **признак подготовленности, заученности речи потерпевшей У.**

4.3.6. В начале дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего У., состоявшегося 13/X-2020, следователь запрашивает информацию о событиях, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому: «У., У., расскажешь, что с тобой произошло?» Потерпевшая, отмалчиваясь, уклоняется тем самым от информирования следователя.

Психолог вмешивается в ход допроса, побуждает потерпевшую проинформировать следователя по сделанному той запросу, ссылаясь на то, что ей известно о причинах, по которым потерпевшая уклоняется от дачи показаний, сохраняя молчание: «Почему ты не хочешь рассказывать? Ты мне говорила, м, У.?» Данная реплика содержит пресуппозитивные сведения о том, что **события, в ходе которых были совершены действия, вменяемые в вину подсудимому, являлись темой обсуждения в не документированном акте коммуникации между психологом и потерпевшей, что может рассматриваться как признак подготовленности речи потерпевшей.**

4.3.7. Немногословность потерпевших в процессе их допросов и дополнительных допросов, путаница в понятиях, иные наблюдаемые противоречия в деталях (например, в той части, были они «в гостях» у «дедушки» вместе или все же «сначала Ника») могут быть объяснены тем, что **о деталях, о которых их расспрашивают следователь и психолог, они просто не осведомлены, картина события известна им со слов матери и из**

наводящих вопросов следователя и психолога, и в своих ответах они вынуждены догадываться реальность, «угадывать» желаемый и ожидаемый от них ответ, чтобы не вызывать негодования взрослых, что является **признаком подготовленности речи** (но не носящей при этом характера системной, продуманной в деталях привнесенной в сознание потерпевших извне картины произошедшего — или НЕ произошедшего).

4.4. В поведении потерпевших наблюдаются следующие **признаки оказания на них психологического и (или) иного воздействия**, которые могли снизить их способность добровольно и самостоятельно давать показания.

4.4.1. В качестве таких признаков следует назвать особенности поведения потерпевших, описанные в подразделе 4.2.16 настоящего заключения: **немногословность потерпевших в процессе их допросов и дополнительных допросов, путаница в понятиях, иные наблюдаемые противоречия в деталях, низкая детализация воспоминаний.**

4.4.2. К числу таких признаков со всей определенностью относятся также **смятение и смущение У.**, проявленные в ходе дополнительного допроса, проведенного 13/Х-2020, **при обсуждении настойчиво, активно и напористо задаваемых следователем и психологом вопросов о трусиках и колготках.**

4.4.3. К числу таких признаков относятся также **настороженное, испуганное, подавленное состояние У.**, проявленное в ходе обоих допросов с ее участием. Она весьма заметно ориентирована на реакцию законного представителя — матери, ищет взглядом её одобрения, а также на реакцию других взрослых, разговаривающих с ней, выглядит встревоженной.

4.4.4. Обе потерпевших в ходе допросов **часто оглядываются на мать**, причем последняя мимикой и жестами (а в некоторых случаях и вербально) фактически подсказывает им, что можно и следует отвечать на заданные им вопросы.

5. Достоверно установить в полном объеме эмоциональное состояние малолетней потерпевшей У. и малолетней потерпевшей В. в момент осуществления видеозаписей допросов **не представляется возможным**, так как эмоциональное состояние человека в конкретный момент времени может быть полностью исследовано только через анализ различных факторов, недоступных для изучения при исследовании видеофонограмм.

Опираясь на зафиксированное содержащимися в файлах видеофонограмм записями допросов поведение потерпевших, можно констатировать лишь **отдельные проявления их эмоционального состояния — ситуационные эмоциональные реакции** на взаимодействие со следователем, с психологами и с законным представителем потерпевших:

- **потерпевшая У.** ищет телесный контакт с матерью, ориентируется на её одобрение или неодобрение, при ответах на вопросы следователя ведет себя настороженно, выглядит задумчивой и погруженной в себя, не оживленной, не активной, часто замолкает, предпочитая невербальную форму ответа или вовсе оставляя вопросы без ответа, реагирует на недовольство и недоумение, выраженные следователем и (или) психологом, тем, что замыкается еще больше (тихая речь, вялые интонации, немногословность). Психологическое состояние данной потерпевшей перед допросом и в процессе его проведения можно определить как настороженное, испуганное, подавленное. Она весьма заметно ориентирована на реакцию законного представителя — матери, ищет взглядом её одобрения, а также на реакцию других взрослых, разговаривающих с ней, выглядит встревоженной;
- **потерпевшая В.** скучает и тяготеет к неинтересным для нее делам — участием в допросах, вертит в руках телефон, смотрит на его дисплей, выражает желание и надежду на то, что разговор продлится недолго, демонстрирует

желание играть, иногда шалит. Психоэмоциональное состояние данной потерпевшей перед допросом и в процессе его проведения можно определить как безразличное к происходящему, в целом спокойное.

ВЫВОДЫ

1. Результаты сопоставления речевого содержания видеофонограмм, фиксирующих речевые и иные действия участников допросов и дополнительных допросов несовершеннолетних потерпевших В. и У., с текстом соответствующих протоколов допроса и дополнительного допроса представлены в таблицах 1–4 в подразделе 2.2 настоящего заключения.

По данным, содержащимся в указанных таблицах, нетрудно видеть, что между реальным содержанием видеофонограмм, фиксирующих следственные действия, и описанием их хода в протоколах допроса и дополнительного допроса наблюдаются **множественные несоответствия**.

В числе указанных несоответствий имеются такие отклонения включенных в протоколы описаний (письменного представления устных реплик участников следственных действий, описания невербальных действий и событий, мимических и пантомимических элементов коммуникации) от речевых и внеречевых действий, иных событий, реально наблюдаемых в видеоряде и речевом содержании видеофонограмм, которые являются, по мнению специалистов, существенными и могут иметь значение для разрешения данного уголовного дела. Наиболее существенные, по мнению специалистов, отклонения подобного рода перечислены и описаны **в подразделе 4.1 синтезирующей части настоящего заключения**.

2. В речевом содержании видеофонограмм с записью допроса и дополнительного допроса потерпевших **зафиксированы наводящие вопросы** со стороны участников следственного действия, **а также ответы потерпевших, содержание которых определялось влиянием иных участников следственных действий**.

Наводящие вопросы участников следственных действий и ответы, содержание которых полностью или частично определялось указанным влиянием, с указанием речевых действий, в которых это влияние было реализовано, приведены и описаны **в подразделе 4.2 синтезирующей части настоящего заключения**.

3. В показаниях и поведении потерпевших, зафиксированных представленными видеофонограммами с записью их допроса и дополнительного

допроса, имеются признаки подготовленности, заученности речи, неестественного припоминания. Указанные признаки приведены и описаны в подразделе 4.3 синтезирующей части настоящего заключения.

4. В поведении потерпевших наблюдаются признаки оказания на них психологического и (или) иного воздействия, которые могли снизить их способность добровольно и самостоятельно давать показания. Указанные признаки приведены и описаны в подразделе 4.4 синтезирующей части настоящего заключения.

5. Достоверно установить в полном объеме эмоциональное состояние малолетней потерпевшей У. и малолетней потерпевшей В. в момент осуществления видеозаписей их допросов и дополнительных допросов **не представляется возможным**, так как эмоциональное состояние человека в конкретный момент времени может быть полностью исследовано только через анализ различных факторов, недоступных для изучения при исследовании видеофонограмм.

Опираясь на зафиксированное содержащимися в файлах видеофонограмм записями допросов поведение потерпевших, можно констатировать лишь **отдельные проявления их эмоционального состояния — ситуационные эмоциональные реакции** на взаимодействие со следователем, с психологами и с законным представителем потерпевших:

- **потерпевшая У.** ищет телесный контакт с матерью, ориентируется на её одобрение или неодобрение, при ответах на вопросы следователя ведет себя настороженно, выглядит задумчивой и погруженной в себя, не оживленной, не активной, часто замолкает, предпочитая невербальную форму ответа или вовсе оставляя вопросы без ответа, реагирует на недовольство и недоумение, выраженные следователем и (или) психологом, тем, что замыкается еще больше (тихая речь, вялые интонации, немногословность). Психоэмоциональное состояние данной потерпевшей перед допросом и в процессе его проведения можно определить как **настороженное, испуганное, подавленное**. Она весьма заметно **ориентирована на реакцию законного представителя — матери**, ищет взглядом её одобрения, **а также на реакцию других взрослых**, разговаривающих с ней, выглядит встревоженной;

- **потерпевшая В.** скучает и тяготится неинтересным для нее делом, вертит в руках телефон, смотрит на его дисплей, выражает желание и надежду на то, что разговор продлится недолго, демонстрирует желание играть, иногда шалит. Психоэмоциональное состояние данной потерпевшей перед допросом и в процессе его проведения можно определить как **безразличное к происходящему, в целом спокойное.**

- Приложение:** 1) оптический диск в формате DVD-R, предоставленный в распоряжение специалистов для производства исследования (описан в разделе 2 исследовательской части настоящего заключения);
- 2) копии документов, подтверждающих квалификацию специалистов, на 11 л.

Специалисты

И. В. Жарков

В. В. Константинова